

Монография

С.В. Шустова

ЛЕКСИЧЕСКИЙ КАУЗАТИВ

ПРИКАМСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

ЛЕКСИЧЕСКИЙ КАУЗАТИВ

Пермь 2010

ББК 81.2

Ш 97

С.В. Шустова

Ш 97 Лексический каузатив. Монография. – Пермь: Прикамский социальный институт, 2010. – 204 с.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор филологических наук, профессор,

заведующая кафедрой общего языкознания Кайгородова И.Н.

(Астраханский государственный университет),

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Егорова И.В. (Пермский филиал государственного университета –

Высшая школа экономики).

Печатается по решению научно-методического совета
Прикамского социального института.

© С.В. Шустова, 2010.

© Прикамский социальный
институт, 2010.

ISBN 978-5-91091-029-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

К закономерностям развития современной лингвистики относится тенденция исследования того или иного лингвистического явления с целью выявления системности, общих свойств, присущих тому или иному языку. Исследование категории каузативности имеет определенную историческую ретроспективу и представлено в ряде работ, в которых используются разнообразные подходы к изучению искомой категории, однако отсутствует единое понимание лингвистической сущности данной категории в рамках теории каузации.

Никем и никогда не оспоренное положение В.Г. Адмони о многоаспектности «качества» любого языкового явления обуславливает наличие множественности взаимопересечений элементов системы по общности отдельных признаков. Часть возникающих таким образом признаков «общностей» может быть основанием того или иного релевантного для системы противопоставления. Таковым является, например, статус категории каузативности по отношению к категории каузальности.

Каузативность является составной частью каузации, которая, в свою очередь, включает понятие каузальности. Каузальность рассматривается как причинение через обусловленность (это так называемый каузальный комплекс: причинно-следственные, условно-следственные, целевые следственные и уступительно-следственные отношения). Каузативность трактуется как причинение через побуждение. В основе интерпретации семантики категории каузативности лежат концепции Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, А.В. Бондарко, И.Б. Долининой, В.Б. Касевича, С.Д. Кацнельсона, Е.Е. Корди, В.П. Недялкова, Г.Г. Сильницкого, А.П. Чудинова. Главенствующим критерием выделения указанной категории является частичная общность семантических функций взаимодействующих языковых элементов, т.е. наличие семантического инварианта при всех различиях вариантов.

Каузативность является специфическим способом отображения объективной действительности. Основное содержание каузативности заключается не в передаче знаний, не в утверждении или отрицании чего-либо, а в побуждении к какому-либо действию или изменению состояния объекта.

Одно из приоритетных направлений современной лингвистики состоит в изучении многоуровневого формального строя языка в его не-

расторжимых и разнонаправленных связях с системно организованной лексической материей языка. Бесспорным и несомненным фактом языковой системы, важность изучения которого представляется очевидной для лингвистов различных направлений, является взаимосвязь свойств синтаксических структур и образующих их классов слов. Вместе с тем характер этой связи, ее принципиальные основы и механизмы остаются одним из малоизученных вопросов лингвистической теории и практики. В связи с этим положением в современной лингвистике большое внимание уделяется изучению системной организации глагольной лексики, поскольку это связано с исследованием роли различных лексико-семантических классов глагольных лексем в структурно-семантической организации предложения. В первую очередь это обусловлено признанием того факта, что глагол является конструктивным центром предложения и от его характера во многом зависит семантико-синтаксическая структура предложения. Уникальность положения глагола определяется рядом факторов: глагол служит выразителем предикативности и является центром и средоточием большинства синтагматических построений в предложении. Как единица языкового строя глагол характеризуется наличием двойного ряда функций на семантическом и грамматическом уровнях. На семантическом уровне глагол выступает: 1) в роли лексической единицы концептуальной номинации, называющей конкретные действия; 2) своей семантической структурой обуславливает структуру предложения на грамматическом уровне. На грамматическом уровне глагол: 1) репрезентирует самого себя как определенный член предложения с определенными морфологическими характеристиками; 2) выступает как синтаксическое ядро предложения, задающее набор синтаксических позиций и определяющие способы их таксономического и морфологического оформления.

Философские и лингвистические концепции В. фон Гумбольдта, О. Эсперсена, Г. Пауля, А.А. Шахматова демонстрируют признание необходимости рассмотрения реальной действительности в соотношении с ее отражением в семантике языковых форм.

В центре нашего внимания находятся информативно-модифицирующие глаголы немецкого языка с привлечением материала из английского языка и других языков, объединяемых в отдельную подсистему на основе их семантико-синтаксических особенностей. Лексико-грамматическая группа информативно-модифицирующих каузативов относится к сфере интерперсональных каузативов, семантическая структура предложения с которыми содержит следующие значения: 1) каузатор, т. е. лицо, которое оказывает воздействие на

другое лицо с целью модификации информационного состояния лица; 2) объект каузации; 3) способ/средство каузации. На примере следующих разрядов глаголов будут исследованы особенности функционирования каузативов:

1. Каузативы доказательства – нем.: *argumentieren, begründen, belegen, beurkunden, beweisen, dokumentieren, erweisen, nachweisen, überzeugen*; англ.: *to prove, to argue, to found, to base, to persuade*.

2. Каузативы демонстрации – нем.: *aufweisen, aufzeigen, demonstrieren, hindeuten, hinweisen, zeigen*; англ.: *to display, to point out, to indicate, to show*.

3. Каузативы подтверждения – нем.: *bekräftigen, bescheinigen, bestärken, bezeugen, erhärten*; англ.: *to confirm, to testify, to give evidence*.

4. Каузативы опровержения – нем.: *bestreiten, leugnen, dementieren, einwenden, entgegen, umstoßen, widerlegen, widersprechen*; англ.: *to disprove, to dispute, to question, to contradict*.

Данный разряд глагольных лексем относится к интерперсональным (межсубъектным, межличностным, интерсубъектным) глаголам, которые функционируют в качестве полнозначных каузативов, выражающих «канонические» каузативные отношения, а именно – «побуждение лица к действию или изменению состояния». В основе выделения класса каузативных глаголов лежит признак субъектно-объектных отношений и характер взаимодействия субъекта и объекта. В обобщенном виде значение каузативов состоит в актуализации видоизменения способа бытия объекта. Интерперсональные глаголы рассматриваются в настоящем исследовании как подлинные каузативы и представляют собой лексико-грамматический разряд лексем, поскольку обладают собственным лексическим значением, т.е. содержат определенный набор интегральных и дифференциальных семантических компонентов и широким функциональным потенциалом. Категориальной семой рассматривается сема «каузация».

Каузативные конструкции относятся к числу языковых объектов, постоянно и активно изучаемых не только лингвистикой, но также логикой и философией, т.е. науками, исследующими язык и речевую деятельность человека с разных позиций и в разных целях. Такой непреходящий интерес к каузативным конструкциям не в последнюю очередь определяется гипотезой, в соответствии с которой каузативные конструкции представляют собой своего рода ключ, дающий возможность разгадать некоторые из тайн речемыслительной деятельности человека.

В работе предлагается системно-функциональный подход к построению модели формирования семантико-синтаксической организации предложения, при этом во внимание принимаются следующие взаимосвязанные позиции, такие как:

– комбинаторные возможности языковых структур, механизмы их реализации в процессе формирования смысловой структуры предложения, реальный валентностный потенциал каузативных глаголов;

– системообразующая активность смысловой структуры каузативного глагола, выявление симметрии / асимметрии смыслового потенциала на примере семантического синкретизма и тенденции взаимодействия симметрии / асимметрии языковых структур как основных факторов формирования смысловой организации предложения;

– оптимальный набор семантических составляющих и их вариативные возможности в процессе формирования структуры и семантики предложения.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена возможностью комплексного изучения процесса структурирования смысловой организации предложения на базе валентностного потенциала каузативного глагола, что позволяет выявить и описать системные связи в рамках системно-функционального подхода.

ЧАСТЬ I.

КАТЕГОРИИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА. ПОНЯТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1.1. КАУЗАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В СФЕРЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КАУЗАТИВНОСТИ

Лингвисты обращаются к теории понятийных категорий в том или ином ее толковании, так как «понятийные категории являются объективной реальностью бытия и в силу этого, несмотря на неоднозначность трактовок самого понятия «понятийная категория», обладают объяснительной силой по отношению к языковым явлениям» [Елизарова 1989: 21].

Основная функция языка – это орудие общения, без исследования этой функции невозможен функциональный подход к языку. «Речевое общение предполагает не только трансляцию и прием сообщений, т.е. обмен мыслями, но и выражение мысли. Поэтому проблема соотношения языка и речи-мысли является стержневой проблемой науки о языке» [Кацнельсон 2001: 23]. На протяжении нескольких веков продолжают попытки выявить «понятийный, мыслительный или смысловой каркас» [Воротников 2006: 191].

В рациональных грамматиках XVII-XIX вв. используются термины «философские» или «логические» категории, например, «Грамматика Пор-Рояль» [Арно, Лансло 1991] («Всеобщая рациональная грамматика, содержащая основы искусства речи, которые изложены ясным и простым языком; логические основы всего того, что есть общего между всеми языками и главные различия между ними, а также многочисленные новые замечания по французскому языку»). «Грамматика Пор-Рояль» продемонстрировала стремление создать всеобъемлющую грамматическую систему на основе обобщения фактов ряда конкретных языков. Философ и логик Антуан Арно и грамматист и филолог Клод Лансло попытались сформулировать общие законы построения языка-речи, отталкиваясь от универсализма и рационализма. Создание «Грамматики Пор-Рояль» дало толчок развитию исследования языка в нескольких направлениях. Влияние «Грамматики Пор-Рояль» существенно сказалось на выработке канона формально-грамматического описания языка. Особенно важным представляется влияние идей

«Граматики Пор-Рояль» в плане выявления универсальных свойств и категорий языка, т.е. таких свойств, которые обнаруживаются в любом языке, являются общим для всех языков, и, таким образом, характеризуют язык как таковой [См., Амирова и др. 1975: 201-250]. В «Грамматике Пор-Рояль» ставились следующие задачи: 1) исследовать природу слов, их строение и различные свойства, отношения между словами и значениями; 2) в результате исследования выявить общие универсальные языковые принципы; 3) дать объяснение явлениям, лежащим в основании строения и функционирования языка; 4) выявить соотношения, связи между категориями и явлениями языка и категориями мышления.

Психологическое направление также не отрицало связей языка с мышлением. Психологическое осмысление лингвистические положения получают в работах В. фон Гумбольдта. Психологизм В. фон Гумбольдта имеет универсальный характер и основывается на концепции общечеловеческого разума, мышления, духа. Психологическое направление настаивало на независимости грамматики от логики, на тесной связи идиоматических форм каждого языка с мыслительным содержанием, рассматривало каждый язык как проявление особого «национального гения». Психологическая грамматика рассматривала формы языка в качестве генераторов мысли. Признавая своеобразие каждого языка как в плане формы, так и в плане содержания, В. фон Гумбольдт считал, что наряду с идиоматическими в содержании каждого языка имеются и универсальные элементы [Гумбольдт 2000].

Позднее к проблеме понятийных категорий обращаются О. Есперсен, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, И.И. Мещанинов и др.

О. Есперсен в своем труде «Философия грамматики» [1958] отмечает, что «наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими категориями, зависящими от структуры каждого языка, в том виде, в каком он существует, имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. Некоторые из них относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие – к умственной деятельности или к логике» [Есперсен: эл. р.]. О. Есперсен называет эти категории понятийными категориями.

И.И. Мещанинов отмечает, что существует огромная разница между «... категориями, выраженными в строе языка, и категориями, выраженными посредством языка» [Мещанинов 1945: 5-17]. Речь идет о

разграничении внутриязыковых и внеязыковых категорий. Последние – это смысловые категории экстралингвистического характера, например, такие как аксиологические категории добра и зла, логические категории причины и следствия и т.д. Такие категории, отражая реальную действительность в человеческом сознании, имеют свою конкретную языковую онтологию. Таким образом, в языке, как определенным образом организованной системе, находят свое отражение разнотипные категории. Одни из них могут быть формально фиксированными, то есть иметь строго закрепленные за ними материальные маркеры: общие свойства различных классов и разрядов языковых единиц, конституирующие эти классы и получающие разнообразное языковое выражение: морфологическое, синтаксическое и т.п., при различном содержании: грамматическом, лексическом, стилистическом. Это может быть любая морфологическая, либо синтаксическая категория. Другие категории, не имея явных формальных показателей, находят свое выражение в различных лексических, грамматических и других комбинациях при построении предложения – высказывания, предопределяя сочетаемость и возможности формоупотребления.

Еще один тип категорий – это категории, отличающиеся, например, от морфологических по степени абстрагированности и по уровню языковой актуализации: так, категория модальности актуализируется опосредованно через иные формально фиксированные категории. Такие категории получили название «понятийных» [Мещанинов 1945: 5-17]. И.И. Мещанинов отмечает, что «всякое понятие, существующее в сознании человека, может быть передано средствами языка. Оно может быть выражено описательно, может быть передано семантикой отдельного слова, может в своей языковой передаче образовать в нем определенную систему. В последнем случае выступает понятийная категория. Понятийная категория передается не через язык, а в самом языке, не только его средствами, а в самой его материальной части» [См., например, Мещанинов 1988]. Понятийной категорией, по мнению И.И. Мещанинова, становится такое понятие, которое выступает в языковом строе и получает в нем определенное построение.

А.В. Бондарко обосновал дифференциальный признак понятийной категории. Вместо базовой двучленной оппозиции: понятийная категория (уровень обобщенных языковых значений) – грамматическая категория (уровень структурных единиц конкретного языка) – цепочку функциональных зависимостей, т.е. разграничил системно выражаемое мыслительное содержание и содержание языковое. Семантические функции играют основную роль и определяются как результат процес-

са языковой интерпретации мыслительных категорий [Бондарко 1974: 66-67].

В силу того, что речемыслительные процессы скрыты от глаз наблюдателя – мы располагаем лишь языковыми данными, т.е. конечным продуктом этой деятельности, – познание понятийных категорий будет всегда опосредованным по множеству косвенных примет, которые наталкивают нас на сущность речемыслительной деятельности в целом. Наиболее простой приметой является функциональная вариативность языковых форм. Именно на основе этого свойства языка И.И. Мещанинов говорил о существовании особых понятийных категорий. «Если одна и та же форма передает разное содержание, и мы это содержание осознаем, хотя грамматическая форма этого не передает – номинация имеет понятийную основу» [Мещанинов 1945: 7].

Языковые семантические функции, выделенные и описанные А.В. Бондарко, соотносятся с понятийными категориями И.И. Мещанинова. Будучи значениями, привязанными к определенным языковым и речевым средствам, они выступают в роли аппарата, превращающего мыслительные категории в собственно языковые, дающего мыслительным категориям объективированное языковое существование. В этом случае понятийные категории или семантические языковые функции в своей совокупности дают представление о категории мыслительной. Благодаря возможности реализации в разных языковых семантических функциях, связанных с разными формальными средствами, мыслительные категории сохраняют относительную автономность и обобщенность, не дробятся в соответствии с многообразием форм. На синтаксическом уровне это выражается в том, что одно и то же мыслительное содержание должно передаваться рядом синонимических средств, а одни и те же формы могут выражать разное мыслительное содержание [Елизарова 1989: 26-27].

Несмотря на продолжительность изучения проблемы понятийных категорий, их природы, критериев выделения и таксономии, данный вопрос не получил однозначного решения, и на вопрос, является ли список функционально-семантических категорий закрытым, А.В. Бондарко дает следующий ответ: «Конечный список ФСП (*функционально-семантические поля*) вообще невозможен, так как отсутствует резкая грань между отдельным полем и группировкой полей, а также между макро- и микрополем» [Бондарко 1984: 6].

К понятийным категориям относится и категория каузативности (причинение через побуждение), которая рассматривается с точки зрения функциональной грамматики, представляет собой функционально-

семантическую категорию, так как данная категория наряду с другими функционально-семантическими категориями имеет обобщенное значение и оформляется богатой палитрой языковых средств [Шустова 2006: 97-101; 2008б: 170-174; 2009: 59-70]. Одним из ведущих средств актуализации семантики каузативности в немецком и английском языках являются каузативные глаголы, например, класс интерперсональных глаголов информативно-модифицирующего разряда.

Информативно-модифицирующие глаголы объединяются в отдельную подсистему на базе их семантико-синтаксических особенностей. Данный разряд глагольных лексем функционирует в качестве полнозначных каузативов, выражающих «канонические» каузативные отношения, а именно – «побуждение лица к действию или изменению состояния». В основе выделения класса каузативных глаголов лежит признак субъектно-объектных отношений и характер взаимодействия субъекта и объекта. Основным принципом выделения каузативных глаголов является характеристика отношений между двумя лицами, этим объясняется преобладание личностных каузативов.

Интерперсональные глаголы рассматриваются как подлинные каузативы и представляют собой лексико-семантическую группу лексем, поскольку обладают собственным лексическим значением, т.е. содержат определенный набор интегральных и дифференциальных семантических компонентов. Категориальной семой рассматривается сема «каузация». Информативно-модифицирующие каузативы рассматриваются как лексико-грамматический разряд, так как они участвуют в формировании семантической структуры предложения. Предлагается следующая классификация информативно-модифицирующих каузативов:

1) каузативы доказательства – нем.: *begründen, belegen, beurkunden, beweisen, erweisen, nachweisen, überzeugen, anmahnen, argumentieren, ausreden, beteuern, bezeugen*; англ.: *to prove, to argue, to found, to base, to persuade, to admonish, to assure, to convince*;

2) каузативы демонстрации – нем.: *aufweisen, aufzeigen, demonstrieren, hindeuten, informieren, hinweisen, zeigen, erklären, aburteilen, ächten, aufklären, avertieren, deuten, enunzieren, exponieren, fatieren, geloben, glossieren, kommentieren*; англ.: *to display, to point out, to indicate, to show, to enlighten, to explain, to inform*;

3) каузативы подтверждения – нем.: *bekräftigen, bescheinigen, bestärken, bezeugen, erhärten, affirmieren, behaupten, bejahen, bestätigen, billigen, erquicken, erwharen, genehmigen, kontestieren*; англ.: *to confirm,*

to testify, to give evidence, to acknowledge, to approve, to avow, to claim, to grant;

4) каузативы опровержения – нем.: *entkräften, dementieren, einwenden, entgegenen, umstoßen, widerlegen, widersprechen, aufbegehren, bestreiten, danebenschätzen, erinnern;* англ.: *to disprove, to dispute, to question, to contradict, to object* [Шустова 2008в: 41–45].

Выбор глаголов обусловлен степенью изученности средств выражения семантики каузативности в немецком и английском языках и частотностью функционирования каузативных глаголов. Значение каузативности может быть представлено следующим образом: лексически, лексико-синтаксически, семантико-синтаксически, синтаксически, контекстуально. Исследуемые глаголы относятся к сфере лексического каузатива. Разнообразие способов реализации семантики каузативности свидетельствует о том, что последняя представляет собой функционально-семантическую категорию, структурированную в форме поля, конstituенты которого объединены общностью семантической функции – реализация значения каузативности. В центре поля можно было бы разместить каузативные глаголы, в зоне ближней периферии – операторы каузативной связи, в зоне дальней периферии – семантико-синтаксический каузатив, в зоне крайней периферии – синтаксический способ актуализации каузативности, в зоне периферии – контекст. Однако, данный подход к построению поля каузативности является очень спорным, так как на периферии оказывается контекст. В связи с этим подход А.В. Бондарко оказывается приемлемым в плане выделения системно-языковой (парадигматической) среды (окружение языковых единиц, категорий или группировок в парадигматической системе языка) и речевой среды (контекст и речевая ситуация) [Бондарко 2004: 94]. Что касается речевой среды, имеется виду узкий и широкий контекст.

В системе языка все элементы связаны синтагматической, батизматической и парадигматической связью. «Контекст – это, прежде всего, грамматически организованное единство, в котором реализуется семантика единиц всех уровней. Этот грамматический, синтаксический контекст в пределах отдельных законченных единиц предложений образует первый вид контекстной семантики. Там, где начинается связь не в пределах предложения, а между самими предложениями, возникает условие для семантического контекста, образуемого текстом» [Колшанский 2007: 45].

Таким образом, каузативность представляет собой функционально-семантическую категорию, так как обладает определенной степенью

абстракции, имеет обобщенное грамматическое значение «побуждение субъектом объекта к действию или изменению состояния»; обязательно и последовательно оформляется определенными языковыми средствами; изучаемой категорией охватывается большое количество лексем, специализирующихся на выражении значения каузативности (синтетический, аналитический каузатив).

1.2. КАТЕГОРИЯ КАУЗАТИВНОСТИ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Каузативные отношения – одна из важнейших форм всеобщей связи и взаимосвязи явлений объективного мира. Данная связь существует там, где на временную последовательность событий накладывается необходимое порождение одного другим. Человек, познавая тот или иной предмет действительности, выявляет его характерные признаки. Познающий субъект, выясняя зависимость данного предмета или явления от других и его роль в порождении последующих событий, устанавливает причинно-следственные отношения между явлениями действительности.

Осознание причины через связь с деятельностью человека подтверждается данными этимологии: слова, используемые в различных языках для обозначения причиняющего события, связаны, прямо или косвенно, с деятельностью человека. В славянских языках понятие причины связано со значением действия-воздействия, в китайском – с рукой, держащей палку, в монгольском – со значением начала деятельности, в японском – со значением пользы [Маслиева 1980: 20-22].

Современное понимание причины связано с активным, деятельностным началом причиняющего события. Способы представления причинно-следственных отношений средствами современного языка должны быть определенным образом соотнесены с двумя классификациями причин, предложенными Аристотелем, который впервые разграничил причинение как процесс порождения (причины вещи) и причинность как мотивировку уже известного следствия (причины поступков)¹. Реальный характер каузативной связи часто не вполне адек-

¹ Осмысление и рассмотрение философских проблем и основ каузативности в значительной степени способствует правильному анализу лингвистической каузативности. Знакомление с классическими трудами Аристотеля, Ф. Бэкона, Дж. Милля, И. Канта, Г. Гегеля, Б. Рассела может способствовать более глубокому осознанию и пониманию этих проблем. См. также: Шептулин, А. П. Система категорий диалектики [Текст] / А. П. Шептулин. – М.: Наука, 1967; Свечников, Г. А. Причинность и связь состояний в физике [Текст] / Г. А. Свечников. – М.: Наука, 1971.; Перминов, В. Я. Проблема причинности в философии и естествознании [Текст] / В. Я. Перминов. – М.: Изд-во МГУ,

ватно отражается в речи [Чудинов 1990: 280], поскольку человеческое понятие причин и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны единого мирового процесса.

В каждый период своего развития лингвистическая наука предлагала определенную теорию, которая должна была способствовать раскрытию сущностных характеристик языка. Лингвистика все чаще уходила за границы собственного лингвистического анализа, пытаясь вскрыть природу, назначение и внутренние законы языка. Это положение объясняется полифункциональностью языка как материального воплощения мысли, средства общения и познания.

Представление о том, что лингвистика должна ограничиваться узким кругом собственных языковых вопросов и не касаться мышления, входящего в компетенцию логики, психологии и других специальных наук [Кацнельсон 1986: 145], постепенно уступает место пониманию того, что лингвистика – это «наука, которая изучает не только язык, но и отражаемые в языке аспекты мышления – через язык, через языковые значения», все больше становясь «одной из основных наук о мышлении» [Бондарко 1983: 63].

В лингвистике накопилось достаточно данных для того, чтобы подойти вплотную к проблеме речемыслительной деятельности в целом [Гумбольдт 1984: 57, 90, 94 и др.; Sapir 1934; Brunot 1926; Chafe 1971: Sect. 24, 34, 8. I – 8.9.; Fillmore 1968; Серебренников 1988: 198-210] и к понятийным категориям, на основе которых эта деятельность осуществляется. В накопленном лингвистикой опыте существуют теории и конкретные исследования в области механизмов семантического порождения, изучение функциональной вариативности языковых единиц и форм, изучение лексической семантики слов, законов их сочетаемости, способов выражения категориального значения и др. Исследования во всех аспектах, в которых проявляется динамичность языковых систем и подсистем, подтверждают необходимость теоретического осмысления всех этих явлений в совокупности.

Очевидным стал факт, что роль и нормы мыслительной деятельности в речемыслительном процессе должны изучаться с позиций лингвистики, а не логики и психологии, как это делалось в прошлом, в разные периоды развития лингвистической науки. По мнению Н.А. Кобриной, логика и психология навязывали лингвисту свои нормы и догмы и привносили в лингвистику чуждые ей концепты [Кобрина

1989: 41]. Логическая триада «понятие – суждение – умозаключение» не получает в языке соответствующих только ее компонентам форм выражения. Аппарат познания в логике является более узким и жестким, чем познаваемый и описываемый объект (язык), в котором канонизированность структуры вовсе не ведет к канонизированности смысла конкретного высказывания. Существует и определенное несовпадение между логическими и языковыми понятийными категориями. И.И. Мещанинов отмечал, что «не всякое понятие (в логике и философии) является понятийной категорией, а только такое, которое получает в языковом строе определенное оформление, т.е. находит свое отражение в определенной лексической, морфологической или синтаксической системе» [Мещанинов 1945].

В.Г. Адмони [1955, 1986, 1988] предлагает выделять два типа грамматических категорий: логико-грамматические, в обобщенном виде отражающие в языке объективную действительность, и коммуникативно-грамматические, в которых раскрывается связь между содержанием речи и самим сообщением, т.е. подчеркивается отношение адресанта к собственному высказыванию. При этом, по мнению В.Г. Адмони, к особенностям коммуникативно-грамматических категорий относится тот факт, что они не могут быть раскрыты в своем разнообразии без обращения к конкретным формам и условиям, в которых протекает процесс речевого общения, без учета такого понятия, как «адресант». Таким образом, логико-грамматические и коммуникативно-грамматические категории не оторваны друг от друга, а взаимно обусловлены. Однако их рассмотрение целесообразно проводить раздельно, учитывая их разную природу. Под самой категорией, как правило, понимают некоторую совокупность дифференциальных признаков или средств выражения какого-то понятия, одно из которых является доминирующим. Категория рассматривается также как группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства. Данное свойство (признак) лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака [ЛЭС 1990].

Впервые на неоднородность и разноплановость языковых явлений обратил внимание В. фон Гумбольдт. Позднее к проблеме понятийных категорий обращаются О. Есперсен, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, И.И. Мещанинов и др.

И.И. Мещанинов разграничил грамматические категории, получающие «отличительные формальные показатели» и лежащие в их

основе семантически выделяемые в языке категории. Понятийные категории – отражатели в языке действующих норм сознания» [Мещанинов 1978: 237-238]. Развитие представлений о том, что в содержании языковых форм следует выделять элементы, являющиеся отражением внеязыковой реальности, проявилось в частности, в понятиях «глубинные структуры» [Кацнельсон 1986: 142], «семантические падежи» [Звегинцев 1976: 235], «семантические категории» [Теория функциональной грамматики 1987: 28-31].

В настоящее время закономерно обращение к содержательной стороне языковых явлений, так как существует обширный опыт формального описания языковых явлений и возрос интерес к направлениям, ориентированным на исследования «от смысла к форме». Прежде всего, это вызвано интенсивным развитием таких лингвистических дисциплин как типология, технический перевод, преподавание родного языка как иностранного. Недостаточная ценность понятийной категоризации отмечалась и раньше [Кацнельсон 1986: 143]. А.В. Бондарко, В.В. Петров считают, что именно в последние годы задача теоретического анализа смысловых структур, участвующих в реальных процессах функционирования, называется в числе основных [Бондарко 1983: 27, 63; Петров 1987: 19].

Разработка проблематики понятийных категорий намечается в двух направлениях. С одной стороны, необходимо составить «каталог универсальных смыслов» [Храковский 1985: 69], установить «количество содержательных зон» [Долинина 1985: 140], определить ранговость категорий [Теория функциональной грамматики 1987: 29]. С другой стороны, особую релевантность составляет анализ каждой конкретной понятийной категории с точки зрения выявления содержательных вариантов данной понятийной категории, установление ее семантической субкатегоризации [Бондарко 1983: 37], определение принципов строения различных категорий [Храковский 1985: 73].

Асимметричность языкового знака, т.е. отсутствие однозначного соответствия между значением и формой, требует от исследователя-лингвиста перед изучением какого-либо вопроса определиться со стратегическим направлением, в котором будет происходить описание языкового явления: от формы к значению (семасиологический подход) или от значения к форме, когда описание начинается с анализа понятия данного явления (ономасиологический подход). Данная дихотомия получала в лингвистике разные обозначения. Например, О. Есперсен [1958] говорит о «внешней форме» и «внутреннем значении». Позиция О. Есперсена в отношении значений, точнее – грамматических значе-

ний, или категорий, напоминает позицию Л. Блумфилда. Грамматические понятия и категории можно установить, не выходя за пределы грамматики. О. Есперсен предпринимает попытку выяснить, какие категории мышления находят отражение в грамматических категориях и в какой степени они соответствуют друг другу или расходятся друг с другом. В этом отношении привлекает внимание анализ грамматической категории времени (tense) и ее взаимоотношения с категорией реального времени (time). Грамматические категории определяются структурой того или иного языка. Однако, наряду с ними, можно обнаружить и внеязыковые категории, которые от языка не зависят. Данные категории представляются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя редко, по мнению О. Есперсена, выражаются в языках ясным и недвусмысленным образом. О. Есперсен называет такие категории понятийными, так как они могут соотноситься с фактами внешнего мира, с умственной деятельностью и логикой. Не исключая традиционного подхода к изучению языков – от формы к содержанию (семасиологический подход), О. Есперсен, как и его современник Ф. Брюно, считает важным метод исследования языка с внутренней стороны, изнутри, идя от содержания к форме, закладывая, таким образом, основы ономасиологии. Именно при таком подходе становится очевидной та существенная роль, которую играют понятийные категории, и встает вопрос определения их онтологии и функций.

Термин «понятийные категории», как отмечалось выше, принадлежит О. Есперсену; было бы, однако, ошибочным считать, что и теория понятийных категорий как мыслительного субстрата языка начала развиваться лишь с трудов этого исследователя. Следует признать, что и до О. Есперсена в языковедческой литературе высказывались предположения о существовании некоей ментальной сущности, предваряющей языковые (в особенности грамматические) построения.

В. фон Гумбольдт в процессе проведения типологических исследований выявил наличие «универсального компонента» языка. А.А. Худяков [Худяков: эл. р] считает, что хотя «универсальные категории» В. фон Гумбольдта еще не совсем «понятийные категории» О. Есперсена (что вполне естественно, так как В. фон Гумбольдт по большей части типолог, а О. Есперсен грамматист), но тем не менее совпадение сущностных характеристик тех и других поразительно.

С.Д. Кацнельсон обобщает подход В. фон Гумбольдта следующим образом: «универсальные категории – это по большей части мыслительные формы логического происхождения. Они образуют систему,

являющуюся общей основой языка, но непосредственно в строй языка не входящую. Вместе с тем и собственно логическими назвать их нельзя, так как, будучи обращены лицом к грамматике, они обнаруживают специфические черты. Можно сказать, что они составляют область «логической грамматики», которая по существу не является ни логикой, ни грамматикой; это идеальная система, не совпадающая с категориями отдельных языков. В каждом отдельном языке категории идеальной логики преобразуются в конкретные грамматические категории» [Кацнельсон 1972: 12-13].

В работе Г. Пауля «Принципы истории языка» рассматриваются «психологические категории», на основе которых возникают грамматические категории. Как только действительность психологической категории начинает обнаруживаться в языковых средствах, эта категория становится грамматической. Данное положение очевидным образом перекликается с идеей В. фон Гумбольдта о «преобразовании» рассматриваемых им универсальных категорий в конкретные грамматические категории. Психологические категории существуют до возникновения грамматической категории и продолжают функционировать и после ее возникновения. Г. Пауль полагает, что грамматическая категория связана с устойчивой традицией и является «застывшей» формой психологической категории. Изменение значения способствует тому, что грамматическая категория не остается адекватной психологической категории.

Г. Пауль считает, что если впоследствии появляется тенденция к выравниванию, то происходит сдвиг грамматической категории, при котором могут возникнуть своеобразные отношения, не укладывающиеся в существовавшие до того категории. Далее автор делает важный методологический вывод, касающийся лингвистической ценности анализа процессов взаимодействия «психологических» и грамматических категорий: «Рассмотрение этих процессов, которые мы можем проследить довольно подробно, дает нам вместе с тем возможность судить о первоначальном возникновении грамматических категорий, недоступных нашему наблюдению» [Пауль 1960: 315].

Примерно в одно время с О. Есперсеном развивает теорию концептивной основы языка французский лингвист Г. Гийом. Не получившая достаточного внимания и заслуженной оценки во время жизни автора, сейчас теория Г. Гийома является объектом пристального изучения и анализа. Значение работ Г. Гийома, как отмечает Ю.С. Степанов, только сейчас начинает осознаваться во всей полноте. По словам М. Вильме, за последние десятилетия не появилось теории, которая обладала

бы такой же объяснительной силой, какой обладает теория Г. Гийома. Л.М. Скредина указывает, что множество новых понятий, которые разрабатываются в лингвистике текста, теории высказывания были выдвинуты и раскрыты в ранних публикациях Г. Гийома.

Рассматривая вопросы метода анализа языка [Guillaume 1984: 17-25], сущности лингвистического знака [Guillaume 1984: 69-76], генезиса слова и его системной природы [Guillaume 1984: 109-130] и другие, Г. Гийом постоянно обращается к понятийному фактору, стремится к изучению мыслительного и языкового в их тесной взаимосвязи. До выхода в свет в 1992 г. книги Г. Гийома «Принципы теоретической лингвистики» [Гийом 1992] его концепция была известна русскоязычному читателю прежде всего благодаря трудам Е.А. Реферовской и Л.М. Скрединой, посвятивших анализу научного наследия Г. Гийома целый ряд работ [Реферовская 1967; Скредина 1971, 1981, 1987]. И хотя эти авторы расходятся в трактовке некоторых положений лингвистики Г. Гийома, оба ученых отмечают важнейшее место в ней понятийного компонента.

В настоящее время есть все основания считать, что Г. Гийому удалось создать собственную лингвистическую школу, получившую название «векторная лингвистика», или «психосистематика». На ее принципах уже созданы описания отдельных подсистем английского языка (например, имени и артикля [Hewson 1972], а также глагола [Hirtle 1975]. К числу учеников и последователей Г. Гийома относятся Р.-Л. Вагнер, П. Имбс, Р. Лафон, Б. Потье, Ж. Стефанини, Ж. Муанье, М. Мольо, Ж. Майар и др. Давая оценку их лингвистическим трудам, Л.М. Скредина считает главной и характерной чертой этих ученых пристальное внимание к конкретным языковым фактам, которое идет от Г. Гийома, и стремление рассматривать их «изнутри», со стороны означаемого, отталкиваясь от понятийных категорий при объяснении функционирования элементов в речи [Скредина 1987: 74].

Толчком к этим исследованиям послужила недостаточная разработка вопроса о взаимных связях языка с мышлением, особенно тот факт, что «установлению общей точки зрения на связь языка с мышлением в значительной степени препятствовало слепое и безапелляционное заимствование из учебников логики и психологии, сводящееся к попыткам истолкования языковых фактов под углом зрения выработанных в них положений. Факты языка освещались со стороны, вместо того, чтобы получить свое объяснение внутри себя» [Мещанинов 1945].

Кроме того типологические исследования, проводимые И.И. Мещаниновым, наталкивали ученого на мысль, что различия между языками носят не абсолютный, а относительный характер и касаются, в основном, формы экспликации содержания, в то время как такие понятия как предметность и действие, субъект, предикат, объект, атрибут с их модальными оттенками, а также отношения между словами в составе предложения оказываются общими для всех языков [Мещанинов 1958: 5]. Выявление данного универсального мыслительного субстрата и стало в работах И.И. Мещанинова ведущим направлением.

Среди других наиболее известных отечественных исследователей, внесших вклад в разработку темы мыслительных основ языка, следует назвать С.Д. Кацнельсона. Данный вопрос С.Д. Кацнельсон разрабатывает применительно к трем основным направлениям лингвистических исследований: общая грамматика и теория частей речи, проблема порождения высказывания и речемыслительные процессы; типологическое сопоставление языков.

С.Д. Кацнельсон, вслед за Л.В. Щербой, при отнесении слова к той или иной категории, опирается на значение слова [Кацнельсон 1986]. Таксономия элементов языка, таким образом, проводится им на ономаσιологической основе – от значения к форме.

По С.Д. Кацнельсону «в самих значениях слов, независимо от того, оформлены ли они флективно или по нормам иной морфологии, существуют некие опорные пункты, позволяющие говорить о существительных, прилагательных и т.д.» [Кацнельсон 1986: 119]. Такими «опорными пунктами» и служат понятийные и семантические категории.

В теории речепорождения С.Д. Кацнельсон рассматривает в качестве исходной структуры порождающего процесса пропозицию. Пропозиция понимается в качестве некоего мыслительного содержания, выражающего определенное «положение дел», событие, состояние как отношение между логически равноправными объектами [Кацнельсон 1986: 135]. «Пропозиция содержит в себе момент образности и в этом отношении более непосредственно отражает реальность, чем предложение. Подобно картине она изображает целостный эпизод, не предписывая направления и порядка рассмотрения отдельных деталей» [Кацнельсон 1984: 6]. Пропозиции, выступая в роли операционных схем на начальной фазе речепорождающего процесса, хотя и ориентированы на определенное смысловое содержание, но сами по себе, без заполнения открываемых ими «мест» определенными значениями недостаточно содержательны для того, чтобы служить основой для даль-

нейшего преобразования их в предложения. Эти структуры нуждаются в особых единицах, восполняющих пропозициональные функции. Такими единицами являются понятия [Кацнельсон 1986: 144-145]. Как видно из этих рассуждений ученого, допускается не только существование некоего ментального субстрата, имеющего неязыковой характер и служащего основой речепорождающего процесса, но и отмечается его гетерогенность, сложная структурированность. Что касается типологических изысканий, то, согласно С.Д. Кацнельсону, вовлечение содержательной стороны в орбиту этих исследований необходимо в силу хотя бы того факта, что и в области содержания языка обнаруживают черты как сходства, так и различия [Кацнельсон 1972: 11]. Подчеркивая принципиальную возможность перехода от семантической системы одного языка к семантической системе другого языка, ученый делает акцент на универсальных, общечеловеческих мыслительных процессах, лежащих в основе речетворческой деятельности. С другой стороны, и «переход от логико-семантической системы к идиосемантической системе данного языка не представляет значительных трудностей, так как, оставаясь в пределах одного языка, мы всегда знаем, когда конфигурация понятийных компонентов образует фиксированное нормой значение и когда ей соответствует не одно, а несколько значений. Когда же мы сталкиваемся с новым для нас языком, эти границы исчезают в силу иного распределения понятийных компонентов между значениями по сравнению с тем, с которым мы сжились. Именно понятийные компоненты значений являются условием *sine qua* по их типологической (межъязыковой) конгруэнтности» [Кацнельсон 1972: 117].

Можно подытожить воззрения С.Д. Кацнельсона на значимость ментального предъязыкового субстрата следующим образом: «Мыслительные категории составляют основу грамматического строя, поскольку с их помощью достигается осмысление чувственных данных и преобразование их в пропозиции» [Кацнельсон 1984: 151].

Исследования в русле данной проблематики получили свое дальнейшее развитие в трудах А.В. Бондарко в связи с разработкой категории функционально-семантического поля [Бондарко 1973: 2], а также предпринятым им анализом функционально-семантических [Бондарко 1971], семантических/структурных категорий [Бондарко 1976]. Особо следует выделить статью А.В. Бондарко «Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике», специально посвященную рассмотрению соотношения этих сущностей и анализу языковой семантической интерпретации понятийных категорий [Бондарко

1974]. В статье также рассматривается вопрос об универсальности понятийных категорий. В целом, следует подчеркнуть, что А.В. Бондарко, неоднократно отмечая тесную связь своих теоретических изысканий с воззрениями О. Есперсена и И.И. Мещанинова, выражает в то же время и собственное, несколько отличное, отношение к рассматриваемой проблеме. Опираясь на теорию понятийных категорий, А.В. Бондарко, вместе с тем, несколько отходит от нее. Избранное им направление определяется стремлением последовательно трактовать рассматриваемые категории как категории языковые, имеющие языковое содержание и языковое выражение. С этим связан и отказ ученого от термина «понятийная категория», поскольку, как он считает, этот термин дает основания думать, что имеются в виду логические понятия, а не категории языка [Бондарко 1971: 8].

Понятийная сфера мышления являлась предметом исследования У.Л. Чейфа [Чейф 1975]. Значение рассматривается ученым с точки зрения концептуальной теории языка. Понятийная структура и поверхностная структура суть разные явления. Поверхностная структура материальна и дана в чувственном восприятии. Понятия находятся глубоко внутри нервной системы человека [Чейф 1975: 92]. У.Л. Чейф полностью отдает себе отчет в сложности исследования понятийной сферы: «Сказать, что понятия существуют, еще не значит, что мы в состоянии в мгновение ока выделить их в своем сознании или что у нас есть удовлетворительные способы их представления и рассмотрения» [Чейф 1975: 95].

1.3. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙНЫХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Осмысление взаимодействия различных аспектов и уровней изучаемого содержания является необходимым основанием для постановки вопроса о семантике как целостной системе, имеющей определённую структуру. Речь идет о разграничении и соотношении различных уровней и аспектов содержания, выражаемого языковыми средствами, в его отношении к содержанию мыслительному.

Идея стратификации семантики нашла своё отражение в лингвистических концепциях В. Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.П. Сланского, А.А. Шахматова, Э. Кошмидера, Р.О. Якобсона, Э. Косериу, С.Д. Кацнельсона.

Семантический компонент уже достаточно давно признаётся необходимой частью полного описания языка – грамматики. Свой вклад в

формирование общих принципов семантического описания вносят разные теории языка. Для порождающих грамматик принципы построения семантического компонента заложены американскими лингвистами Дж. Катцем и Дж. Фодором и далее развиты Р. Джэкендоффом. Для грамматик (моделей) типа «Смысл-Текст» семантический компонент разрабатывался представителями Московской семантической школы: Ю.Д. Апресяном, А.К. Жолковским, И.А. Мельчуком и др.

Семантический компонент полного описания языка представляет собой модель той части знания языка, которая связана с отношением между словами и миром.

С.Д. Кацнельсон рассматривает соотношение различных уровней и аспектов содержания, которые он включает в широкую проблематику взаимосвязей языковых и мыслительных категорий, содержательной (контенсивной) типологии, теории мыслительно-речевой деятельности. С.Д. Кацнельсон исследует вопросы соотношения универсального и идиоэтнического в содержании языка, реконструкции универсального компонента языковой структуры, «скрытые категории» в строе языка; вопросы, связанные с выявлением глубинной семантической структуры и её «синтаксической интерпретацией», а также значения в отношении к формальным и содержательным понятиям [Кацнельсон 1965: 9-25; 1972: 11-16, 115-17; 1985: 61-67].

В. фон Гумбольдт считает, что «язык начинается непосредственно и одновременно с первым актом рефлексии, когда человек из тьмы страстей, где объект поглощён субъектом, пробуждается к самосознанию – здесь и возникают слова, а также первое пробуждение человека к тому, чтобы внезапно остановиться, осмотреться и определиться. В поисках языка человек хочет найти знак, с помощью которого он мог бы посредством фрагментов своей мысли представить целое как совокупность единств» [Гумбольдт 2000: 301].

Семантика присутствует везде, где мы имеем дело со знаками, знак – двуплановая сущность, одна из сторон представлена значением. Следовательно, значение пронизывает всю систему языка. Мощным фактором, насыщающим язык семантически двойственным образованием, является асимметрическое соотношение звуковых комплексов («формы») и («обобщённых») смысловых «содержаний» – двух взаимосвязанных сторон «языкового знака» (в его представленном у Ф. Соссюра «билатеральном» изображении). Положение об «асимметрии формы и содержания» должно применяться в исследовательской практике с постоянным учётом того, что «форма» может вносить в «содержание»

рассматриваемого типа языковых знаков своё собственное содержание, которое закреплено за ней в достаточно широкой сфере других употреблений. Таким образом, может быть представлено объективное означаемое при посредстве «прототипического» значения.

В данном случае под значением понимается содержание единиц и категорий данного языка. О.С. Ахманова рассматривает значение как отражение либо некоторого явления самого по себе, либо связи явлений действительности, поскольку оно всегда выступает в известном отношении к действительности и потому всегда содержит в себе возможность известного «предметного отнесения». Значение ... есть отражение общего в действительности [Ахманова 1976: 374-375].

В отличие от значения, смысл – это содержание, не связанное лишь с одной формой или системой форм данного языка. Данное понимание значения и смысла базируется на положениях представителей Пражской школы функциональной лингвистики [Mathesius 1961: 10-13; Dokulil, Danes 1958: 232-234; Sgall, Hajicova, Panevova 1986].

Следует обратить внимание на мнение Н.Д. Арутюновой: «Логика и лингвисту трудно договориться об употреблении таких терминов, как значение, смысл, обозначение: логик под термином «значение» понимает отношение знака (символа, слова) к внеязыковому объекту (денотату, референту), лингвист же с этим термином ассоциирует понятийное содержание языковых выражений...» [Арутюнова 1982: 8].

Соотношение значения и смысла тесно связано с представлением о соотношении языкового и мыслительного содержания. «Содержание языка состоит лишь из символов внеязычного значения и по отношению к последнему есть форма» [Потебня 1958: 72].

Эквивалентность на уровне смысла сочетается с различиями в плоскости языкового содержания сопоставляемых высказываний и значений их элементов. Релевантной рассматривается связь внутриязыкового перевода с переводом межсемиотическим (переходом от смыслового кодирования к вербальному в мыслительно-речевой деятельности говорящего и переходом от вербального кодирования к смысловому в деятельности слушающего). Данная связь создаёт предпосылки для осмысления механизма осуществляемого говорящим выбора определённого комплекса языковых средств для передачи одного из возможных способов представления того смысла, который необходимо выразить [Бондарко 1998: 54].

Семантика высказывания может быть выделена в качестве особой сферы, уровня, а не плана содержания сложного знака каковым является высказывание. В речевой деятельности нет процессов, при кото-

рых человек оперировал бы формальными символами без попытки придать им определённый смысл.

В.Б. Касевич предлагает обратиться к традиционному подходу, а именно к тому, который последовательно разграничивает формальные и семантически нагруженные аспекты синтаксиса. «... Синтаксис признаётся знаковым уровнем со своими соответственно планом выражения и планом содержания, которые обладают известной автономностью, однако же в рамках данных сложных знаков. Поскольку отношения сторон знака в естественных языках асимметричны, план выражения синтаксиса может обнаруживать собственные закономерности, не имеющие семантических импликаций, а в составе ПС, в свою очередь, отнюдь не каждому его фрагменту, обязательно соответствует конкретный фрагмент плана выражения» [Касевич 1988: 46].

Вышепредставленный подход не позволяет достаточно естественно объяснить и отразить в описании столь важную для языка синонимию высказываний, которая может быть рассмотрена как соответствие разных синтаксических структур одной семантической.

Язык имеет своё содержание, но оно есть только форма другого содержания, которое можно назвать лично-объективным на том основании, что в действительности оно составляет принадлежность только лица «в каждом лице различно, но самим лицом принимается за нечто, существующее вне его. Это лично-объективное содержание стоит вне языка» [Потебня 1977: 118-119]. Самостоятельный уровень семантики реален, так как он располагает собственными единицами.

По мнению В.Б. Касевича допущение самостоятельного семантического уровня позволяет более или менее адекватно решить следующие вопросы: 1) можно ли объяснить факт синонимического перифразирования высказываний; 2) как соотносятся семантическая и синтаксическая структуры; 3) какую роль играет самостоятельный семантический уровень для процессов речепроизводства и речевосприятия.

Соотношение значения и смысла связано с проблемой эквивалентности при существовании различия. Р.О. Якобсон придавал большое значение данной проблеме, так как она охватывает «три способа интерпретации вербального знака, которым соответствуют три типа перевода:

– внутриязыковой перевод – интерпретация вербальных знаков посредством других знаков данного языка;

– межъязыковой перевод – интерпретация вербальных знаков посредством языка;

– межсемиотический перевод – интерпретация вербальных знаковых систем» [Якобсон 1985: 362-363].

Лингвистический анализ семантического содержания может быть достаточно полным и точным лишь при условии анализа формальных средств. Любая форма (грамматическая форма слова, синтаксическая конструкция) представляет собой носителя специфического способа языковой интерпретации выражаемого смыслового содержания. За каждой формой закреплена определенное смысловое содержание. Это представляет собой факт языкового структурирования смысла и определенный тип его языковой интерпретации.

Вопрос о соотношении понятийных и семантических категорий является релевантным с точки зрения теоретического рассмотрения. Семантические категории относятся к понятийным как варианты к инвариантам [Бондарко 1973: 12; 1974: 59]. Подобный подход позволяет избежать разного рода крайностей в трактовке рассматриваемой проблемы, которые выражаются либо в отрыве семантических категорий от понятийных, либо в их отождествлении. Преимущество же такого подхода состоит в том, что, с одной стороны, подчеркивается нетождественность сферы семантики и сферы понятий, а с другой – четко определяется неразрывный характер связи между ними. Понятийные и семантические категории не находятся во взаимно-однозначном соответствии. Понятийные категории являют собой стабильный и устойчивый когнитивный слепок с внеязыкового мира, так как связаны с ним более непосредственно, чем категории семантики. Последние, как было показано выше, относятся к явлениям языка, причем не только языка вообще («глубинная семантика») А.В. Бондарко [Бондарко 1973: 12-13], но и конкретного данного языка со всеми присущими ему отличительными особенностями («поверхностная семантика» [Там же]. В связи с этим может иметь место и определенная асимметрия между понятийным и семантическим планами. Проиллюстрируем это на примере часто приводимых для подобного рода целей предложений типа:

- а) Рабочие строят дом.
- б) Дом строится.

Рассмотрим соотношение между понятийной категорией агенса и соответствующей семантической категорией (или в терминологии семантического синтаксиса, ролью, падежом).

Понятийная категория агенса реализуется в предложении а) так же, как и семантическая роль агенса – в слове «рабочие». Здесь можно констатировать случай ролевого соответствия семантической категории понятийной. В примере б) семантическая категория агенса отсут-

ствуется по той причине, что нет самого словесного знака, десигнатная часть которого и определяла бы его значение, его семантику. В то же время агенс как понятийная категория реально присутствует в сознании. Тот факт, что в предложении б) нет специализированного словесного знака, формализующего указанную понятийную категорию и выражающего своей материальной, десигнаторной стороной соответствующую понятийную категорию, не свидетельствует об отсутствии у говорящего или слушающего понятия об активно и целенаправленно действующем лице, сознательно направляющем свою деятельность на определенный объект (то есть об агенсе). Следует со всей определенностью подчеркнуть, что знаковая (а значит, и семантическая) невыраженность понятийной категории вовсе не свидетельствует о том, что ее существование в сознании менее реально, чем в том случае, когда она находит свое выражение в языковом знаке. Представление о том, что действие строительства дома (как в наших примерах) осуществляется кем-то, неизменно присутствует в нашем осмыслении ситуации. Отсутствие слова с агентивным значением в реальном речевом высказывании может как раз свидетельствовать о том, что говорящий расценивает тот факт, что дом не может строить себя сам, что дом всегда строится кем-то, как некую естественную, привычную, хорошо известную из жизненного опыта, само собой разумеющуюся данность. Если коммуникативное задание высказывания, его прагматическая установка не предполагают заострить внимание собеседника на том, кто именно совершает действие, то отсутствие обозначающего агенс слова может быть признано коммуникативной нормой. Известно, что речевая деятельность имеет тенденцию к экономии средств выражения, опусканию всего коммуникативно избыточного, но коррелирующие с предложением концептивные структуры в силу их обусловленности логико-психологической сферой, отражающей «положение дел» самой реальной действительности, никогда не поддаются какого-либо рода «понятийной редукции», всегда оставаясь понятийно наполненными. Следует упомянуть, что возможность внешней невыраженности понятийных категорий оговаривается и в концепции И.И. Мещанинова. Отличие понятийных категорий от семантических состоит в том, что семантические категории определяют функционирование формального языкового аппарата, обуславливая согласованность в выражении внеязыковых сущностей, событий, фактов, реальной действительности и выбор способа номинации, а понятийные категории релятивного характера «задаются» [Кобрина 1989] формальными категориями языка.

Указание на имеющую место асимметрию между понятийной и семантической сферами следует понимать как отсутствие жестких взаимно-однозначных отношений между ними (такие отношения между ментальным субстратом и его производной, в терминах которых мы описываем понятийный и семантический уровни, невозможны в принципе). Даже если идиосемантическая система данного языка не «предусмотрела» специального аналога какому-либо понятию, это понятие может быть описательно выражено в речи посредством синтагматической конфигурации словесных знаков.

Понятийные категории должны быть максимально обобщающими в силу своей системности, понятийные категории стоят над конкретно-семантическим воплощением и могут быть более дифференцированными (дискретными) или дробными, чем языковые системные средства их выражающие. Дробность может принимать форму дискретности и отдельно взятых понятийных смыслов. При этом сохраняется общий понятийный смысл. Понятийная категория в таком случае может рассматриваться как ряд индивидуальных понятий (коммуникативный комплекс в терминологии Н.А. Кобриной). Не все понятийные категории могут быть эксплицитно актуализированы. Речь в данном случае идет о скрытых или полускрытых категориях. Такого рода категории могут быть выявлены факультативно, и возникают лишь в совокупности с другими понятийными категориями.

А.В. Бондарко условно выделяет два уровня понятийных категорий: 1) уровень универсальных фундаментальных понятийных категорий; и 2) уровень понятийных категорий, реализующихся в семантических функциях данного языка и включающих наряду с реализациями универсальных инвариантов и неуниверсальные понятийные варианты. Таким образом, по заключению А.В. Бондарко, понятийные и семантические категории могут быть тождественны, различаясь главным образом тем, что семантические категории имеют конкретную языковую реализацию [Бондарко 1983]. Основным критерием выделения таких категорий является определенная семантическая доминанта. Каждая категория реализуется, как минимум, в двух формах. Независимо от того, является категория внутриязыковой или внеязыковой, выражение всех их опирается на определенный потенциал языковых средств, принадлежащих к различным уровням языковой системы. Однако наличие взаимосвязи логического и материального в языке вовсе не дает оснований для отождествления лингвистических и экстралингвистических признаков определенного языкового явления, «ибо лексическая и грамматическая семантика закреплена в слове и воспро-

изводится в различных случаях его употребления, а так называемая экстралингвистическая семантика лишь приписывается данной лексеме тем, кто ею пользуется» [Щур 1974: 32].

Непрерывность семантических пространств в статике и динамике состоит в том, что семантические категории в концептуальном плане, сохраняя свое инвариантное значение в процессе исторического развития, могут несколько дифференцироваться и получать новые семантические «приращения», т.е. то, что в свое время было определено как «расщепление семантики» [Малинович 1988].

В данном случае возможны два методологических подхода к анализу и выявлению языковой онтологии каждой их них – холистический и модульный. С позиции теории познания предпочтителен модульный подход, позволяющий вскрыть динамику семантики. Модульный принцип может быть применен как в синхронии, так и в диахронии. В плане диахронии он предполагает ретроспективный взгляд, что делает необходимым обращение к выявлению прототипической семантики не только с целью реконструкции доисторических состояний и установления относительной хронологии изменений внешних и внутренних форм некоторых грамматических категорий, но также и с целью установления определенных тенденций в области семантики. Эти тенденции приобретают особую актуальность в связи с обращением к внеязыковым категориям семантического плана, языковая онтология которых «не привязана» к какой-либо одной внутриязыковой категории.

При анализе внутриязыковых категорий важное место приобретает такое понятие как категориальное значение, которое не является однозначным для грамматических и семантических категорий. Категориальные значения в грамматике лежат в основе членов морфологических категорий, т.е. это значения, присущие грамматическим классам и единицам. В отличие от внутриязыковых грамматических категорий, внеязыковые семантические категории связаны с передачей определенного смысла ситуаций внеязыковой действительности, составной частью которых является отношение адресанта к этой действительности. Таким образом, если во внутриязыковых категориях в качестве категориального избирается грамматическое значение, то во внеязыковых — категориальный смысл.

Вопрос о мыслительной основе языковых структур и их речевых реализаций рассматривается в современной лингвистической парадигме в качестве одного из важнейших. В этой связи особо актуальными становятся исследования в рамках сравнительно недавно заявившей о себе концептивной лингвистики – области языкознания, ориентиро-

ванной на анализ генезиса, развития и функционирования языковых построений в плане их обусловленности ментальным субстратом, важнейшей составляющей которого являются дискретные элементы сознания – концепты (понятия), которые способны группироваться в сложные структуры, называемые понятийными категориями. Последние явились предметом уже достаточно многочисленных исследований, но не получили сколько-нибудь единообразной интерпретации.

Понятийные категории – это категории высокого уровня абстрагирования. Их языковая природа в такой трактовке не вызывает сомнения. Многомерность языка с неизбежностью порождает множественность возможных трактовок того или иного явления. Не преувеличивая роль логики в изучении языка, следует отметить, что именно логические категории и логические понятия дали толчок развитию лингвистической семантики, теории референции, прагмалингвистики. Логические и языковые категории не однозначны. Системы логики и языка не изоморфны. Однопорядковым категориям логики могут соответствовать разнопорядковые категории языка. При этом важно подчеркнуть, что их поуровневая отнесенность находится в зависимости от типологической специфики языка. Понятийные категории представляются универсальными сущностями.

1.4. ТИПЫ И ФУНКЦИИ ПОНЯТИЙНЫХ КАТЕГОРИЙ

Интересной представляется в плане анализа рассматриваемой проблемы концепция А.В. Бондарко, который считает необходимым различение собственно понятийных (логических, мыслительных) категорий и двусторонних языковых единств типа устанавливаемых им функционально-семантических полей. Эти поля включают в себя семантические элементы в интерпретации именно данного языка и конкретные элементы плана выражения также именно данного языка. Отсюда вытекает трактовка этих полей как единств, находящихся на поверхностном уровне, что, однако, не означает, что исключается связь с уровнем глубинным. Такую связь автор усматривает в том, что семантические функции, носителями которых являются элементы данного поля, представляют собой «поверхностную» реализацию определенной «глубинной» инвариантной понятийной категории или комплекса таких категорий.

Итак, можно предположить, что собственно понятийные категории, имеющие универсальный характер, относятся к глубинному уровню, тогда как конкретно-языковая семантическая интерпретация данной

понятийной категории, организация языковых средств, служащих для выражения данного значения, распределения семантической нагрузки между морфологическими, синтаксическими, лексическими и словообразовательными средствами – все это относится к поверхностному уровню [Бондарко 1973: 12].

Поверхностная же семантика, базируясь на глубинной, относится уже к данному, конкретному языку. Глубинные понятийные инварианты здесь выступают в вариантах, общая конфигурация которых и многие детали характерны именно для данного языка. Таким образом, понятийные категории играют функционально активную роль и по отношению к глубинной семантике, где они реализуются в вариантах общезначимых, не имеющих конкретно-языковой специфики, и по отношению к поверхностной семантике, где они реализуются в таких вариантах, которые составляют специфическую особенность именно данного языка или группы языков, в отличие от других языков [Бондарко 1973: 12-13].

В одной из своих последующих работ А.В. Бондарко приходит к мысли о необходимости разграничения и понятийных категорий. Он выделяет два их типа: фундаментальные понятийные категории, являющиеся облигаторными и универсальными, и нефундаментальные категории – факультативные и неуниверсальные [Бондарко 1976: 78]. Такое членение семантических и понятийных категорий свидетельствует о тонком анализе объекта исследования и об осознании ученым всей сложности и многогранности системных отношений между сущностями, неданными человеку в непосредственном чувственном восприятии. Представляется вполне корректной позиция И.И. Мещанинова по этому вопросу: «Они служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии» [Мещанинов 1948: 15]. В этом суждении несколько очень важных идей. Во-первых, показано, что понятийные категории как бы двунаправлены: одной своей стороной они обращены к универсальным логическим и психологическим категориям и законам и через них связаны с объективной действительностью; другой стороной они обращены к языковому материалу и находят свое выражение в фактах языка (ср. отмечаемое А.И. Варшавской свойство «двуликости» понятийных категорий [Варшавская 1984]. Во-вторых, понятийные категории, располагаясь между логико-психологическими и языковыми, не являются в собственном смысле ни теми, ни другими, они обладают собственным, относительно самостоятельным статусом. В-третьих, в приведен-

ном высказывании И.И. Мещанинова недвусмысленно выражена идея о «многоэтажности» человеческого сознания, где каждый «этаж» непосредственно связан с соседними, относительно независим от них в силу наличия специфических функций и вместе со всеми образует единое здание человеческого менталитета.

Таким образом, понятийные категории – это релевантные для языка ментальные категории, ориентированные, с одной стороны, на логико-психологические категории, а с другой – на семантические категории языка. Представляя собой опосредованный универсальными законами мышления результат человеческого опыта, они, в свою очередь, являются основой семантических структур языка, необходимой предпосылкой функционирования языковой системы в целом.

Здесь следует сделать следующие замечания. Говоря, что понятийные категории в генетическом плане как бы «предваряют» языковые категории, предшествуют им, необходимо учитывать факт гетерогенности понятийных категорий. Так, если понятийная категория количественности формируется в сознании и затем оформляется в языке в результате отражения количественных параметров объектов реальной действительности, то такие понятийные категории, как модальность – и в особенности ее аксиологический тип, «идут» не от действительности, а от человека, обуславливаются активностью человеческого сознания, его способностью к весьма сложному и неоднонаправленному взаимодействию с внешней средой.

Н.А. Кобрина выделяет следующие три типа понятийных категорий:

1. Понятийные категории, представляющие отражение реальности в виде форм и предметов мысли (т.е. совпадают с понятиями в философии). Это смысловые сущности, которые получают отражение в семантике либо в лексических группировках слов, либо в частеречных классах, в зависимости от уровня рассмотрения, осмысления объекта. Для этих понятийных категорий границы между их семантикой и понятийным смыслом практически размыты. Эта нечеткость эксплицируется в том, что в семантическом синтаксисе понятийные концепты называются семантическими ролями (актантами). Н.А. Кобрина указывает на неоднозначность соотношения языковых форм и понятийных категорий. Данная соотнесенность находится в сильной зависимости от типа языка. В синтетических языках понятийная категория и форма выражения соотнесены по типу закрепления: одно понятие – одна или несколько форм. В языках изолирующего типа соотношение иное: несколько понятий – одна языковая форма. Неоднозначность

соотношения понятийного плана и плана языкового выражения функционально значимо при определении типа языка или различие языков сводится к различному соотношению понятийных категорий и форм выражения [Кобрина 1989: 43-44].

II. Следующий тип понятийных категорий – это понятийные категории, являющиеся параметрами, признаками, характеристиками: вид, время, залог, наклонение, род, число, падеж. Для этих понятийных категорий однозначная соотносимость с формой чаще отсутствует. Понятийные категории могут реализовываться при условии использования нескольких форм: морфологической и синтаксической.

III. Релятивные, или операционные, понятийные категории лежат в основе схем организации понятий. Примером релятивной понятийной категории является сетка понятий, отражающих соотношение таких референтов, как действие или событие с вовлеченными в них предметами мысли. Данное соотношение является образным отражением реальной ситуации, оно преобразуется в пропозицию после выбора реляционного предиката на семантическом уровне и в случае заполнения всех «мест» реляционной схемы. Понятийные релятивные схемы лежат в основе построения разных структурных и коммуникативных типов предложения. Понятийные релятивные категории реализуются с помощью семантических сущностей языка.

Согласно точке зрения Н.А. Кобриной, семантическое содержание не отделено резкой гранью от содержания понятийных категорий и в некоторых случаях может рассматриваться «как эквивалент понятийного содержания. Однако семантика уже, конкретнее понятийных категорий, и среди последних существуют такие, которые не получают четкое выражение в семантическом плане, например, экспрессивность, эмоциональность, некоторые виды оценочности и модальности» [Кобрина 1989: 45].

На конструктивном уровне (сентенциональном и фразовом) выделяются понятийные категории-конструкты, которые являются составными элементами структуры. Данные понятийные категории актуализируются на языковом уровне как члены предложения. Все понятийные категории ориентированы на разные аспекты и уровни языка, и образуют иерархическую систему.

Тезис о том, что понятийные категории являются необходимой предпосылкой адекватного функционирования всей системы языка, также нуждается в пояснении. Язык, как известно, имеет уровневую и аспектную организацию, и каждый уровень и аспект относится к понятийной сфере по-разному. Если количество и номенклатура единиц

фонетического уровня определяются физиологическими возможностями артикуляционного аппарата и в целом с единицами понятийной сферы не соотносятся, то единицы лексической системы языка регулярно коррелируют с фондом понятий. Наиболее же явно «реагирует» на понятийную сферу грамматическая система в силу ее приближенности к общим законам организации мышления.

Между внеязыковой действительностью и логико-психологическим уровнем существуют отражения – внешний мир воздействует через рецепторы человека на его мозг, в результате чего возникают идеальные корреляты явлений действительности. В целом отношения между внеязыковой действительностью и логико-психологической сферой изоморфны. Понятийная сфера упорядочивает явления логико-психологического уровня. Классифицирующая деятельность человеческого рассудка дискретизирует, структурирует и группирует эти явления на основе их наиболее общих и наиболее релевантных для человека признаков. Понятийная сфера есть сфера концептивных аналогов сущностей логико-психологического уровня. Отношения между этими уровнями характеризуются, таким образом, как отношения систематизации, и им свойственен гомоморфизм.

Суть следующего этапа (переход от понятий к сфере языка) – формализация понятийных категорий, придание им лингвистического значения, их «оязыковление». Имеет место переход от универсальных явлений к явлениям идиоэтническим, следовательно, данные между-уровневые отношения алломорфны. Следует отметить, что на данном этапе возникает и структурированность самой системы понятийных категорий, выявляются различные их типы.

Последняя ступень – связь семантики с поверхностной структурой (ср. идею Ф. де Соссюра об однозначном соответствии между означающим и означаемым и теорию С.О. Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака).

В. фон Гумбольдт, сопоставляя разноструктурные языки, их грамматические формы, указывал на компенсаторные возможности языков в обозначении и реализации грамматических отношений [Гумбольдт 1984: 324-343, 344-349, 397]. Многообразии выражения понятийных категорий в разных языках служит для передачи единого содержания известных понятий, которые являются продуктом исторического процесса развития человеческого общества [Мещанинов 1946: 7]. Эти понятия не описываются языком, а выявляются в нем самом, в его лексико-грамматическом строе. Понятийные категории, которые получают в языке синтаксическую или морфологическую форму, становятся

грамматическими понятиями и, таким образом, в грамматических категориях отображаются не все выявляемые в языке понятия, а только те, которые получают в языке формальное выражение [Мещанинов 1978: 237-238].

Б.Л. Уорф проводит разграничение между открытыми и скрытыми категориями. Открытая (явная) категория – это категория, которая находит формальное выражение в каждом предложении, содержащем член этой категории. Данная категория может быть названа фенотипом (категория множественного числа в английском языке). Скрытая категория выражается специальной морфемой или особой моделью предложения только в некоторых случаях и не во всех предложениях, в которой представлен член этой категории. Скрытая категория может быть названа криптитипом (категория рода в английском языке) [Уорф 1972, Кацнельсон 1972].

Лингвисты выделяют также лексические категории, которые Ш. Балли называет категориями знаков, выражающих понятия и комбинируемых в речи с помощью грамматических связей [Балли 1955: 128]. Лексические категории содержат в себе слова или, точнее, виртуальные семантемы (знаки, выражающие чисто лексические простые или сложные понятия независимо от их формы), означающие предметы, качества, процессы и разновидности качества или действия, другими словами и, существительные, прилагательные, глаголы и наречия. В современных исследованиях грамматические категории помещаются в центр существующих функционально-семантических категорий или функционально-семантических полей, которые включают в себя еще и разноуровневые средства данного языка, объединенные на основе общности взаимодействия семантических функций [Бондарко 1984: 24]. Функционально-семантическое поле представляет собой (содержательно-формальное) единство, охватывающее конкретные средства данного языка со всеми особенностями их формы и содержания [там же].

Языковые элементы, которые входят в состав функционально-семантического поля имеют ряд общих черт:

1. Общие инвариантные семантические функции;
2. Взаимодействие явлений, относящихся к разным сторонам языка: парадигматике и синтагматике;
3. Определенные структурные признаки: а) членение – центр (ядро) – периферия; б) концентрация целого комплекса грамматических оппозиций в морфологической категории и непоследовательность, незамкнутость, непарадигматичность оппозиций в кругу периферийных

компонентов; в) максимальная функциональная нагрузка (центр – уменьшение такой нагрузки (периферия); г) наибольшая/наименьшая специализированность определенного языкового средства для реализации определенной семантической функции (центр – периферия); д) регулярность (высокая частотность) / нерегулярность (низкая частотность) употребления языковых элементов – центр – периферия; е) регулирующая и консолидирующая роль центральных явлений по отношению к периферийным;

4. Постепенные переходы, указывающие на принадлежность явления к нескольким полям [Бондарко 1976, 1983].

Поле – это особый тип системы-группировки, связей и взаимодействия языковых элементов в самой языковой действительности. Поле – это объективная данность. Принцип полевого подхода предполагает исследование фактов языка с точки зрения теории поля как отражения этой объективной данности в приемах лингвистического анализа.

Разнообразие и широта спектра языковых категорий, различные подходы к интерпретации и классификации не могут не учитываться при рассмотрении неоднородности и неоднoplanовости языковых категорий. Язык как организованная система обладает неоднотипными категориями. Одни из них могут быть формально фиксированными (любая морфологическая категория: числа, времени, степени сравнения). Другие, не имея явных формальных показателей, обладают способностью определять выбор при построении предложения-высказывания, предопределяя сочетаемость и возможности формоупотребления.

ЧАСТЬ II.

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ С КАУЗАТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

2.1. СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ФАКТОВ ЯЗЫКА

В лингвистике ведется интенсивный поиск путей построения общей теории языка, которая была бы обобщением результатов научных изысканий в области динамики языка на предыдущих этапах развития языкознания, и, одновременно, определяла бы пути дальнейшего развития [Мышкина 2007: 3]. Разрабатываемый нами метод предполагает соединение и совмещение системного и функционального подходов. Как подчеркивает Н.Л. Мышкина, цель интеграции разных подходов достижима только при поэтапном включении подходов в анализ материала на основе принципов комплексного подхода [См., например, Мышкина 1991].

Комплексный системный подход, широко декларируемый в научных кругах, не нашел еще должного применения в конкретных научных исследованиях. Причина трудностей его использования связана с тем, что комплексный, системный подход предполагает заимствование теоретических положений и методов других наук, а также направлений в рамках одной науки в целях более полного и всестороннего описания объекта исследования. Их использование затруднено из-за различия в концептуально-терминологических аппаратах не только в разных науках, но и в рамках одной науки [Антропова 2005: 114-129].

Применение комплексного подхода возможно при соблюдении ряда требований к такого рода исследованиям, включающих следующие принципы: принцип интегрированности, когда любые явления рассматриваются с единой точки зрения; выбор ведущего принципа, когда создается определенная иерархия факторов (о принципах более подробно далее).

В рамках нашего исследования комплексный подход, который интегрирует в себе системный и функциональный подходы, позволит провести многофакторное исследование языковой действительности, выявить системность в формировании семантико-синтаксической организации предложения на примере функционального потенциала каузативных глаголов. Комплексный подход дает возможность исследо-

вать своеобразие функционального потенциала отдельных глагольных лексем в рамках одного лексико-грамматического разряда и описать общие механизмы формирования семантико-синтаксической организации каузативной конструкции, изменения и развития семантического и валентностного потенциала слова в целом [См., например, Алексанова [эл. р.]; Кацнельсон 1948; Кибардина 1985, 1986, 1988; Падучева 1999, 2009; Розина 2005; Шишкова, Смирнова 2003 и др.].

Системно-функциональный подход позволяет решить вопрос о соотношении функционально-семантического и системно-структурного принципов описания языка в функциональной грамматике. Осмысление различных аспектов взаимосвязи языковой системы и функционирования ее элементов остается одной из актуальных задач современных лингвистических исследований. Несомненно заслуживают внимания такие вопросы, как семантика и форма, функции и системно-структурная организация языка, системные связи языковых и речевых единств, взаимодействие лексических и грамматических единиц, текстообразующая функция и текстовые реализации синтаксических конструкций, типы грамматических единств и их репрезентации, инвариантность / вариативность в языковой системе и разных типах речи, инварианты и прототипы [Бондарко 2004, Проблемы функциональной грамматики 2000]. Современные направления исследований семантических концептов и семантических, а также семантико-прагматических функций направлены на осознание актуальности изучения связей содержания и формы, функции и структуры, связей семантики и способов ее языкового и речевого представления. Форма рассматривается не только как средство формального выражения тех или иных значений, но и как форма строения системы (ее структура). Форма рассматривается как способ представления изучаемого содержания.

В настоящем исследовании представлена попытка демонстрации действия принципов системно-функционального подхода. Данный подход связан с интеграцией исходно-семантического и исходно-формального направлений анализа. Функционально-семантическая категория каузативности актуализируется в языке разноуровневыми средствами, взаимодействующими на основе общности их семантических функций и выражающими варианты данной семантической категории. Формально функционально-семантическое поле каузативности не ограничено, что, в свою очередь, предполагает более широкий охват многообразных средств выражения вариантов исследуемой категории.

Применение системно-функционального подхода дает возможность моделировать не только имплицитные и эксплицитные условия реали-

зации семантического потенциала каузативного глагола, но и условия, при которых наблюдается семантический синкретизм. Важным представляется моделирование каузативной ситуации информативно-модифицирующими глаголами, в связи с чем и разрабатывается типология каузативных ситуаций на базе функционального потенциала каузатора. В основу разрабатываемого системно-функционального подхода положены коммуникативные, прагматические и собственно лингвистические принципы. Данные принципы определяют механизм структурирования семантики каузативности. Системно-функциональный подход дает возможность исследовать и выявить закономерности внутрискруктурной системности глагольной семантики, изучить отношения иерархии в семантическом и валентностном потенциале каузативного глагола и особенности реализации актантного наполнения каузативной ситуации, формируемой каузативным глаголом. Системно-функциональный подход позволит увидеть каузативную ситуацию через взаимоотношения лексической и грамматической систем с системой коммуникативной и представить динамику и многоаспектность каузативной ситуации, которая, несомненно, обладает обширным функциональным потенциалом, реализуемым самыми различными аспектами потенции.

Предлагаемая нами модель системно-функционального подхода позволит по-новому подойти к решению некоторых вопросов в области функциональной грамматики. Включение в исследование, помимо аспекта соотношения семантического и валентностного потенциала глагола в рамках каузативной ситуации, также и аспекта динамики языка позволит расширить исследование и изучить активные языковые процессы на всех исследуемых уровнях системы. Динамический характер языку придает динамическое взаимодействие лексики и грамматики.

В соответствии с разрабатываемым системно-функциональным подходом исследование функционального потенциала каузативных глаголов осуществляется на основе следующих критериев: 1) принцип иерархизации, который предполагает, что иерархизации подлежат, прежде всего, принципы системного анализа, а выбор ведущего принципа, то есть того угла зрения, под которым рассматриваются элементы моделируемой системы, зависит от цели создания модели [Мышкина 2007: 5]; 2) принцип центрированности, устанавливающий, что любая единица анализа или интеграции рассматривается под углом ее роли в движении системы [там же]; 3) принцип интегрального категориального моделирования, заключающийся в синтезе категориальны-

ми компонентами частичных моделей; 4) принцип целостного моделирования, предполагающий создание общего интегрально-модельного представления каузативной ситуации и каузативной конструкции; 5) принцип функциональной интеграции, позволяющий интегрировать в единой системе те языковые средства, которые в традиционной грамматике оказываются разделенными в зависимости от их принадлежности к той или иной формальной подсистеме; 6) принцип системно-структурной дифференциации, способствующий определению специфики взаимодействующих элементов каузативной ситуации и установлению различий как содержательного, так и системно-структурного характера.

В работе используются моносистемный и полисистемный анализ [Бондарко 2004: 5-7; Проблемы функциональной грамматики 2000: 18-20]. Моносистемный анализ базируется на основе выделения отдельных уровней, к которым относятся подсистемы, характеризующиеся единством определенных базисных признаков. По своему существу моносистемный анализ является системно-дифференцирующим. Системно-дифференцирующий анализ является необходимым компонентом научного описания и осмысления языковых единств. Предмет исследования может быть представлен как целостная система, если в нем выделены подсистемы, которые образуют многоуровневую структуру изучаемого объекта.

В этой связи особую актуальность представляет известное толкование языка как «системы систем», данное Г. Гийомом: «Любой язык представляет в своей совокупности обширную строго когерентную систему, состоящую из множеств систем, связанных между собой отношениями системной зависимости, которые их объединяют в единое целое... Язык представляет собой системное целое, охватывающее всю протяженность мыслимого и состоящее из систем, каждая из которых относится только к одной конкретной части мыслимого. Эти частные системы имеют естественную тенденцию к индивидуализации и к созданию целого, каковым и является язык» [Гийом 2007: 106]. Определение частных систем как целого в рамках целого, часть которого они составляют, является более или менее строгим. Г. Гийом использует понятие интегрирующей системы, которая выделяется во внутренней структуре языка. Существует множество интегрируемых систем, каждая из них образует некоторое целое. На основании этого и выделяются две противоречивые тенденции – тенденция к разделению систем и их идентификация и противоположная тенденция к сохранению тесной и почти непрерывной связи между ними [там же].

Функциональный подход к языку, по мнению С.Д. Кацнельсона, невозможен без проникновения в основную функцию языка как орудия общения. Проблема соотношения языка и речи-мысли является стержневой проблемой науки о языке [Кацнельсон 1948: 23]. В области грамматических исследований без общего невозможно проникновение в область частного. С.Д. Кацнельсон рассматривает введение в грамматику как грамматическую часть общего языкознания, как «общую грамматику», но не в плане насильования строя конкретных языков и навязывания им общей единой схемы грамматических категорий, а в плане выявления общих мыслительных основ грамматического строя и предпосылок расхождения и многообразия конкретных грамматических строев [Кацнельсон 2001: 552].

Изучение закономерностей формирования языковых структур, реализующих семантику каузативности, потребовало разработки комплексного подхода, обеспечивающего интерпретацию и моделирование каузативной ситуации как категориальной ситуации с позиций функциональной грамматики. Каузативная ситуация конструируется совокупностью различных форм единиц языка. Применение системно-функционального подхода обеспечивает возможность изучения особенностей употребления тех или иных языковых форм, закономерностей их взаимодействия. Системно-функциональный подход позволяет сформировать определенное видение форм существования семантико-синтаксической организации каузативной ситуации. Теоретическое обобщение закономерностей развития форм семантико-синтаксической организации каузативной ситуации способствует выявлению особенностей этого конструирования и наметить новые тенденции в функционировании языковых структур каузативной семантики.

Исследование лексико-грамматической группы каузативных глаголов предполагает выявление и описание назначения данных языковых средств для актуализации семантики каузативности, а также цель их употребления. Цель может быть истолкована как функция. А.В. Бондарко подчеркивает, что за пределами инварианта, о котором идет речь, оказывается логико-математическое истолкование термина «функция». Данное истолкование базируется на трактовке функции как переменной величины, меняющейся в зависимости от изменения другой величины. В философской литературе функция определяется как «способ поведения, присущий какому-либо объекту или той системе, в которую он входит в качестве элемента» [Философская энциклопедия 1970: 418]. Данное истолкование функции является каузальным. Аспект каузации вытекает из аспекта цели. Если то или иное

языковое средство имеет определенное назначение, служит некоторой цели, то эта целевая потенция детерминирует (каузирует) определенное поведение данного элемента языковой системы, его взаимодействие с другими элементами при реализации функции в речи [Бондарко 2004: 79-80]. Н. Bußmann в «Lexikon der Sprachwissenschaft» [Bußmann 2002: 229] дает определение функции на базе математики и логики, на основе глоссематики Л. Ельмслева, а также на примере других моделей описания таких как синтаксическая функция, функциональная схема и т.д. «Unter dem Einfluß von Admoni [1960] und Meier [1961] erarbeitete Grammatikkonzeption, die das Verhältnis zwischen Form und Funktion untersucht, wobei Funktion als außersprachliche Wirkung aufzufassen ist, die durch eine sprachliche Äußerung hervorgerufen wird» [Bußmann 2002: 230]. Функция того или иного элемента языковой системы – это его назначение, обуславливающее определенные типы его употребления в речи. Функции-реализации, выступающие в конкретном высказывании, представляют собой результат взаимодействия различных языковых средств.

А.В. Бондарко рассматривает вопрос о соотношении понятий «функция» и «значение»: значение отделяется от функции: 1) значение связано с вопросом «что собой представляет данная единица?» Понятие функции связано с вопросом «для чего служит данная единица в речи, каково ее назначение?»; 2) для понятия «значение» характерна ориентация на семантическую структуру знаковой единицы и ее место в данной подсистеме языковых единиц. По отношению к функции доминирует связь выражаемой семантики с определенным «способом поведения» анализируемых единиц в речевой среде и с достигаемым в речи результатом [Бондарко 2004: 80-81]. Вопрос о функциях в их отношении к значениям имеет непосредственный выход в конкретную проблематику функционально-грамматических исследований.

Многие исследования последних десятилетий, проводимые в рамках различных направлений лингвистики, отличаются общим основанием, так как изучают семантическую составляющую языкового знака. Современное языкознание характеризуется стремлением к анализу не только внутренней составляющей языка, но и учитывает влияние среды как функционального фактора развития языковой системы. Именно системный характер объекта лингвистического исследования заставляет с большей долей ответственности подходить к отбору приемов и методов его анализа и свидетельствует в пользу того, что определенный вектор исследования языка является лишь тем самым методическим приемом, который смещает акценты на объект, делая те или иные

его стороны более выпуклыми, актуальными. В рамках системно-функционального направления анализу подвергается тройственный критерий [Алексанова: эл. р.] языкового знака. Каждый элемент языка, помимо значения (что выражено) и формы (как или чем выражено), имеет также функциональную нагрузку (зачем, для чего используется) [Алексанова: эл.р.]. Тройственный критерий позволяет исследовать языковое явление не только «от значения», а учитывать одновременно его форму, значение и функцию, что позволяет считать каждую вершину сложившегося методологического треугольника как равнозначную. Функционализм, став неотъемлемой составляющей лингвистики объяснительной, успешно развивает новаторские идеи, порожденные традиционным отечественным языкознанием, и способствует поиску адекватных методов решения накопленных проблем.

2.2. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

Современное состояние лингвистических исследований в области синтаксической семантики и семантического синтаксиса характеризуется пристальным вниманием к формальному строению предложения, его коммуникативных целей, к природе значения предложения и его составов, к семантическим типам предложения, к взаимодействию формальной и семантической структур предложения.

Интерес к этому кругу вопросов пробудился в середине 60-х годов XX века. С этого времени предложение все более активно изучается именно со стороны «смысловой формы». Пристальное внимание лингвистов к смысловой стороне предложения объясняется тем, что именно в предложении заключен тот объект, раскрытием природы которого заняты в настоящее время многие науки, связанные с изучением процессов коммуникации. Объект этот – мысль. Мысль, содержащаяся в предложении, рассматривается как его смысл.

В отличие от других наук лингвистическую семантику интересуют главным образом способ организации этого смысла и процесс его создания в языковой сфере. Для обозначения смысла в семантике используют такие термины, как «семантическая структура», «базовая структура», «внутренняя структура», «глубинная структура» и др.

Применительно к понятию «семантическая структура» В.А. Белошапкина говорит об обобщенном типовом информативном содержании, свойственном не одному отдельному предложению, а обширному

классу однородных предложений [Белашапкина 1977: 118]. Исследователи дают следующую характеристику данному понятию:

– «семантическая структура» есть понятие, связанное с информативным, или с лексическим, вещественным, информативным содержанием предложения;

– оно предполагает обобщение этой стороны предложения;

– оно определенным образом связано с информативной организацией предложения.

В разных определениях особенно подчеркивается то или иное свойство «семантической структуры».

Чешский синтаксист Ф. Данеш, которому принадлежит сама идея выделения «семантической структуры» как особой стороны в строении предложения, определяет ее как «...синтаксическую проекцию данных лексических значений» и подчеркивает, таким образом, связь «семантической структуры» с моделью предложения, т.е. с его формальным строением.

Другие авторы определяют «семантическую структуру» через понятие «содержание предложения», которое они отождествляют со смыслом, а «семантическую структуру» тем самым – со структурой смысла. Например, Н.Ю. Шведова рассматривает «семантическую структуру» предложения как «его информативное содержание, представленное в абстрагированном виде как закрепленное в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла» [Шведова 1973: 461]. Здесь акцентирована обобщенность смыслов, образующих семантическую структуру, и закрепленность этих смыслов в системе данного языка.

Специфика содержательной стороны предложения состоит в способности передавать мысль, что отличает его от слова и словосочетания. И действительно, мысль не может быть выражена в языке иначе, как в форме предложения. В русской лингвистической традиции, как известно, данный подход к структуре предложения развивался вплоть до второй половины XIX века.

Термин «семантическая структура» можно считать более удобным и адекватным по сравнению с термином «смысл предложения» в силу того, что в нем содержится указание на организованность, упорядоченность элементов смысла (структура).

Сущность семантической структуры состоит в том, что она отражает обобщенное, абстрагированное и типизированное информативное содержание [Арват 1984]. Следовательно, значение «семантической

структуры» манифестирует мыслительно-языковое семантическое содержание и имеет не линейный, а уровневый характер.

Семантическая структура распадается на несколько уровней.

Первый (предикационный) уровень, на котором посредством подлежащего и сказуемого выражаются значения категории «предикативности» (здесь «предикативность» понимается как смысловое отношение между главными членами предложения: подлежащим и сказуемым). Однако в отечественном языкознании более распространено определение предикативности в широком плане как комплекса свойственных всякому предложению грамматических значений модальности и времени, а иногда и лица, которые актуализируют «номинативное содержание» предложения, соотнося его с актом речи [Белашапкина 1977: 120].

Второй уровень представляет собой структурно-семантическое содержание, отраженное в логико-грамматическом типе предложения.

Третий уровень – собственно сигнификативное значение конструкции.

Конституентами первого уровня являются члены предложения; конституенты второго уровня составляют структурно-семантические компоненты, формирующиеся взаимодействием морфологического качества необходимых компонентов предложения и их синтаксической позиции. Третий уровень выражает отношение структурно-семантических компонентов к их референтам. Его конституентами являются сигнификативные компоненты [Шведова 1973].

Существенный вклад в разработку теории семантических структур внес Ч. Филлмор [1981]. В качестве основы для «семантической структуры» (которую он называет «глубинной структурой») автор использовал предикатно-аргументный принцип символической логики.

Если в трансформационных грамматиках было принято начинать синтаксический анализ с деления предложения на глагольную и именную фразы ($S - NP + VP$), то Ч. Филлмор расчленяет высказывание на модус и пропозицию ($S - M + P$), где S – предложение, M – модальный показатель, P – пропозиция. Последняя может быть развернута в формулу $P-V+C1...+C...$, где V – глагол, $C1...+C...$ – так называемые «глубинные падежи», под которыми понимается семантическое отношение аргумента к глаголу (предикату).

Н.Д. Арутюнова в своей статье «Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора» отмечает «два рода трудностей», с которыми столкнулась эта теория: «Одни из них обусловлены необходимостью определения и выявления элементарной "пропозиции", другие вызваны задачей идентификации и дифференциации семантических

функций аргументов при разных по значению предикатах» [Арутюнова 1973: 120]. Несмотря на эти недостатки, «глубинная структура» Ч. Филлмора представляет собой существенное приближение к адекватному описанию смысла предложения.

Особое внимание заслуживает концепция Е.В. Падучевой [1974, 2009] и некоторых других лингвистов, в которой помимо «уровней семантических представлений» выделяются еще «уровни синтаксических и поверхностно-синтаксических представлений». Эти уровни различаются тем, что на первом фигурируют только знаменательные слова со своими синтаксическими связями, а на втором появляются также и служебные.

Семантическая структура представляет собой лингвистическую абстракцию, имеющую в качестве области своего существования конкретные синтаксические образования, которые проявляются во множестве реально наблюдаемых речевых высказываний. Синтаксическая структура тоже является лингвистической абстракцией, но в меньшей степени удаленной от своего морфологического и фонетического воплощения, нежели «семантическая структура» [Богданов 1977].

Не остался без внимания и вопрос о взаимодействии семантической и синтаксической структур предложения. Семантическая структура представляет собой выражение, построенное из смысловых единиц, соединенных друг с другом предикатно-аргументными отношениями, а вторая – поверхностно-синтаксическая структура данного построения.

Задача семантического анализа предложения заключается в выявлении «актантов» всех предикатных лексем. «Слово имеет столько «валентностей», сколько участников ситуации необходимо упомянуть, чтобы истолковать его исчерпывающим и неизбыточным образом» [Апресян 1995]. С другой стороны, В.Г. Адмони, Г.А. Золотова и др. считают, что «структурная (синтаксическая) схема предложения» уже является структурно-семантической, поскольку она отражает свойственную типу предложения синтаксическую семантику [Адмони 1988, Золотова 1982].

Говоря о семантике предложения, нельзя не упомянуть концепцию И-Э.С. Рахманкуловой. Обращаясь к отображению в языке окружающей человека действительности, автор приходит к заключению, что природа языковой единицы определяется очень сложной совокупностью следующих факторов:

1) экстралингвистических, обусловленных объективной природой отображаемой реальности;

2) концептуальных, обусловленных закономерностями отражения объективного мира в сознании человека;

3) собственно языковых, обусловленных закономерностями, действующими в определенном языке.

Изучая функционирование предложения на всех этих стадиях, И-Э.С. Рахманкулова разрабатывает пять типов структурно-функциональных моделей предложений:

1) исходная модель предложения, в рамках которой глагол имеет прямое значение и благодаря которой он может быть отнесен к конкретной лексико-семантической группе глаголов;

2) контекстуально-терминологическая модель предложения, в рамках которой глагол имеет конкретное значение, отличное от прямого, т.е. специальное значение. Эта модель предложения может быть употреблена только в определенном контексте, например, *Die Schicht sperrt* – «Слой запирает» (в тексте по электронике);

3) фразеологическая модель предложения, в рамках которой глагол либо асемантизируется, либо имеет переносное значение, например, *Er steht mir im Wege* – «Он мешает мне»;

4) синтагматическая модель предложения, в рамках которой глагол имеет дополнительное грамматическое значение, например, глагол *gehen* в структурном построении *Er kommt gegangen* – «Он приходит»;

5) модифицирующая модель предложения, в рамках которой глагол переходит из своей исходной лексико-семантической группы в другую группу, например, *Er setzte über den Graben* – «Он перепрыгнул через окол».

Соответственно, значения, отмечаемые в пяти структурно-функциональных моделях предложения, будут называться: исходное, контекстуально-терминологическое, фразеологическое, синтагматическое (дополнительное грамматическое), модифицированное [Рахманкулова 1999: 56-58].

В.Б. Касевич строит свою теорию семантики предложения на основе понятий «пропозиция» и «терм», входящих в состав пропозиции. Пропозиция и, шире, семантическое представление высказывания, определяются автором как «языковой аналог неязыкового образования, фрейма, т.е. структуры, с помощью которой человек организует поступающую информацию». Термы формируют определенную структуру. Эта структура иерархична.

Вместе с тем средства, помогающие обнаружить тип иерархии структурной организации семантики высказывания, отсутствуют. Для выполнения данной задачи В.Б. Касевич предлагает два пути. Первый

основан на интуитивном установлении иерархических «весов» термов пропозиции. Второй путь основывается на предположении о том, что языку присуще свойство иконичности: основные соотношения сформировавшейся структуры «переносятся» не только в семантическое представление высказывания, но и в его синтаксическое представление. Следовательно, мы можем дать некоторые заключения о «семантической структуре», основываясь на наблюдениях над структурой синтаксической. Разумеется, семантическая структура изоморфна не всякой синтаксической. Среди всех синтаксических структур можно выделить такой их набор, в который входят наиболее простые, элементарные, нейтральные структуры.

Другая оговорка заключается в том, что иерархия термов указывает лишь на отношения внутри каждой данной пропозиции.

Но абсолютная иерархия термов все-таки возможна. Можно объединить в классы пропозиции по числу входящих в них термов. Далее можно выделить те термы, которые получают одинаковое морфосинтаксическое выражение и которые традиционно обозначаются как «субъект», «объект», «адресат» и т.п. В.Б. Касевич называет их «семантическими ролями».

Семантическая структура на основе такого ранжирования термов пропозиции отражает в первую очередь устройство фрагментов действительности, которая описывается высказыванием. Ее субъективность носит «коллективный» характер, поскольку структурирование внешнего мира средствами языковой семантики осуществляется по закономерностям языка данного коллектива (народа, этноса).

С другой стороны, язык должен предоставлять говорящему средства такой организации высказывания, которые отражали бы его индивидуальную точку зрения. В результате структура непосредственно связана с информационными взаимоотношениями между говорящим и слушающим, т.е. с процессом коммуникации. Поэтому «семантическую структуру высказывания» уместно называть «коммуникативной» [Касевич 1988: 83-85].

По мнению Ю.Д. Апресяна, одному и тому же предложению может соответствовать несколько семантических структур. Семантические структуры отличаются друг от друга не принципиально, а лишь степенью детальности представления смысла. Среди всех семантических структур имеется одна каноническая, составленная исключительно из простейших (неопределяемых) элементов смысла, своего рода смысловых атомов, различные комбинации которых формируют значения реальных единиц естественных языков [Апресян 1995: 16].

Итак, разнообразие рассмотренных выше концепций свидетельствует о том, что единое представление об отличительных особенностях семантической структуры в настоящее время в лингвистике отсутствует. Однако многообразие интерпретаций понятия «семантическая структура» является не опровержением ее реальности и не утверждением ее фиктивности, а, наоборот, следствием ее значимости и чрезвычайной сложности ее строения.

Предложение и его семантическая структура описываются с учетом того, что высказывание как непосредственно наблюдаемый факт, т.е. как явление «поверхностной» сферы языковой действительности, представляет собой продукт многоступенчатого порождающего процесса в «глубинной» сфере языка и что вместе с формированием предложения постепенно складывается и его семантическая структура, включающая в себя множество значений разного рода. В центре внимания находится валентностный потенциал глагола, определяемый на основе теории семантической валентности. Предлагаемый подход к исследованию семантической структуры предложения соприкасается с идеями, получившими развитие в работах Ю.Д. Апресяна, А.В. Бондарко, С.Д. Кацнельсона, С.М. Кибардиной, Л.В. Шишковой, Е.В. Падучевой, Э. Бенвениста, В.В. Богданова, Ч. Филлмора, и многих других как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

Несмотря на большое число работ, интерес к предложению и высказыванию не ослабевает, и это вполне закономерно, так как данная проблема в силу ее сложности и многогранности приводит к разнообразию мнений и исследовательских подходов.

Трудности, с которыми сталкивается лингвист при исследовании предложения, заключаются, прежде всего, в объективной сложности этого языкового феномена, в сложности его функциональных признаков, проявляющихся в отношении предложения к репрезентируемым ситуациям внешней действительности, к способам и формам отображения этой действительности в сознании, к системам, именуемым языком, текстом (или речью) и коммуникативным действием (или речевым актом).

Современное языкознание, базирующееся на результатах предшествующих исследований в области изучения предложения, отмечает многоплановость, многоаспектность предложения, что делает невозможным дать исчерпывающее определение предложения в одной формулировке. Лингвистические изыскания сосредоточены на многих вопросах, связанных с определением статуса предложения.

В европейской лингвистической традиции основной единицей языка рассматривается слово. Именно оно находится в центре лингвистических описаний. Вопрос возникает о статусе предложения в системе языка. Ф. де Соссюр отмечал, «... в какой мере относится фраза к сфере языка. Если она принадлежит к сфере речи, она не может служить языковой единицей» [Соссюр 1999: 124]. Далее: «... типичным проявлением синтагмы является предложение, а оно принадлежит речи, а не языку» [Там же]. «К языку, а не к речи надо отнести и все типы синтагм, которые построены по определенным правилам» [Там же: 125]. Но надо признать, что в области синтагм нет резкой границы между фактом языка, запечатленным коллективным обычаем, и фактом речи, зависящим от индивидуальной свободы [Там же: 125].

Слово существует изначально, остальные языковые знаки порождаются с его помощью. М.А. Кронгауз считает, что справедливость этого тезиса относительна, верным данный тезис может считаться лишь статистически [Кронгауз 2001: 125]. В процессе семантического анализа слов устанавливается значение морфемы, а значение предложения выявляется в результате использования правил семантического комбинирования. Г. Фреге сформулировал принцип композиционности, согласно которому значение сложного выражения есть функция значений его частей и синтаксических правил, их соединяющих. Е.В. Падучева в своей работе «О семантике синтаксиса» [1974] отмечает, что «значение предложения складывается из значений лексем, грамматических значений словоформ и значений синтаксических конструкций» [Падучева 1974: 12]. Е.В. Падучева разрабатывает принцип Г. Фреге, который играет большую роль в формальной семантике, но понимается в узком смысле, предполагающем некий изоморфизм между семантикой и синтаксисом. Принцип композиционности рассматривается как установка на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, грамем, синтаксических конструкций, линейно-акцентной структуры и прочее в составе высказывания [Падучева 1999: 3]. Высказывание противопоставляет фрагменту реального мира некую семантическую структуру; это то, что говорящий видит в данном фрагменте мира. Семантические структуры позволяют устанавливать между предложениями отношения логического и семантического следования, противоречия, эквивалентности. Смыслы отдельных слов в составе предложений взаимопроникают один в другой, в разных случаях по-разному. При соединении в единое целое неизбежно происходит преобразование смыслов частей. Правила композиции смыслов мыслятся как преобразование исходного лексико-

синтаксического в семантическое представление того же предложения. Каждое правило касается отдельного словосочетания, но существенна установка на возможность прийти к смыслу целого. Лексический состав предложения и синтаксическая структура – главные компоненты представления смысла предложения. Правила композиции решают следующие проблемы: 1) имеет место указание на способ соединения смыслов отдельных слов в единое целое; 2) в явном виде представлено изменение значений слов под влиянием лексического и синтаксического контекста.

Э. Бенвенист подчеркивает сложность определения отношения между словом и единицей высшего уровня (предложением). «Предложение реализуется посредством слов. Но слова не просто отрезки предложения. Предложение – это целое, не сводящееся к сумме его частей; присущий этому целому смысл распространяется на всю совокупность компонентов. Слово – компонент предложения, в нем проявляется часть смысла всего предложения. Но слово не обязательно выступает в предложении в том же самом смысле, который оно имеет, как самостоятельная единица» [Бенвенист 2002: 133, 135].

Э. Бенвенист рассматривает слово как синтагматический элемент – компонент эмпирических высказываний. Предложение содержит конститутивные единицы, оно не может быть интегрантом никакой другой единицы более высокого уровня. Предложение определяется только своими конститутивными элементами, а слово одновременно содержит конститутивные единицы и функционирует как интегрант [Там же].

Основная задача лингвистики состоит в установлении соотношения формы и значения, означающего и означаемого. «Чего только не делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасные попытки – оно как голова Медузы всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает» [Бенвенист 2002: 136]. Форма и значение должны определяться друг через друга. Форма языковой единицы определяется и как способность этой единицы разлагаться на конститутивные элементы низшего уровня. Значение языковой единицы определяется как способность этой единицы быть составной частью единицы высшего уровня. Форма и значение, таким образом, выступают как совмещенные свойства, обязательно и одновременно данные, неразделимые в процессе функционирования языка [Бенвенист 2002: 137].

Э. Бенвенист отмечает, что «сегментировать предложение возможно, но невозможно сделать его интегрантом какой-либо другой единицы более высокого уровня. Это объясняется предикативностью. Предложение

содержит знаки, но само не является знаком. Для предложений не существует ни законов дистрибуции, ни законов употребления. Список употреблений одного слова может быть не закончен. Список употреблений предложения не может быть даже начат. Предложение – образование неопределенное, неограниченно варьирующееся; это сама жизнь языка в действии. С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь (*le' discours*) [Бенвенист 2002: 139].

Фраза относится к сфере речи, к языку относится не фраза, а шаблон, по которому она составляется. Этот шаблон заключен в предикате, в качестве схемы развертывания фразы. Между пропозициональной функцией (схема развертывания мысли) и структурной схемой предложения отсутствует изоморфизм, так как предложение не является простой копией пропозиции [Кацнельсон 2001: 614]. Предложение не является единицей языка, так как предложения заранее не фиксированы, отсутствует глоссарий предложений. Структурные схемы предложений даны в языке в виде глаголов. Глагол заключает в себе лишь схему ядра предложения, т.е. наименование ситуации и предлагаемых ею аргументов. Остальные члены предложения определяются не предикатом, а общими задачами построения текста, т.е. отношением между предикатами, планом изложения, отношениями времени и пространства [Кацнельсон 2001: 614-615]. С.Д. Кацнельсон продолжает: «Пропозиция в языковом отношении составная единица и поэтому не может быть названа элементарной единицей языка. Это минимальная единица речи, но как единица речи она не знак, а то, что строится из знаков. Знаков в языке ограниченное количество (вспомним <мысль> Гумбольдта о том, что язык производит бесконечное количество предложений из конечного числа знаков) [Кацнельсон 2001: 617]. Пропозиция рассматривается как семантическая структура предложения, отражающая структуру ситуации.

Пропозиция является собой семантическое ядро высказывания, которое еще не является коммуникативной единицей, чтобы стать коммуникативной единицей, семантическая структура должна быть оформлена синтаксической структурой. Синтаксическая структура имеет определенное грамматическое значение. Таким образом, семантическое содержание предложения получает языковую интерпретацию. Значения всех аспектов предложения (синтаксический, семантический, функционально-коммуникативный) принимают участие в формировании смысла предложения, в связи с этим смысл высказывания всегда содержит больший объем информации, чем пропозиция. «*Der langen*

Rede – kurzer Sinn» – так словами И.В. фон Гете можно определить понятие «смысл». «Смысл скрывается в поле возможных предпосылок и последствий данного факта, его возможных причин и возможных следствий. Смысл непосредственно не дан, он подлежит раскрытию. Это то, что так или иначе вытекает из данного факта и позволяет осмыслить его, то, что является элементом суждения и размышления, попыткой ответить на вопрос, что может означать данный факт» [Кацнельсон 2001: 627].

По мнению Л.В. Кушниной, разграничивающей понятия «смысл» и «содержание», граница между содержанием и смыслом как при внутриязыковой, так и при межъязыковой коммуникации настолько же неуловима, и вместе с тем значима, как граница между эксплицитным и имплицитным содержанием высказывания. Содержание соотносится с эксплицитным компонентом высказывания, а смысл – с его имплицитными компонентами. Содержание моносеманлично, а смысл полисемантивен. Это означает, что каждый текст имеет лишь одно содержание, но порождает множество смыслов [Кушникова 2004: 196].

2.3. ВАЛЕНТНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Важная роль в решении вопроса, касающегося определения смысла предложения, отводится семантической теории валентности, которая продолжает оставаться одним из актуальных направлений современного языковедения. Теория семантической валентности вносит серьезный вклад в исследование плана содержания и плана выражения в языке, в изучение сочетаемости слов и структуры предложения, прежде всего применительно к глагольной лексике. Благодаря исследованиям таких ученых как В.Г. Адмони, Ю.Д. Апресяна, В.В. Богданова, А.В. Бондарко, В.Б. Касевича, С.Д. Кацнельсона, С.М. Кибардиной, О.И. Москальской, И.Б. Долининой, Е.В. Падучевой, Л.В. Шишковой, Ю.А. Левицкого, А.П. Чудинова, М.Д. Степановой, Г. Хельбига, Н.И. Филичевой, Л. Теньера, Т. Schippan, U. Engel и др. достигнуты определенные результаты в разработке понятийного аппарата данной теории, в частности в определении принципов валентностной стратификации глагольной лексики, в выявлении соотношения валентности и значения глагола, в выделении семантических типов актантов.

Современные семантические исследования ориентированы на изучение семантики слова как основной единицы языковой системы и

содержательный анализ высказываний как минимальных продуктов мыслительно-речевой деятельности. Особое место в системе частей речи, как уже отмечалось, отводится глаголу благодаря его синтаксическим возможностям, сложности и многогранности его семантики.

Принимаются во внимание различные подходы лингвистов к объяснению многих сложных и противоречивых процессов в сфере функционирования:

глаголов русского языка [Бабенко Л.Г. 1987, 1984, 1988; Бахмутова Н.И. 1984, 1988; Боброва Л.Г. 1979; Бондарко А.В. 1971; Боровикова Н.А. 1984, 1986; Булыгина Т.В. 1983; Васильев Л.М. 1971, 1981; Вепрева И.Т., Гоголина Н.А., Жданова О.П. 1984; Вечер Н.Н. 1981; Всеволодова, М.В., Яценко Т.А. 2008; Гайсина Р.М. 1981, 1982; Галнайтите Э.А. 1980; Ганжа Р.С. 1970; Гоголина Н.А. 1986; Гордон Е.Я. 1981; Душина Н.П. 2004; Жданова О.П. 1982, 1986; Ибрагимова В.Л. 1978; Карловска А.К. 1990; Кретов А.А. 1982, 1984; Кузнецова Т.В. 1972, 1974, 1982, 1985; Новоселова Т.И. 1984; Розина Р.И. 2005; Фоменко Ю.В. 1975; Чудинов А.П. 1990];

глаголов французского языка [Корди Е.Е. 1988];

глаголов немецкого языка [Недялков В.П. 1971; Викмане В.Ю. 1989; Гречко В.К. 1986; Гришаева Л.И., 1987; Дементьева Н.А. 1982; Дудина Н.Г., 1988; Егорченкова Е.Я., 1984, 1986; Кибардина С.М., 1979, 1982, 1988, 1989, 1991; Князева Т.А. 1997; Кропотова Л.В. 2004; Миссюра Н.А., 1952; Ошева С.В. 1993, 2002абв, 2004; Пятчина С.В., 1990; Таненцаф М.С., 1964; Чарекова Е.П., 1986; Пауль Г, 1960; Эфтерпи Л., 1992; Ballmer T., Brennstuhl W. 1986; Brinkmann H. 1971; Erben J. 1958].

глаголов английского языка [Арутюнов А.Р. 1966; Веливченко В.Ф. 1990; Долинина И.Б. 1982, 1989, 1991; Камшилова О.Н. 1985; Мельникова Е.А. 1992; Мельничук Г.Н., 1992; Назаров С.И. 1987; Недялкова Т.М., 1961; Недялков В.П. 1967; Недялков В.П., Сильницкий Г.Г., 1969; Нефедова Л.Б. 1982; Пушина 2000; Сентенберг И.В. 1984; Сильницкий Г.Г. 1974, 1986, 2006; Цветкова Г.В. 1979; Чистякова Е.Л. 2005];

глаголов вьетнамского языка [Данг Нгок Ле 1987];

глаголов испанского языка [Супрун А.В. 2008];

глаголов татарского и английского языков [Хабилова Н.М. 2004];

глаголов испанского и английского языков [Потапенко А.С. 2003];

глаголов знания в русском, английском и французском языках [Аллагулова Г.Р. 2004];

глаголов английского, немецкого и французского языков [Самохина Т.С. 1982];

глаголов в испанском и русском языках [Носенко Е.А. 2005]; глаголов английского и чувашского языков [Сымулов М.Г. 2005].

В каждом языке существуют разнообразные средства выражения смысловых отношений, которые отражают объекты действительности и их свойства, связи с другими предметами.

В. фон Гумбольдт считает, что глаголу «придан акт синтетического полагания в качестве грамматической функции. Все остальные слова предложения подобны мертвому материалу, ждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющем жизнь... Это нерв самого языка... Глагол как ментально протекающее действие есть не что иное, как сама сущность связей» [Гумбольдт 1984: 199-200].

Информация, содержащаяся в предложении, равна информации, содержащейся в лексикографическом толковании глагола, который является вершиной этого предложения [Храковский 1999: 15].

С.Д. Кацнельсон отмечает, что «полновесное вещественное слово не есть слово вообще, а слово с конкретными синтаксическими потенциями, позволяющими употребить его лишь строго определенным образом, предуказанным уровнем развития грамматических отношений в языке. Это свойство слова определенным образом реализовываться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами можно было бы назвать его синтаксической валентностью» [Кацнельсон 1948: 132].

Сопоставляя субъектно-объектные функции с обстоятельственными, С.Д. Кацнельсон обращает внимание прежде всего на их различное отношение к значению глагольного предиката. Субъектно-объектные функции, по его словам, обусловлены значением глагола и характеризуют его «изнутри», выделяя непосредственно «замешанные» в обозначенном им действии предметы. Обстоятельства «характеризуют глагол как бы извне, указывая на локальные, темпоральные, каузальные и другие условия протекания глагольного действия. Они образуют как бы фон для основного содержания предложения и часто могут быть выделены в отдельное (самостоятельное или придаточное) предложение. Обстоятельства ... непосредственно не связаны с глагольным действием и поэтому могут уточнять собой действие любого глагола и часто сохраняют силу не только для данного предложения, но и для ряда других предложений того же речевого сообщения [Кацнельсон 1972: 43-44].

Вслед за С.Д. Кацнельсоном, С.М. Кибардина предлагает свое определение валентности: «Валентность глагола представляет собой способ-

ность сочетаться с определенным кругом языковых единиц, предопределяя их количество, семантику, способ и форму выражения» [Кибардина 1988]. Валентностные свойства глагола определяются его принадлежностью к семантическому типу глаголов с общей валентностной структурой. Конкретные глаголы модифицируют эту структуру в зависимости от семантических компонентов, входящих в их значение.

С.Д. Кацнельсон обозначает все зависимые от предиката элементы предикандумами.

Понятие обязательности (факультативности) актантов обычно рассматривается в (формально-)структурном плане. Поэтому несомненный интерес вызывает точка зрения С.М. Кибардиной, которая считает необходимым выделять не только структурно, но и содержательно факультативные актанты и разграничивает в целом следующие типы актантов:

– содержательно и структурно обязательные актанты – актанты конституирующие валентностную структуру типа глаголов, не опускаемые из предложения без нарушения его грамматичности. Структурно и содержательно обязательными являются, прежде всего, субъект (у всех типов глаголов, кроме бессубъектных) и объект (у многих типов или отдельных глаголов), в более редких случаях другие актанты, например, актант с пространственной семантикой у некоторых глаголов положения в пространстве и движения, актант, называющий признак, у глаголов поведения и некоторых других;

– содержательно обязательные, но структурно факультативные актанты – они конституируют валентную структуру типа глаголов, способны опускаться без нарушения грамматичности предложения и без изменения значения глагола, восстанавливаются на основе контекста и ситуации;

– содержательно факультативные актанты всегда модифицируют основную валентностную структуру типа глаголов. Их появление в предложении регламентируется, в первую очередь, коммуникативными факторами, в то же время они часто способствуют созданию своеобразной «структурной компенсации» в случае отсутствия содержательно обязательных актантов. Актанты этого типа обычно ограничены в семантическом плане и зависят не от типа, а от семантики конкретных глаголов.

Факультативные в структурном плане актанты всегда восстанавливаются из контекста.

Следует также отметить, что существует определенная зависимость между общим количеством актантов глагола и степенью их обязатель-

ности. Глаголы с количеством актантов более двух обычно не реализуют полностью свою валентностную структуру. Наличие или отсутствие актантов глагола в предложении является результатом взаимодействия валентностных свойств глагола, обусловленных его семантикой, со структурными факторами организации предложения: его коммуникативной установкой, тенденцией к употреблению наиболее частотных моделей предложения [Кибардина 1986].

Субъект и объект отличаются шириной семантики. Субъект называет носителя состояния, производителя (источник действия, а объект представляет собой актант, называющий предмет, на который направлено действие, с которым оно совершается; в результате этого действия он изменяется сам (возникает, уничтожается, изменяет свойства, состояние, форму, положение и другие признаки), изменяет свое отношение к действию, к субъекту или другим участникам ситуации [Кибардина 1988: 108].

В.В. Богданов выделяет следующие семантические функции аргументов:

1) агентив (активный одушевленный производитель действия) «Старуха положила руку на плечо сына»;

2) пациентив (одушевленный объект действия, состояния или отношения) «Играя, дети знали Ассоль»;

3) бенефициатив (одушевленный адресат, получатель или тот, в пользу или ущерб кому совершается действие) «У меня есть сын»;

4) эспериенсив (одушевленный аргумент, находящийся в некотором физиологическом или психическом состоянии, которое выражается предикатом) «С трудом различал Кузьма темные, туманные фигуры мужиков»;

5) объектив (неодушевленный объект действия, состояния или отношения) «Сергей, усталый и взвинченный, отворял калитку»;

6) перцептив (одушевленный или неодушевленный аргумент, являющийся объектом физиологического или психического действия или состояния) «Закрывая глаза, я видел его»;

7) композитив (материал, вещество, состав или содержимое какого-либо предмета, выступающего в роли другого аргумента) «На дворе караульщик стучал в чугунную доску»;

8) инструментатив (орудие или инструмент) «Зубы разные бывают. Один рвешь щипцами, другой козьей ножкой, третий ключом»;

9) медиатив (средство) «Это ты укрыв меня ночью простынею?»;

10) элементив (активный неодушевленный производитель действия, например, природного, стихийного характера) «*Скривились домики, другие совсем обрушились, иные волнами сдвинуты*»;

11) ономасиатив (название, прозвище или кличка одушевленного или неодушевленного объекта) «*Прозывают «Будильником» на деревне его*»;

12) локатив (место) «*Но внук учебы этой не постиг и, к горечи твоей, ушел в страну чужую*»;

13) дескриптив (носитель свойства, выражаемого предикатом) «*Окна в светлице были маленькие*»;

14) результатив (результат действия предиката) «*Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то ...*» [Богданов 1977: 52-55].

В.В. Богданов выделяет семантические функции и классифицирует их на три группы с точки зрения отношения к семантическому признаку «одушевленность-неодушевленность»: 1) функции, характеризующие семантемы одушевленных аргументов (агентив, пациентив, бенефициатив, экспериенсив), 2) функция для неодушевленных аргументов (объектив, инструментив, медиатив, элементив), 3) функции, способные характеризовать как одушевленные, так и неодушевленные аргументы (перцептив, композитив, ономасиатив, локатив, дескриптив, результатив). Фундаментальное различие между одушевленными и неодушевленными объектами заключается в том, что первые обладают собственным поведением. Агентив, например, может быть источником своего действия, не нуждается при этом в каком-либо постороннем движущем факторе, т.е. он сам определяет свое поведение. Неодушевленные объекты данным свойством не обладают и нуждаются в движущем факторе [Богданов 1977: 55].

Семантические функции аргументов, выделенные В.В. Богдановым, позволяют актуализировать большее семантическое разнообразие, так как они не связаны с синтаксическими ассоциациями.

В современных семантико-синтаксических исследованиях как актанты глагола рассматриваются не только слова, но и простые, и сложные предложения. Этим обусловлена тенденция выделять не предметные, а пропозитивные, событийные актанты типа Причина, Факт, Следствие, Содержание мысли и т.п. Глагол предeterminирует не лексические единицы в своем окружении, а некоторые смыслы. С этих позиций объектом изучения становятся «предикатные актанты» – семантические актанты с предикатным значением, которые выражаются преимущественно глагольными словами (неличными глагольными формами, девербативами и т.д.) или зависимыми предложениями.

Актант понимается как компонент семной структуры глагольного значения. В семантике глаголов как потенциальных синтагм заложены такие основные типы смысловых отношений как агенс-действие, субъект-состояние, действие-объект, свойство-предмет, источник-действие, действие-результат и другие. Они носят универсальный характер и обусловлены отношениями предметов, явлений и их признаков в реальной действительности. Е.В. Падучева подчеркивает, что «смысл слова ни в коей мере не исчерпывается его толкованием – словарное толкование может пополняться за счет смысла входящих в него слов; контекста текста и ситуации; коммуникативных постулатов и чего-то еще» [Падучева 1999: 4]. Глагол в каждом своем употреблении обозначает некую ситуацию, толкование приписывает участникам ситуации семантические роли, а предикату – категориальные предпосылки относительно каждого из участников. Особенности реализации валентности глагола обусловлены воздействием ряда факторов: факторы, вытекающие непосредственно из валентностного потенциала и факторы, связанные с организацией предложения, в том числе со структурным и коммуникативным аспектами. Реализация актанта определяется его содержательной обязательностью или факультативностью. Содержательно обязательные актанты находят реализацию в речи, но они могут быть факультативными в предложении. Следовательно, наблюдается зависимость между общим количеством актантов глаголов и количеством реализованных актантов.

2.4. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СУБСИСТЕМА ТЕОРИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТИ

Согласно известному тезису Р.О. Якобсона сущность любого лингвистического исследования заключается в замене знаков одной семиотической системы знаками другой системы [Якобсон: эл. р.]. В лингвистике в качестве знаков первой семиотической системы выступает естественный язык, а в качестве второй – метаязык лингвистической теории. Отсюда следует, что описание лингвистической терминологии можно рассматривать как метадеятельность языковеда, направленную на выявление оснований лингвистической науки и установление парадигм языкознания, а также их связей с другими научными дисциплинами. Отсутствие соответствий в рамках лингвистических теорий и модульное строение языка осложняет исследовательскую деятельность в области языка. Модуль рассматривается как терминологическая подсистема. Модульное строение языка предполагает такой

подход к описанию языковой системы, который основан на допущении о существовании языковых модулей различных типов, связанных между собой сложными отношениями [Баранов, Добровольский 2006: 243; Баранов 2001]. Модульное строение языка репрезентирует наличие таких модулей, которые не могут быть переведены в терминологический мир других языков. Это положение напрямую соотносится с концепцией семантического языка и теорией семантической валентности (*semantische Valenz, semantische Kongruenz, semantisches Feld, Selektionsregel* u.a.).

Факитивные / каузативные глаголы. Факитив рассматривается как каузативный глагол. В узком смысле в германистике используется для обозначения глаголов, образованных от прилагательных, которые могут быть перефразированы конструкцией с глаголом *machen = milder machen*. В широком смысле этим термином обозначаются все переходные глаголы, в семантике которых есть смысл CAUS [Meibauer u.a. 2007: 225, 320; Баранов, Добровольский 2006: 212].

Каузатив рассматривается как глагол активного действия, которое осуществляется действующим лицом и называет изменения состояний, качеств, свойств другого лица или предмета. Каузатив – это глагол со значением *делать так, что некая ситуация начинает иметь или имеет место*. Основной семантикой каузативного глагола рассматривается значение причины: *вызывать, порождать, приводить к, основание, из-за, от, по, потому что, так как, поскольку, потому* и др. В семантическом языке всем этим словам соответствует одно слово – каузировать [См., например, Апресян 1995]. В нашей концепции каузативный глагол обозначает взаимодействие двух лиц: одно лицо (каузатор) оказывает воздействие на другое лицо (объект каузации) с целью побудить к выполнению / не выполнению действия, изменению / не изменению состояния. В настоящей работе разрабатывается подход С.Д. Кацнельсона к данной проблеме. Сущность подхода состоит в том, что каузация актуализируется лишь в случае взаимодействия двух или более лиц, участников каузативной ситуации, т.е. в центре внимания находится интерперсональная каузация, которая может быть представлена сферой функционирования информативно-модифицирующих глаголов (разумеется, класс интерперсональных глаголов является открытым). Данные глаголы отражают каузативную ситуацию: Лицо 1 оказывает воздействие на Лицо 2 с целью модификации информативного состояния.

Функционирование каузативных глаголов исследуется нами с точки зрения теории семантической валентности, которая может быть определена следующим образом: способность слова присоединять

другие слова может быть определена как синтаксическая потенция, заключенная в лексическом значении слова. Концептуальные положения теории валентности представлены в трудах как отечественных, так и немецких лингвистов: В.Г. Адмони, Ю.Д. Апресяна, С.Д. Кацнельсона, С.М. Кибардиной, J.W. Meiner, K.F. Becker, J.C. Heyse, F. Kern, L.V. Eichinger, R. Emons, G. Helbig, W. Schenkel, T. Herbst, D. Götz, и др. Предпринимается попытка определить факторы актуализации различных актантов каузативных глаголов и охарактеризовать специфику понятия «актант» в терминологическом мире лингвистики.

Актанты – сирконстанты – адъюнкты – свободные распространители – обстоятельства / Ergänzung – Angabe – Mitspieler – Aktant – Ergänzungsbestimmung – Partner. Глагол содержит информацию не только о процессуальном признаке, но и количестве и ролях своих актантов, а иногда и сирконстантов, и играет, таким образом, организующую роль в порождении семантической структуры предложения. По словам С.Д. Кацнельсона, глагол представляет собой «макет будущего предложения», т.е. семантическую структуру в свернутом виде. Особое положение глагола обусловлено его валентностью, благодаря которой глагол в своей целостности наиболее близок устройству предложения [См., например, Кацнельсон 1972, 2001; Шишкова, Смирнова 2003].

С.М. Кибардина исследует роль глагола в высказывании и отмечает близость строения глагола предложению, что может быть объяснено спецификой глагольной семантики. Глагол называет ситуацию, которая характеризуется определенным составом участников, пространственными и временными координатами, условиями, причинно-следственными связями с другими ситуациями [Кибардина 1988: 86, а также см., например, Кибардина 1985, 1986]. В семантике глаголов как потенциальных синтагм заложены такие основные типы смысловых отношений, как агент – действие, субъект – состояние, действие – объект, свойство – предмет, источник – действие, действие – результат и другие. В рамках каузативной ситуации каузатор определяется как актант, который оказывает определенное воздействие на объект каузации и таким образом каузирует его терминальное состояние. Сам каузатор не является носителем терминального состояния. Объект каузации является актантом, выступающим в роли основного носителя терминального состояния. Объект, в качестве участника как воздействия, так и терминального состояния, является центральным, связующим актантом каузативной ситуации. Субъект выступает в роли носителя лишь первого состояния, выполняет в ней факультативную (вторую по значимости после объекта) функцию [Сильницкий Т. II 2006]. Низкая частотность актуализации

актанта-объекта каузации свидетельствует о коммуникативной факультативности данного актанта, т.е. актант-объект каузации рассматривается как содержательно обязательный, структурно факультативный актант. Семантическая (содержательная) облигаторность участника ситуации «не имеет жесткой связи с обязательностью соответствующей синтаксической позиции» [Падучева 1999; Сильницкий Т. II 2006]. Актант-объект каузации является, таким образом, синтаксически (и коммуникативно) периферийным участником, однако, в отличие от сирконстанта, он сохраняет за собой статус актанта.

Дискуссионным в теории семантической валентности является вопрос о статусе актанта-инструмента. Значение инструмента традиционно рассматривается как сирконстант, однако анализ материала демонстрирует высокую частотность актуализации данного значения: в рамках самостоятельной синтаксической позиции (придаточные предложения, предложные группы с инструментальными предлогами), наличие синкретизма значений инструментальности и других, например, в позиции актанта-каузатора, инкорпорация.

Своеобразие лингвистического знания проявляется в динамичности лингвистической терминологии, в существовании многочисленных интерпретаций одного и того же термина, а также в наличии синонимии между терминами различных лингвистических парадигм. Обилие терминов-синонимов в языкознании объясняется дополнительными функциями, которые выполняют собственно лингвистические термины: 1) они являются элементами метаязыка (описание предметной области языка-объекта); 2) также они являются социальными маркерами, определяющими принадлежность лингвиста к той или иной теоретической группе.

Таким образом, на примере терминологической подсистемы теории семантической валентности мы попытались продемонстрировать особенности и трудности, существующие в метаязыке лингвистики, с которыми сталкивается лингвист при интерпретации того или лингвистического термина. Это обусловлено тем, что отсутствует единый общепризнанный концептуальный аппарат, при формировании которого необходимо учитывать не только хорошо известные миры лингвистической терминологии, но также и выявлять тенденции ее развития.

2.5. АКТАНТЫ И СИРКОНСТАНТЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Характерной чертой глагола является его соотнесенность с предметными именами, что является не столько языковой закономерностью, сколько универсальным свойством человеческой мысли и отражением

реальных связей между вещами, явлениями, процессами, существующими в мире. Глагол рассматривается как семантически сложный знак. Синтаксическая семантика исследует специфический характер глагольного значения, природа которого в ряде исследований именуется как сигнификативно-денотативная. Сигнификативно-денотативные признаки в глаголе разведены, а их взаимодействие осуществляется на синтагматической оси, указание на связь глагольного слова и определяемого им предметного имени содержится в глагольном значении, как бы «хранится в памяти» глагола. Глагол играет центральную, организующую роль в семантической структуре предложения и в целом в системе языка. Глагол – носитель валентности, которая становится отправной точкой в исследовании структуры глагольного значения и в построении целого ряда глагольных классификаций. В.В. Богданов утверждает, что предикативный центр предложения может в свернутом виде отображать и включать элементы представляемой ситуации, так как обладает высокой семантической валентностью и ставит актанты в положение зависимости [Богданов 1977].

Валентность, рассматриваемая в широком – семантическом и синтаксическом – смысле, представляет собой как семантическое, так и синтаксическое выявление открытых позиций, а также их синтаксическое заполнение. Под «открытыми позициями» понимаются открываемые глаголом или другим носителем валентности и заполняемые облигаторно или факультативно позиции, которые закреплены в позиционном плане глагола или другого носителя валентности и включены в его значение.

«Валентные свойства предиката, реализующиеся в предложении, в самом предикате даны в виде «мест», подлежащих заполнению «пробелов». Каждый предикат как бы открывает «вакансии» для замещающих эти вакансии предикандумов» [Кацнельсон 1972: 177]. Глагол выражает не просто «действие», а действие в его отношении к определенному предмету. Одно и то же действие представляется нам различным и распадается на ряд обособленных действий в зависимости от того, какой из предметов, участвующих в данном действии, выступает как носитель отношения. С.Д. Кацнельсон характеризует глаголы, выражающие одно и то же конкретное действие в отношениях к различным контрагентам этого действия как «взаимодополняющие», «сопряженные» [Кацнельсон 2001: 564].

С.М. Кибардина исследует роль глагола в высказывании и отмечает близость строения глагола предложению, что объясняется спецификой глагольной семантики. Глагол называет ситуацию, которая характеризуется определенным составом участников, пространственными и вре-

менными координатами, условиями, причинно-следственными связями и другими ситуациями [Кибардина 1988: 86].

В лингвистической литературе не существует единой классификации дифференциальных компонентов значения глагольной лексемы, не существует и единого терминологического определения для них. В зависимости от аспекта рассмотрения, т.е. лексического изучения их элементов, включенных в структуру глагольного значения, или же синтаксического, т.е. изучения синтаксических ролей, выполняемых в высказывании, дифференциальные семантические компоненты называют аргументами, актантами, сирконстантами, партиципантами, глубинными падежами, семантическими осями, семантическими валентностями, предикандумами и др. [Богданов 1977, Кацнельсон 1972, Кибардина 1988, Теньер 1988 т.д.]. Актант употребляется для обозначения элемента пропозиции, зависящего от предиката и соответствующего действующему лицу в ситуации. Внутренняя структура пропозиции определяется числом и характером актанта и сирконстантов. Синтаксическим актантам противопоставляются семантические. Актанты можно различать как элементы плана содержания, как роль в ситуации, и актанты как позицию в структуре предложения, предназначенную для определенных ролей.

Граница между актантами и сирконстантами не всегда проводится однозначно. В первом приближении актант – это обязательный участник обозначаемой глаголом ситуации, а сирконстант – факультативный. Обязательные участники практически отождествлены с актантами (зависимые актанты, дополнения, аргументы, партнеры и др.), а необязательные – с сирконстантами (независимые актанты, свободные распространители, обстоятельства, адъюнкты) – как если бы актанты всегда были семантически обязательны, а сирконстанты факультативны [Богуславский 1996: 101; Падучева 1999: 8]. Наряду с действительно факультативными сирконстантами, такими как цель или причина, существуют участники, выражаемые обстоятельствами, которые являются обязательными параметрами ситуации: из действия нельзя изъять время (если не было момента / отрезка времени, когда произошло событие, значит не было события); из движения, например, бега – скорость; из звука – громкость. Актант – это участник, обязательно присутствующий в кадре ситуации, а сирконстант вводит участника в кадр только своим присутствием в предложении [Падучева 1999: 8]. Интерес и одновременно трудность представляет толкование предикатных слов, т.е. слов, обозначающих ситуации с одним и более участниками. При толковании необходимым представляется указание всех участни-

ков соответствующей ситуации, их положения, состояния, постоянные и переменные свойства, их взаимоотношения и действия, включая способ осуществления последних [Апресян 1995: 52-55]. Ю.Д. Апресян приводит пример с глаголом *прибивать*, который функционирует в ситуации со следующим набором участников: субъект (тот, кто прибивает), объект (то, что прибивается), объект и одновременно место (то, к чему прибивают), инструмент (например, молоток), средство (например, гвозди) [Там же: 52]. Отсутствие хотя бы одного из участников дает другие ситуации, описываемые другими словами.

Для изучения семантики предложения необходимо искать надежную точку опоры, конститутивную единицу смысловой организации предложения. Значение слова не может выступать в качестве основной смысловой единицы, так как слова обладают определенной категориальной характеристикой (принадлежность к той или иной части речи), набором грамматических категорий, сочетательным потенциалом и т.д. Лексический знак выступает в качестве элементарной номинативной единицы, но номинация сама по себе не составляет содержания высказывания, если под номинацией иметь в виду обозначение некоторой вещи или явления. Сема будучи элементарной единицей лексического значения также не может быть рассмотрена как конститутивная единица смысла предложения. Семантический потенциал и семный состав слов не может быть изучен в настоящее время применительно ко всем словам. В качестве конститутивной единицы смысловой организации предложения можно рассматривать глагол и среду, в которой он актуализирует свой функциональный потенциал.

Смысл предложения представляет собой сложное, многоаспектное образование. В содержании предложения сложнейшим образом сфокусированы характеристики экстралингвистической действительности, ее отражение в сознании человека в виде концептуальных структур, коммуникативных установок участников общения, а также особенности самого языка. В качестве ведущего оказывается один из аспектов. В.В. Богданов определяет данные подходы следующим образом:

- 1) онтологоцентрический,
- 2) концептоцентрический,
- 3) синтактикоцентрический,
- 4) антропоцентрический [Богданов 2007: 102].

В нашей работе доминирующим является онтологоцентрический аспект, т.е. исходным пунктом для построения теории смысла предложения считается онтология, отражаемая языком экстралингвистическая действительность. В нашем случае каузативная ситуация. В работе предпри-

ЧАСТЬ III.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КАУЗАТИВНОСТИ

3.1. КАУЗАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ

Уровень ясности и определенности научной мысли на всех этапах ее развития, ведущего к известному результату в виде научного знания, а вместе с тем и доступность анализа проблемы и его итогов критике существенным образом зависят от эксплицитности анализа проблемы, начиная с исходных предпосылок, на которых он основывается. Исходность всяких исходных предпосылок, разумеется, относительна.

Семантические исследования языка выдвинулись в лингвистике на передний план. Довольно много проблем получили более или менее удовлетворительное решение, ещё большее число вопросов продолжает обсуждаться. Современная лингвистическая семантика имеет одну важнейшую особенность, которая была подчеркнута А.А. Потебней. В ней достаточно глубоко осознано различие между неязыковым мыслительным содержанием и языковым значением. На мыслительное содержание указывает языковой знак. Языковое значение выполняет различительную, знаковую функцию [Потебня 1958: 19-20].

В славянских языках категория каузативности представлена семантикой определенной части глаголов. В языках, где существует специальный деривационный аффикс, образующий каузативный глагол, категория каузативности представлена наиболее ярко. Тюркские, иранские, финно-угорские языки, китайский язык и другие языки мира относятся к языкам с морфологическим каузативом. Категория каузативности выделяется и в тех языках, где существует служебный глагол для образования каузативных конструкций и имеется регулярность образования аналитического каузатива (германские и романские языки) [Менчер 1966: 62-76].

Неопределенность границ лексики и грамматики приводит к тому, что за одним термином, например, «функционально-грамматическая категория» и «функционально-семантическая категория», имплицитно различается разное содержание. Е.Я. Гордон и Т.А. Кильдибекова рассматривают каузативность как функционально-семантическую категорию [Гордон 1981, Кильдибекова 1984]. Е.Я. Гордон отмечает, что в рус-

ском языке отсутствует единый показатель каузативности. «Закрепленность грамматических (морфологических и синтаксических) средств за определенной семантикой позволяет определить категорию каузативности в русском языке как функционально-семантическую» [Гордон 1981: 16]. «Морфологическим ядром» категории каузативности автором считается глагольная каузативность. Каузативность, выражаемая в структуре гипотаксиса и контекстуальными средствами, находится на периферии системы. А.А. Холодович и его последователи рассматривают каузативные глаголы как основной элемент в составе каузативных конструкций и в качестве морфологического каузатива [Типология каузативных конструкций. Под ред. А.А. Холодовича 1969; Shibatani 1964: 1-43].

Н.П. Душина не разделяет данной точки зрения, считая, что «неправомерно рассматривать каузативные глаголы как морфологическое ядро более широко понимаемой категории каузативности, так как ... каузативные конструкции не обязательно содержат каузативные глаголы» [Душина 2004: 27]. Мы разделяем данную точку зрения исследователя и также считаем, что определение ядра функционально-семантического поля категории каузативности может быть осуществлено применительно к отдельно взятым языкам, отдельным группам языков. Каузативный глагол имеет каузативную семантику, данная семантика может быть выражена грамматической переходностью, то есть рассматривается не только в морфологии, но и в синтаксисе.

Семантика каузативности выражается в каузативном глаголе имманентными грамматическими категориями вида и залога [Душина 2004: 28].

Т.А. Кильдибекова рассматривает каузативность как мотивацию проявления признака [Кильдибекова 1984: 9].

Г.А. Золотова исследует каузативные глаголы в составе каузативных конструкций и представляет каузативность в качестве функционально-грамматической категории. По ее мнению «понятие каузации, разрабатываемое в морфологии и семантике, скрывает в себе значительную объяснительную силу по отношению к синтаксическим явлениями» [Золотова 1973: 278]

Объективно и универсально существующие причинно-следственные отношения отражаются в человеческом мышлении в форме логической категории причинности, объединяющей причину и следствие в единый коррелятивный бином, и отображаются в языке посредством лингвистической каузации. Таким образом, трихотомия «экстралингвистическое – мыслительное – лингвистическое» получает конкрет-

ное наполнение, а именно «причинно-следственные отношения – причинность – каузация».

Каузация является сложным языковым явлением, объединяющим две качественные разновидности: каузальность как причинение через обусловленность (это так называемый каузальный комплекс: причинно-следственные, условно-следственные, уступительно-следственные и целевые-следственные отношения) и каузативность как причинение через побуждение.

Следовательно, каузальность и каузативность, являясь качественными разновидностями каузации, относятся к последней как часть к целому, то есть каузация – это каузальность + каузативность. Поскольку проблема обстоятельственных отношений причинения, соотносимых с каузальностью, получила достаточно подробное освещение в лингвистической литературе (Андрамонова Н.А.; Болтунова С.Т.; Голкова В.Я.; Дидковская Л.А.; Комаров А.П.; Лазарь В.И.; Мухтаров З.Дж.; Норинский В.А.; Онипенко Н.К.; Рыбакова И.Я.; Савченко Л.Р.; Теремова Р.М.; Устинов А.М.; Харитон И.Я.; Хиженкова Л.Е.; Шкодич Л.В.; Яценко Т.А. и др.), то представляется целесообразным ограничить рамки исследования разновидностью каузации – анализом каузативности.

Каузативность как разновидность репрезентации в языке причинно-следственных отношений является специфическим способом отображения объективной действительности, ибо основное её содержание состоит не в передаче знания, не в утверждении или отрицании чего-либо, а в побуждении к какому-либо действию или изменению состояния объекта.

В основе интерпретации категории каузативности в данной работе лежит представление этой категории как системы разноуровневых языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определённой семантической функции. За понятийную основу каузативности мы принимаем значение побуждения субъектом объекта к действию или изменению состояния.

Значение каузативности, имеющееся в любом языке, обладает определённым своеобразием в современном немецком и английском языках, поскольку немецкий и английский каузативы нестандартизированны, то есть не имеют единого морфологического средства выражения. В связи с отсутствием единого формального показателя каузативности, в немецком и английском языках наличествует разветвлённая система средств реализации искомого значения.

По мнению Н.П. Душиной, каузативность является лексической категорией, семантическим различительным признаком, который важен для всей системы глагольного гнезда [Душина 2004: 7]. Глагольная каузативная семантика рассматривалась в основном в рамках морфологического каузатива, аналитического каузатива или каузативных конструкций, в которых не всегда глагол имеет каузативную семантику [Абросимова 1954; Долинина 1991: 336-345; Недеяков, Сильницкий 1969: 5-19; 1969: 20-50]. Н.П. Душина рассматривает в качестве причин такого положения следующее: «... исследователи делают выводы о русском каузативном глаголе не на конкретном материале русского языка, а используют в начальной модели иностранные языки, в которых видимо, на самом деле категория каузативности не является лексической» [Душина 2004: 7]. Ф.Ф. Филиппов называет отношения между каузативным и некаузативным глаголами «лексическим противопоставлением», а категорию каузативности определяет как «особую грамматическую» [Филиппов 1978: 92].

Назначение грамматики заключается в том, что она маркирует, выражает лексическую семантику. Н.П. Душина полагает, что каузативную семантику русского глагола шифруют грамматические категории вида и залога [Душина 2004: 9]. Каузативный глагол по всей мощи его семантики и совокупности выразительных грамматических форм предполагает немаркированные оппозиции по всему фронту его семантических и грамматических отличий. Грамматическая оболочка слова служит для внешнего отличия каузативного глагола, от стального, лишённого динамичных признаков вида и залога. По мнению Н.П. Душиной, залог – категория, свойственная только каузативным глаголам [Душина 2004: 10]. Профессором В.Г. Руделевым (Тамбовская лингвистическая школа) была разработана шифрующая теория [Руделев 1996а, 1996б: 41-44]. Представители Тамбовской школы представляют каузативный глагол как «ближайший к ядерному состоянию глагольной лексемы трансформ», а некаузативный оппозиит как «ядерное состояние глагольной лексемы», но каузативный, стальной, интродуктивный и ликвидаторный глаголы понимаются при этом как самостоятельные единицы языка [Руделев 1980: 5, Шарандин 1981: 33-34]. Н.П. Душина придерживается противоположного мнения. Она считает, что глаголы, вступающие в наиболее важную оппозицию по каузативности-некаузативности, имеют противоположную лексическую семантику и грамматическое выражение, следовательно, каузативный глагол не может считаться трансформом, демонстрирующим лишь семантический сдвиг от ядерной лексемы. Стальной, каузативный, интро-

дуктивный и ликвидаторный глаголы связаны друг с другом своими оппозитивными отношениями, они имеют разное лексическое значение и грамматическое выражение. Интродуктивный и ликвидаторный глаголы объединены одним синтезирующим классификационным признаком фазовости и потому имеют одинаковое видовое грамматическое выражение. Глаголы с разным лексическим значением, даже произошедшие от одной лексемы, не могут быть объединены в одну лексему, скорее они представляют глагольную структуру гиперлексемы. Н.П. Душина рассматривает категорию каузативности как семантико-различительный признак глагольной лексемы.

Оппозитивные отношения между каузативным действием и состоянием представляют причинно-следственные связи, то есть значение причины имеет каузативный глагол, а следствия, соответственно, некаузативные оппозиты (статальный, интродуктивный, ликвидаторный). Н.П. Душина выделяет три семантических варианта каузации. Первый вариант – поверхностная каузация, выраженная первым статальным некаузативным оппозитом. Развитая каузация представлена классификационным признаком «телеотивность» – второе состояние, являющееся истинной целью каузации. В рамках развитой каузации выделяются углубленная каузация и ступенчатая каузация. В ступенчатой каузации первый некаузативный оппозиит, выступая в оппозиции к дополнительному некаузативному статальному оппозииту, меняет статальную семантику на каузативную и грамматическое выражение бинарной категории способа глагольного действия на имманентные категории вида и залога [Душина 2004].

В исследовании В.И. Озюменко представлена следующая позиция исследователя: «категория каузативности не может быть признана грамматической, так как в русском языке значение каузативности не имеет постоянных закрепленных за ним форм выражения (ни каузативных морфем, ни системы аналитических форм), категориальная семантика выражается совмещенностью средств разных уровней» [Озюменко 1994: 5]. Автор считает, что лексические средства являются основными, ведущими, так как ядро функционально-семантической категории каузативности составляют каузативные глаголы, которые соотносятся с соответствующими некаузативными глаголами.

В исследованиях по категории каузативности можно выделить ряд направлений:

- логическое [Арутюнова Н.Д. 1976];
- функциональное [Золотова Г.А. 1973, 1982; Кильдибекова Т.А. 1984; Селиванова М.Ю. 2005];

- онтологическое [Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. 1969];
- лексико-грамматическое [Гордон Е.Я. 1981; Кильдибекова Т.А. 1985; Чудинов А.П. 1982; Филлипов А.В. 1982; Душина Н.П. 2004];
- лексико-семантическое [Танненцапф М.С. 1964];
- сравнительно-типологическое [Галнайтите Э.А. 1980; Абросимова Т.А. 1954; Булынина М.М. 2004; Сымулов М.Г. 2005].

Принятое Аристотелем разграничение факторов, порождающих следствие, и факторов, которым функция порождения приписывается говорящим, обусловило разделение языковых способов представления причинно-следственных отношений на два больших класса, обусловило наличие в языке проспективных и ретроспективных версий причинности. Версией причинности здесь называется способ представления говорящим двух причинно соотнесенных «микроситуаций» в другой терминологии «событий» [Shibatani 1976], или каузативной ситуации [Типология каузативных конструкций 1969: 6-7]. Понятия «микроситуация» и «событие» синонимичны лишь частично: в обоих определениях каузативной ситуации они обозначают объективную данность, минимально достаточную для порождения высказывания. В первом случае эта данность понимается как любое «положение вещей», соединенное с другим «положением вещей» отношениями причинения и тем самым входящее в каузативную ситуацию, то во втором – имеется ввиду связь двух динамических ситуаций. Следовательно, событие понимается как «положение вещей», локализованное на временной оси. Данное понимание обусловлено философским определением события как момента перехода от одного состояния к другому: изменение бытия одной системы обуславливает изменение бытия другой системы. Вполне корректным представляется и второе определение понятия «каузативная ситуация» как микроситуации. Язык располагает достаточным количеством синтаксических конструкций, представляющих более чем «двусоставный» (состоящий из двух событий) отрезок причинно-следственной цепочки.

М. Шибатани предлагает в своей концепции условия, при которых отношения между событиями могут быть квалифицированы как каузативные: 1) зависимость между двумя событиями такова, что говорящий полагает, что наступление каузируемого события происходит во время T2, которое наступает после T1 – времени каузирующего события; 2) зависимость между каузирующим и каузируемым событиями такова, что говорящий полагает, что наступление каузируемого события полностью зависит от каузирующего события. Зависимость двух событий в данном случае должна быть таковой, чтобы она позво-

ляла говорящему делать вывод о том, что каузированное событие не имело бы места в то конкретное время, если не имело бы места каузирующее событие...» [Shibatani 1976]. Таким образом, выбор одной из языковых версий причинности ставится в прямую зависимость от точки зрения говорящего, познавшего данную каузативную ситуацию.

Перспективные версии причинности предполагают актуализацию каузативной ситуации с точки зрения непосредственного наблюдателя: субъект познающий «видит», как один субъект (каузатор) воздействует на другой (другого), и сообщает нам об этом: *she made him feel as if he owned her (Dreiser)* (она дала ему понять, как-будто она принадлежит ему). Говорящий воспроизводит в речи все то, что он воспринимает (воспринимал), представляет слушающему все компоненты каузативной ситуации, отражает их в своей речи, «не включая» своего логического мышления, показывает слушающему каузативную ситуацию в объективном порядке следования ее составляющих (от причины к следствию). Это – причинно-следственные отношения в момент причинения, порождения причиной следствия. Каузативная конструкция относится к реальным отношениям причинения так же, как слово относится к своему денотату, т.е. называет его. Актуализация каузативной ситуации – это представление процесса причинения таким образом, как он происходит в объективной действительности. Важную роль при этом играют каузативные глаголы.

Ретроспективный класс версий причинности связан с процессом установления причинно-следственных отношений. «Установить» – это значит найти неизвестную причину известного следствия. Событие есть результат предыдущего и связанного с данным событием, есть результат причиняющего воздействия. Каузативная конструкция, в которой воплощаются эти знания, выражает не перспективный во времени процесс причинения, а процесс поиска причины, ее познания: *thought which sickened and at the same time caused him to hesitate about how to proceed (Dreiser)* (эта мысль была ему отвратительна, и она заставила его сомневаться, как быть дальше).

Актуальной задачей современной теории языка, в решении которой заинтересована не только описательная грамматика индивидуальных языков, но и типология, является реконструкция универсального компонента языковой структуры. Сложность этой задачи определяется тем обстоятельством, что ни традиционная грамматика, ни логика в готовом виде не дают нам систему категорий, образующих универсальный компонент языка. Единственный путь, ведущий к этой цели, – это анализ семантических и грамматических аспектов с целью выявления их

функционального содержания и отсоединения универсальных элементов в этом содержании от идиозотнических [Жацнельсон 1972: 14]. Релевантным в плане рассмотрения теории каузации является вопрос об интерпретации базовых компонентов категории каузативности: каузативная ситуация и каузативная структура.

В настоящей работе изучение каузативной ситуации базируется на концепциях В.П. Недеялкова, Г.Г. Сильницкого [1969], Ю.Д. Апресяна [1974, 1995], С.Д. Жацнельсона [1972, 2001], В.С. Храковского [1973]. Любое предложение может быть рассмотрено в двух аспектах, формальном (грамматическом) и семантическом. С формальной точки зрения предложение определяется морфологическими классами его элементов (субстанциональная характеристика) и структурой синтаксических связей между этими элементами (реляционная характеристика). В семантическом отношении предложение отображает определенный отрезок реальной действительности, вычлняемый говорящим из континуума объективных явлений путем «наложения» на него некоторой дискретной семантической модели, которую Г.Г. Сильницкий называет ситуацией [Сильницкий 1973: 13]. Ситуация представляет собой обобщенное отображение ситуативного референта и всегда является упрощением последнего. Один и тот же отрезок объективной действительности может служить референтом нескольких различных ситуаций, отображающих его с различных точек зрения. С другой стороны, каждая ситуация может отображать свой референт с различной степенью точности. С семантической точки зрения ядерная роль глагола в предложении определяется тем, что основная функция данной части речи состоит в выражении состояний, связывающих их отношений.

Г.Г. Сильницкий различает эксплицитное и имплицитное выражение состояний глаголами. В случае эксплицитного выражения глагол специфицирует выражаемое состояние. В случае имплицитного выражения глагол актуализирует наличие в ситуации некоторого состояния [Сильницкий 1973: 15]. Качественная спецификация раскрывается каким-то элементом обязательного глагольного окружения, так называемая развернутая импликация, или вообще остается нераскрытой, так называемая латентная импликация.

Основу ситуации образует совокупность состояний и связывающих их отношений. Совокупность носителей этих состояний образует актантное обрамление ситуации. Основу ситуации выражает глагол, т.е. глагол моделирует ситуацию. Актантное оформление ситуации имеет выражение в синтаксическом окружении глагола. Между этими двумя

уровнями нет однозначного соответствия. Каузативные глаголы выражают терминальное и антецедентное состояние и причинно-следственные отношения между ними. Объект каузации является носителем этих состояний и выступает в роли следующего актанта каузативной ситуации. Антецедентное состояние имеет еще одного носителя в виде каузатора (агенса), и, следовательно, всегда является реляционным: каузатор воздействует на объект каузации. Воздействие представляет собой ориентированное состояние, терминальное состояние – его неориентированный коррелят. Воздействие направлено на объект и его терминальное состояние, которое завершает и уравнивает всю каузативную ситуацию в целом. По мнению В.С. Храковского, каузативная ситуация, отражаемая каузативным предикатом, предполагает каузатора, каузируемый объект и признак, приобретенный объектом в результате каузации [Храковский 1973: 41]. Анализируя предложения 1) *Огонь заставил противника залечь*, 2) *Дождь заставил ее вернуться*, 3) *Шорох заставил его вздрогнуть*, С.Д. Кацнельсон [1972] под единой формальной структурой выявляет различие нескольких содержательных структур. Глагол «заставить1» относится к разряду каузативных. С.Д. Кацнельсон к каузативным глаголам относит те, которые предполагают двух взаимодействующих партнеров, из которых один (инициатор или косвенный исполнитель действия) воздействует на другого с целью добиться от того исполнения определенного действия, а другой (прямой исполнитель действия) в результате оказанного на него воздействия совершает угодное первому партнеру действие. Партнеры по-разному участвуют в ситуации, действие складывается из двух связанных между собой поступков – производимого инициатором побуждения и производимого его партнером результирующего действия. К общему значению каузативности в «заставлять1» добавляется момент принуждения, насильственного воздействия.

Глаголы «заставить2» и «заставить3», по мнению С.Д. Кацнельсона, каузативного значения не имеют. В вышеприведенных примерах отсутствуют: взаимодействующие лица; два сопряженных поступка.

В предложении *Дождь заставил ее вернуться* указана причина, вызывавшая вынужденный поступок. «Заставить2» и «заставить1» связывает вынужденный характер поступка, совершаемого действующим лицом. Поступок может быть продиктован чужой волей и может быть обусловлен обстоятельствами. В данном случае «заставить» может быть эксплицировано следующим образом: это предикативный признак события или факта, вынуждающего какое-либо лицо к действию, идущему в разрез с его прежними намерениями. Событие выступает в

данном случае как причина, приводящая к пересмотру ранее принятого решения.

В случае *Шорох заставил его вздрогнуть* глагол «заставить» выражает воздействие внешнего события или факта на поведение лица. Событие выступает как причина произвольного действия лица. Признак интенциональности действия, сопутствовавший двум первым значениям, теперь исчезает. В прежних значениях интенциональность действия сочеталась с его вынужденным характером.

Существенную роль в интерпретации каузативности играют существительные в позиции субъекта. В случае *Огонь заставил противника залечь* отсутствует прямое указание на инициатора действия, но каузативное значение глагола обнаруживается достаточно ясно. Существительное 'огонь' в значении «стрельба, обстрел» является именем фактитивного действия и необходимо предполагает действующее лицо. Значение каузативности фиксируется также в следующих случаях:

Нем.: *Der Anblick so vieler gerüsteter Gestalten musste in mir notwendig die Ritterideen aufreizen, die seit einiger Zeit, da ich in das Lesen alter Romane gefallen war, meinen Kopf anfüllten; Fragen meines Sohns über Krieg und US-Raketen beunruhigen mich.*

Англ.: *"An investment tax credit would encourage more investment, thereby creating more jobs", he said; Such debates among U.S. exchanges amuse some overseas officials; Until yesterday's arrests, which the government didn't confirm, the military-dominated government that succeeded Mr. Bendjedid had covered itself with a veneer of constitutionality.*

Имена в вышеприведенных случаях можно рассматривать как метафору, субституирующую деятеля. Импликация лица достигается в вышеприведенных примерах путем использования имен соматического языка (языка жестов, мимики, позы и т.д.), имен вербального языка (специализируется на отражении различных сфер человеческой психики – эмоциональной и рациональной). Представленные случаи демонстрируют также функционирование информативно-модифицирующих каузативов (нем.: *argumentieren*; англ.: *confirm*). В случае *Polen andererseits wird argumentieren, eine "Achse" Paris-Berlin, schon gar um Moskau erweitert, ein "Straßburger Dreieck" entspreche nicht dem Europa, das man sich vorgestellt habe* представлено сослагательное наклонение глагола, что актуализирует существование «речения». Если в функции субъекта выступают обозначения явлений природы, концепты неантропонимического свойства, это исключает возможность каузативной конструкции. В этом случае могут быть актуализи-

рованы категориальные признаки произвольного и непроизвольного действий, т.е. фиксируется каузальность.

Мы разделяем точку зрения В.В. Богданова в отношении импликации значения каузации, а именно, если каузативное значение заключено в предикате в виде семы каузации или если в качестве каузативного предиката выступают глаголы: *заставить, побудить, принудить*, то это место может быть занято не только агентивом. Здесь может оказаться элементив, а так же непредикатное слово с любой другой функцией, либо включенный предикат. Ср. «*Это книга заставила многих призадуматься*» (объектив); «*Волны опрокинули лодку*» (каузировали лодку перевернуться) (элементив); «*Холод вынудил их вернуться домой*» (включенный предикат) и т.д. [Богданов 1977: 82]. Каузация не связана с агентивностью жесткой зависимостью, однако при наличии каузативного предиката чаще всего в качестве одного из аргументов можно ожидать агентив. Иными словами между агентивом и каузативностью наблюдается четкая корреляция.

3.2. БАЗОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ КАУЗАТИВНОЙ СИТУАЦИИ. КАУЗАТОР И ОБЪЕКТ КАУЗАЦИИ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КАУЗАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Каузативные глаголы функционируют в каузативной ситуации, которая представляет собой не нечто объективированное в мире, а сверхситуационную систему действий двух деятелей, которые, в свою очередь, в грамматике могут иметь форму высказываний, имеющих синтаксическую реализацию в виде предложения.

В данной работе структура, представляющая каузативную ситуацию, рассматривается как каузативная. Обязательными элементами каузативной структуры являются каузатор и объект каузации:

1) каузатор – лицо, которое оказывает воздействие на объект каузации, т.е. понятие каузатора связывается с понятиями – актер, инициатор, источник действия, активный участник каузативной ситуации, субъект каузации; термином «субъект» обозначают большое количество разнородных понятий и явлений: грамматические, формальные, содержательные, логические, философские. В лингвистике под субъектом понимают и деятеля, и лицо, и предмет речи, и предмет мысли, и носителя признака и даже говорящего [см., напр., Ильичева 2007: 6]. Понятие семантического субъекта исходит из необходимости изучения членов предложения как с точки зрения их формы, так и содержания. Семантический субъект – это обозначение субстанции, которой при-

писывается определенная активность, состояние или характеристика. В поверхностной структуре он выражается или подлежащим, или некоторыми типами косвенного дополнения. Семантический субъект тот (то), от кого (чего) исходит действие, состояние, восприятие, отношение (в широком смысле, включая обладание) или признак. Основой выделения субъекта является его информативное содержание. Г.А. Золотова определяет субъект как «синтаксически независимый субстанциональный компонент субъектно-предикатной структуры, обозначающий носителя предикативного признака» [Золотова 1982: 133];

2) объект каузации – лицо, выступающее в роли носителя состояния, т.е. пациент или пациентивный участник каузативной ситуации (Богданов В.В., Недялков В.П., Кацнельсон С.Д.);

3) факт каузации, представляемый каузативным глаголом.

Каузативные глаголы функционируют в каузативной структуре, в которой каузатор, как правило, должен удовлетворять трем признакам агентивности:

- а) всегда являться одушевленным именем (признак агентивности);
- б) каузатор совершает воздействие, стимулированное волевым импульсом (признак волевости);
- в) волеизъявление может сопровождаться речевым актом (признак инициативности).

Агентивность определяется как соотнесенность действия с агенсом, т.е. предметом, обладающим «потенцией», «собственной внутренней энергией» [Чейф 1975] и являющимся причиной обозначаемого глаголом действия. Показателем агентивности можно считать наличие при предикате позиции для объекта, который аффицируется или эффицируется в результате действия. Каузативные глаголы относятся к разряду интенциональных глаголов, следовательно, интенциональность рассматривается как обязательная составляющая каузативной ситуации. Интенциональность, т.е. зависимость от воли и намерения каузатора, присуща прежде всего действиям человека. Однако, в широком смысле слова, целенаправленность характерна и для процессов, производимых машинами, в силу их назначения, а также для общественных процессов и для процессов, протекающих в живых организмах, в силу собственных им законом развития [Гречко 1985, 1986].

Понятие «действие» употребляется в исследованиях с разной степенью обобщенности. Одним из критериев отграничения действия от процесса признается соотнесенность действия с целью [Bartsch 1972: 224; Helbig 1977: 77; Balmer, Brennenstuhl 1986: 74; Gansel 1987: 11], «действие» не обязательно связывается в литературе с понятием целе-

полагания. Традиционно действия классифицируются на: 1) произвольные, осознанные, продуманные, активные, преднамеренные; 2) непроизвольные, непреднамеренные, неконтролируемые [Ямшанова 1991: 103].

В последнее время все большее распространение приобретает признак контролируемости / неконтролируемости. J. Pleines говорит о глобальном отношении причинения между двумя «инстанциями» – контролирующей и контролируемой, первой из которых может быть не только человек, но и предмет, и природная сила [Pleines 1976: 84-87]. Ан. Зализняк предлагает более узкое определение участника X ситуации P как контролирующего ее «тогда и только тогда, когда X является в P субъектом намеренного действия (т.е. субъектом как намерения, так и порождаемого им действия)» [Ан. Зализняк 1985: 12].

Под интенциональностью следует понимать связь языковых значений с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, т.е. способность содержания, выражаемого данной языковой единицей, в частности, каузативным глаголом (во взаимодействии с окружением, так называемой средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла. Вопрос об отношении языковых значений к намерению говорящего актуален для широкой проблематики речевой деятельности [Кацнельсон 1972; Павлов 1985: 3-24; Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах 1987; Касевич 1988: 10-42, 237-277; Кубрякова 1991: 21-81]. Актуальные смысловые элементы выходят за пределы коммуникативных целей, которые анализируются в рамках теории речевых актов. А.В. Бондарко рассматривает интенциональность как свойство языковых значений разных типов – как лексических, так и грамматических. В сфере лексики это свойство выступает со всей очевидностью, например, функционирование информативно-модифицирующих каузативов. С.Д. Кацнельсон считает, что «употребление полнозначных слов связано с осознанием их смысла. Говорящие, как правило, отдают себе отчет в содержании таких слов и могут по желанию эксплицировать их содержание с помощью парафразы или толкования, синонимической замены или «наглядного определения» (указание на подразумеваемый словом предмет) [Кацнельсон 1972: 114-115].

Средствами активизации элементов осознания и их словесного выражения в процессе формирования мысли и речи являются словарь и грамматический строй. С.Д. Кацнельсон рассматривает процесс порождения речи в тесной связи с процессом порождения мысли, это взаи-

модействие образует единый речемыслительный процесс, осуществляемый механизмами речевого мышления [Кацнельсон 1972: 115]

Понятие интенциональности включает два аспекта: аспект актуальной связи с намерениями говорящего в акте речи, с коммуникативной целью, с целенаправленной деятельностью говорящего, т.е. с тем, что он хочет выразить в данных условиях коммуникации – аспект «собственно интенциональный»; аспект смысловой информативности – имеется ввиду способность данной функции быть одним из элементов выражаемого смысла.

В концепции С.Д. Кацнельсона особую релевантность представляет вопрос об осознании содержательных функций языковых единиц участниками речевого акта, о возможных проявлениях такой осознанности, о различиях в данном отношении между лексическими и грамматическими содержательными функциями.

Индоевропейские языки не располагают грамматикализованными средствами выражения категории целенаправленности. На материале различных языков выработан ряд критериев разграничения целенаправленности (активности, контролируемости) и произвольности (случайности) действия [Алисова 1974: 56-58; Булыгина 1982: 80-81; Pleines 1976: 67; Helbig 1977: 84-85]. При этом определяется сфера глаголов, которые эксплицируют в своем значении интенциональность (намеренность) действия. Интенциональные глаголы обозначают любое действие агентивного субъекта, вступающего в процессе своей деятельности в разнообразные отношения с объектами, на которые он воздействует. Интенциональность может рассматриваться как направленность, частным случаем которой является направленность субъекта на реализацию действия.

Информативно-модифицирующие каузативы манифестируют значение каузативности либо сообщением о побуждении, либо непосредственным побуждением. Данные значения могут быть актуализированы различными языковыми средствами. Сообщение о побуждении предполагает использование лексических, лексико-синтаксических и синтаксических языковых средств. При выражении непосредственного побуждения используются как эксплицитные, так и имплицитные средства выражения значения каузативности. Актуализация семантики каузативности обусловлена наличием следующих критериев: 1) характер воздействия на объект каузации; 2) характер успешности завершения процесса побуждения; 3) временная отнесенность изменений, вызванных в объекте побуждения; 4) наличие / отсутствие семы способа

совершения каузируемого действия; 5) наличие / отсутствие оценочной семы; 6) модальность.

В.Ф. Веливченко выделяет четыре типа побуждения в зависимости от семантики каузативного глагола, в частности, от обозначения характера воздействия на объект побуждения: 1) побуждение, изменяющее психическое состояние объекта; 2) побуждение, изменяющее физическое состояние объекта; 3) побуждение, изменяющее сенсорные ощущения объекта; 4) побуждение, изменяющее эмоционально-психологическое состояние объекта [Веливченко 1990: 4]. Считаем целесообразным выделить пятого типа – побуждение, изменяющее информативное состояние объекта (системы убеждений лица). В процессе актуализации семантики каузативности непосредственным побуждением важным является фактор совпадения / несовпадения семантического содержания каузативной структуры с коммуникативной интенцией каузатора как субъекта побуждения. Непосредственное побуждение подразделяется на прямое и не прямое, последнее объединяет две разновидности: а) косвенное побуждение; б) скрытое побуждение. Прямое побуждение актуализируется в речи следующим образом: а) аппелятивным высказыванием (императивная синтаксическая конструкция); б) перформативным директивным высказыванием, т.е. предложением, организованным перформативным глаголом побудительной семантики. Непрямое побуждение можно рассматривать как вторичный способ номинации референтной ситуации и интенций каузатора. Непрямое побуждение в этом случае имеет усложненную иллокуцию. Это соответствует сложному (непрямому) директивному речевому акту. Непрямое (косвенное и скрытое) побуждение выступает эффективным тактическим средством речевого общения, представляет собой этикетную форму выражения как категоричного (директивного), так и некатегоричного (оптативного) побуждения.

Оптативное высказывание выражает желание говорящего, направленное на то, чтобы исполнилось действие, обозначенное в предложении [Беляева 1985; ТФГ 1990].

Значение оптативности актуализируется в оптативной ситуации. Оптативные ситуации представляют собой ту разновидность модальных ситуаций, которые включают в себя: 1) модальность желания; 2) субъект модальности желания (кореферентный говорящему); 3) желаемое действие; 4) субъект желаемого действия, как одушевлённый, так и неодушевлённый.

Трактовка императива и оптатива как двух разновидностей одного коммуникативного типа – волюнтативности – обуславливается тем,

что в этих значениях есть много общего. Семантический компонент желания, субъектом которого выступает говорящий, является общим для императивного и оптативного высказываний. Различие между ними заключается в следующем: а) оптативное высказывание не содержит семантического компонента каузации; б) в оптативной ситуации субъект желаемого действия может быть как одушевлённым, так и неодушевлённым, тогда как императивная ситуация предполагает одушевлённого исполнителя [ТФГ 1990: 173].

Есть и другая точка зрения на семантическое разграничение императива и оптатива. Например, И.П. Распопов выделяет другой отличительный признак – признак адресованности, определяя императив как адресованное волеизъявление, а оптатив – как неадресованное [Распопов 1973].

В теоретической грамматике Г. Хельбига и И. Буша оптативные предложения тоже трактуются как несодержащие прямого побуждения в отношении партнера по коммуникации с целью изменения некоторого положения дел, а выражают риторическое желание (*rhetorischer Wunsch*), в основе которого лежит знание говорящего о невыполнимости желания при данных обстоятельствах [Helbig, Buscha 1988: 616].

Е.И. Беляева кладёт в основу разграничения рассматриваемых значений два признака: 1) степень выраженности намерения говорящего изменить экстралингвистическую реальность; 2) адресованность / неадресованность волеизъявления [Беляева 1985: 74].

С точки зрения Е.Е. Корди, в основу разграничения императива и оптатива должно быть положено наличие компонента каузации в семантической структуре волеизъявления. А различие в отношении к признаку адресованности заключается в следующем: императив всегда адресован исполнителю (прямо или косвенно), тогда как оптатив может быть как адресованным, так и неадресованным в зависимости от того, к какому субъекту (лицу или не лицу) относится желание говорящего [ТФГ 1990: 173; Корди 1988]. Е.Е. Корди выделяет четыре типа ситуаций каузации: 1) воздействие человека на человека; 2) воздействие человека на событие (предметы); 3) воздействие событий на человека; 4) воздействие одних событий на другие. Из всех отмеченных типов наиболее «явным» каузативом, по мнению Е.Е. Корди, представляется первый, так как только здесь возможно употребление любого каузативного глагола.

Установление корпуса языковых единиц, способных выражать в плане парадигматики и приобретать в плане синтагматики значение каузативности, проводилось в данной работе в направлении от поня-

тийной категории к языковому значению и средствам его выражения. При этом был использован системный подход, позволивший подвергнуть анализу структуру, семантику и функцию языковых единиц в их взаимодействии. Системная методика изучения средств выражения значения каузативности, то есть сочетание формально-грамматического и функционально-грамматического подходов, позволит расширить рамки исследования, ибо направление анализа от содержания к способам его языкового выражения создало возможность изучения семантико-структурных характеристик языковых единиц независимо от их лингвистического статуса.

3.3. ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО РАЗРЯДА КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Термин «каузатив», или чаще «каузативный глагол», появился в научных исследованиях более столетия назад. В. Дельбрюк, К. Бругман, А. Мейе рассматривали каузативные глаголы как исторически производные, а каузативность как глагольную категорию, имевшую морфологический (суффиксальный) способ выражения [См., например, также Комаров 1973; Криницкайте 1980]. Исследователи нефлективных языков (например, японского) выявляли «морфологический каузатив» на материале современной системы языка. Каузативом японисты называют такой глагол, в котором элемент К (Каузация) выражен специальным аффиксом [Холодович 1979: 91-112]. Аффиксальный способ образования каузативных глаголов упоминается в грамматике чувашского языка под редакцией Тимухха Хёветёрё. [Цит. по: Сымулов 2006] (Исследование способов выражения каузативных отношений в английском и чувашском языках представлено в диссертационном исследовании М.Г. Сымулова, Чебоксары 2006). Глагол относится к разряду каузативных, если существует его некаузативный противочлен. Непарные в рамках морфологии каузативные глаголы представлены в классификации каузативов Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976: 176]. Н.Д.Арутюнова характеризует каузативные отношения и разграничивает их «с точки зрения участия в каузативных отношениях лиц и событий» [Арутюнова 1976: 176]. Е.Я. Гордон считает, что каузативным является «глагол, имеющий соотносительный некаузативный коррелят и означающий побуждение к совершению действия или к изменению состояния, признака или качества». Глаголы типа «побуждать», «заставлять», «разрешать», семантика которых характеризует-

ся различными оттенками модальности, относятся к разряду собственно-каузативных глаголов [Гордон 1981: 5, 12].

А.В. Филлипов интерпретирует понятие каузативного глагола «в лексической системе», определяя категорию каузативности глагола как особую грамматическую категорию [Филлипов 1978: 90,92]. Г.Г. Сильницкий определяет каузативные глаголы как глаголы, выражающие различные виды причинно-следственных отношений [Сильницкий 1974: 3]. Т.А. Кильдибекова придерживается следующего мнения в отношении определения статуса каузативных глаголов: «глаголы активного действия, которое осуществляется действующим лицом и называет изменения состояний, качеств, свойств другого лица или предмета. Вследствие этого каузативные глаголы имеют сходную семантическую структуру: в них содержится не только сема действия, а также обязательная сема причинности, мотивации». В сферу каузативности включаются глаголы, функционирующие в каузативных конструкциях, например «Я заставил его уйти» – «Он ушел». Аналогичный подход встречается в исследованиях А.П. Чудинова, А.И. Моисеева, А.В. Филлипова, О.А. Хлебцовой. В.Г. Руделев считает, что «каузативный глагол обозначает причину того действия, которое обозначает глагол, противопоставленный каузативному. Последний является производным каузативного глагола: *поить* (от *пить*), *кормить* (от *есть*), *давать* (от *брать*), *вешать* (от *висеть*) и т.д.» [Руделев 1995]. Понятие действия у центрального некаузативного оппозиита трактуется в данном определении в широком смысле, сюда относятся глаголы, имеющие семантику состояния, признака или значения качества, например, *быть синим*, *лежать*, *стоять*, *ходить*, *спать*, *любить* и т.д. [Руделев, Шарандин 1981: 34, 37]. Ю.Д. Апресян рассматривает каузативный глагол следующим образом: «Саос (каузатив, глагол со значением делать так, чтобы некая ситуация начинает иметь или имеет место» [Апресян 1974: 46]. Значение причины в русском языке Ю.Д. Апресян поясняет так: «вызывать (порождать, приводить к), причина (основание), из-за (от, по), потому что (так как, поскольку, потому) и очень многие другие; в семантическом языке всем этим словам соответствует одно слово – каузировать» [Апресян 1974: 76-77]. Основной семантикой каузативного глагола рассматривается значение причины (Ахманова О.С., Апресян Ю.Д., Руделев В.Г., Васильев Л.М., Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., Гордон Е.Я., Душина Н.П., и др.).

Каузативные глаголы объединяются общим категориально-грамматическим признаком «каузировать». Это достаточно большой класс слов, для которого характерны очень своеобразные преобразова-

ния семантики по специфическим моделям; не меньший интерес представляют и закономерности употребления указанных глаголов по моделям, обнаруживающимся и при семантическом варьировании глаголов другой семантики [Чудинов 1990: 278]. Общий категориально-грамматический признак каузативных глаголов способен, по мнению А.П. Чудинова, накладывать существенный отпечаток на реализацию самых разнообразных моделей [Чудинов 1990: 278]. Актуальным представляется исследование общих проблем отражения причинно-следственных (каузативных) связей средствами немецкого и английского языков, отграничение каузативных глаголов как специфической группы от ряда смежных семантических и грамматических групп слов, определение важнейших семантических и грамматических признаков каузативных глаголов. Семантико-грамматическое своеобразие глагольной лексики каждого конкретного языка, с точки зрения И.И. Мещанинова, во многом определяется способами отражения в нем понятийных категорий, например, как каузативность [Мещанинов 1982]. Каузативные глаголы представляют собой один из способов отражения между двумя (или более) ситуациями, находящимися в причинно-следственных связях.

Сема каузации (причинности) входит в состав семантической структуры глагола (составляет его внутреннее лексическое свойство), обозначающего активное начало, которое обуславливает собой другое действие. Сема причинности отражает причинно-следственные отношения, имеющие место в объективной действительности.

В качестве каузативных рассматриваются глаголы, служащие для отражения каузативных ситуаций, то есть макроситуаций, в которых одна простая ситуация является причиной, а другая – следствием. К разряду каузативных глаголов целесообразно относить все глаголы, имеющих семантический признак «каузировать», независимо от того, единственный ли это семантический признак или слово имеет дополнительные семантические признаки, характеризующие действие-причину и действие-следствие [Чудинов 1990: 284].

Каузативные глаголы имеют специфические черты в отличие от традиционных лексико-грамматических разрядов глагольной лексики (глаголы речи, перемещения, общения, движения, чувства, мысли и т.д.). Ряд ученых рассматривают каузативные глаголы не как лексико-семантическую группу, а как способ глагольного действия [Галнайтите 1980], функционально-семантическую категорию [Гордон 1980, 1981; Кильдибекова 1984] и др. Каузативные глаголы объединяет, в отличие от типичных лексико-семантических групп, не однотипность обозна-

чаемых ими действий (действия как раз очень различны), а однотипность способа представления этих действий, комплексный характер семантики, которая обычно отражает несколько элементов каузативной ситуации. Придерживаясь мнения А.П. Чудинова, мы будем рассматривать в настоящем исследовании каузативные глаголы как лексико-грамматические разряды. Лексическая единица, называющая один из элементов каузативной ситуации «в чистом виде», рассматривается в ее отношении к каузативному глаголу как некаузативный коррелят. Выделяются результативные корреляты (*в русс. застрелить – умереть; будить – просыпаться, англ. to shoot, to kill – to die; to waken – to wake up, to awake; инструментальные корреляты (русс. застрелить – стрелять, выкурить – курить, дымить; англ.: to shoot, to kill – to shoot, to fire).*

В рамках результативных коррелятов выделяются такие корреляты, которые обозначают процесс перехода из одного состояния в другое.

Существует несколько подходов к определению границ группы каузативных глаголов. С точки зрения широкого понимания каузативности к разряду каузативных глаголов относятся глагольные лексемы, требующие винительного падежа со значением объекта, подвергающегося воздействию с целью внести в него те или иные изменения [Арутюнова 1976: 167, 169-171]. Сема, выражающая мотивацию появления признаков субстанций, интерпретируется как каузативность, глаголы, содержащие данную сему – как каузативные глаголы.

Однако в этом случае можно полагать, что каузативные глаголы совпадают с разрядом переходных глаголов. Но не все переходные глаголы обозначают какие-либо изменения объекта (*lieben, hören, können, to want, to hear, to see, to understand* и т.д.). Данные глагольные лексемы не могут быть рассмотрены как каузативы при самом широком понимании каузативности.

Существует ряд глаголов с инкорпорированными актантами. Формально такие единицы не являются переходными: нем.: *sich abängsten* (*быть в постоянном страхе, тревожиться*), *sich abfeiern* (*измучиться, утомиться от чрезмерно усердной работы*), *abmahnen* (*j-n von D.*) (*отговаривать, удерживать*), *erwecken* (*in j-m Angst*) (*напугать*), (*bei j-m Hoffnung*) (*обнадеживать, пробуждать надежду*).

Единый подход в вопросе определения лексико-грамматических критериев выделения каузативных глаголов отсутствует. О.А. Хлебцова считает, что «к каузативным глаголам причисляются глаголы, в лексическом значении которых отражаются причинно-следственные отношения как объект лексической номинации, ср.: радовать кого-либо –

«каузировать кого-либо радоваться, т.е. должна существовать какая-то причина для радости кого-либо; заговорить кого-либо – «каузировать кого-либо быть уставшим от длинных разговоров», т.е. длинные разговоры могут быть причиной усталости кого-либо; вынудить кого-либо что-либо сделать – «каузировать кого-либо что-либо сделать, действовать», т.е. понуждение может являться причиной для чьего-либо действия, деятельности и т.п.

По подсчетам О.А. Хлебцовой существует около 10 тысяч лексем и лексико-семантических вариантов каузативов. Около 10 тысяч каузативных глаголов насчитывает и Т.А. Кильдибекова.

Каузативные глаголы имеют общие формальные особенности:

- 1) однотипность лексической и синтаксической сочетаемости;
- 2) специфические модели регулярной многозначности и регулярного речевого варьирования;
- 3) близость словообразовательных структур и потенции [Чудинов 1990: 288].

Релевантным признаком в процессе выделения каузативных глаголов является элемент значения «каузировать». Семантика каузативности заключается в побуждении к изменению действия, качества, состояния. Переходность рассматривается синтаксическим выражением семантики каузативности. Все остальные общие признаки в значительной степени производны. Наличие этого признака в семантике глагольной лексемы рассматривается в качестве главного основания для включения соответствующей лексической единицы в разряд каузативных глаголов.

Предикаты каузации входят в число основных предикатов. Каузативные конструкции являются универсальными конструкциями индоевропейских языков. В индоевропейских языках они обнаруживают формальные, семантические и типологические соответствия. При исследовании каузативных конструкций предложен метод перефразирования, под которым понимается некоторый универсальный способ семантического описания, когда используются такие определения значения слова (или конструкции), «в которых значение описывается не перечнем признаков, а развертыванием содержания в одно или несколько высказываний, т.е. словосочетаний с предикацией»: (1) «делать так, что» + (2) «некоторая ситуация возникает (или существует)». Данная перифраза иногда употребляется в несколько ином виде: «делать так, что некоторая ситуация начинает иметь место или имеет место» [Апресян 1974: 46]. Эту перифразу также можно, усложнив, сделать более развернутой: (1) «производить одно определенное дейст-

вие» + (2) «вызывающее» + (3) «определенное состояние (действие)» + (4) «некоторого объекта» [Савичуте 1980: 540]. Под семантической перифразой понимается выражение некоторого языка, не являющегося языком-объектом, предметом описания. Каузативная перифраза применяется к каузативным глаголам.

Предикат каузации выражается каузативными глаголами – лексическими или морфологическими. Последние оформляются в индоевропейских языках при помощи аблаута или специального каузативно-итеративного суффикса. Например: лат. *memini* «помню» – *moneo* «напоминаю», др.-инд. *várta-ti* «поворачиваться» – *vart-áyati* «поворачивать» и т.д. Г.С. Савичуте выделяет скрытые каузативы и открытые каузативы, к последним относятся сложные предложения с придаточной частью следствия, например, *В своих мягких войлочных туфлях женщина двигалась настолько бесшумно, что Воропаев почти не ощущал ее соседства с собою* [Савичуте 1980: 539-548]. Каузация всегда лежит в одном и том же плане времени и склонения как в главном (каузирующем), так и в зависимом (каузируемом) действии. Оба действия тесно связаны между собой, несмотря на их временную последовательность: сначала актуализируется каузирующее, затем каузируемое действие.

С точки зрения семантического подхода глаголы могут быть классифицированы на основании следующих трех принципов: денотативном, парадигматическом и синтагматическом [Васильев 1981]. При денотативном подходе учитывается естественное расчленение предметов, признаков, свойств, действий, процессов, событий и состояний, отраженное в структуре языка. Этот принцип является наиболее традиционным, на нем основывается выделение лексико-семантических групп глаголов. Выделение таких классов опирается на интуицию говорящих, на их знания о реальной действительности.

Парадигматические классификации лексики осуществляются за счет выделения в значениях слов тождественных и дифференциальных компонентов. Парадигматический принцип учитывает, в отличие от денотативного принципа, также сигнификативный аспект классифицируемых значений (семем) [Васильев 1981].

Синтагматический принцип основывается на учете количества и качества (т.е. семантического содержания) глагольных валентностей.

Денотативный (или тематический) принцип используется при делении классов слов на основные семантические классы и подклассы. Последующая стратификация классов и подклассов осуществляется на основании синтагматического и парадигматического принципов.

Особую релевантность приобретает принцип вариативности, который проявляется в характере репрезентации глаголов внутри одной группы: для каждого разряда глаголов выделяются базовые глаголы-идентификаторы, выражающие основную семантическую идею класса слов, и глаголы – члены разряда, более конкретные и содержательные по сравнению с базовыми глаголами и отличающиеся от последних набором дополнительных семантических признаков, варьирующих основную семантическую идею класса или разряда. В каждом лексико-грамматическом разряде выделяются базовые глаголы-идентификаторы и описывается типовая семантика данной группы слов. Принцип вариативности при семантизации глагольных лексем предполагает каждый раз выделять общий, свойственный всему классу, семантический компонент и набор дифференциальных семантических признаков, составляющих семантический комплекс класса глаголов. Таким образом, набор базовых глаголов, с одной стороны, является парадигмой классифицирующего типа, с другой стороны, метаминимумом.

3.4. К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГЛОВ

С точки зрения семантики классификации глаголов могут быть сведены к трем основным типам. Первый тип классификации заключается в выделении глаголов действия, состояния, процесса, движения, отношения, свойства. Одной из наиболее последовательных классификаций такого рода является классификация Т.В. Булыгиной [Булыгина 1982]. В этой классификации принимаются во внимание признаки временной локализованности / нелокализованности, динамичности / статичности, контролируемости / неконтролируемости действия. Автором выделяются среди глаголов явления (действия) динамические и статические; динамические явления подразделяются на процессы и события; статические явления подразделяются на ситуации, состояния, положения и местонахождения [Булыгина 1982: 84-85].

Второй тип классификации сводится к выделению лексико-семантических классов глаголов. Полные классификации такого типа практически отсутствуют. Традиционно описываются одна или несколько связанных между собой групп такого рода. Весьма детально исследованы, например, глаголы движения, звучания, некоторые глаголы конкретного действия. Однако глаголы с более абстрактной семантикой изучены в меньшей степени. Так, например, Н.М. Минина выделяет четыре «семантических пространства» немецкой глагольной лексики: семантические пространства передвижения, деятельности,

процессуального состояния и события, которые подразделяются на семантические области, делящиеся затем на семантические поля [Минина 1970].

Третий тип классификации – классификации, базирующиеся на особенностях сочетаемости глаголов и в разной степени учитывающие признаки плана содержания и плана выражения [Почепцов 1976]. Классификации могут перекрещиваться и тогда, естественно, возникают более полные характеристики глаголов. Так, например, О.И. Москальская [1981] выделяет следующие структурно-семантические разряды глаголов: полные (*Vollverben*), вспомогательные (*Hilfsverben*), модальные (*Modalverben*), процессуальные (*Verben der Aktionalität*), функциональные (*Funktionsverben*), связочные (*kopulative Verben*).

В.Г. Адмони выделяет семантико-грамматические классы глаголов: связочные, вспомогательные, переходные, непереходные, личные и безличные, конструктивные (модальные, каузативные, глаголы чувства и восприятия, процессуальные), функциональные [Адмони 1986].

В многочисленных грамматических изысканиях по немецкому языку установлено инвариантное содержание лексико-грамматического класса глаголов: глагол выражает процесс в его временном протекании (Адмони В.Г., Москальская О.И., Павлов В.М., Ризаев Б.Х.). Инвариантное содержание процесса охватывает действие, состояние и процесс, согласно чему и глаголы делятся на глаголы действия, глаголы состояния, и глаголы процесса.

Синтактико-семантический подход к классификации глагольной лексики отмечается у Х. Бринкманна. Классы глаголов выделяются исследователем по синтаксической и семантической значимости (*nach dem Satzwert und nach dem Inhaltswert*), хотя они во многом перекрещиваются. При синтаксической классификации речь идет о личных и именных формах глаголов, о переходности и непереходности, о личных и безличных глаголах, о возвратных глаголах; здесь принимаются во внимание главным образом формообразовательные возможности глаголов. В семантической классификации учитываются и формообразование, и окружение глаголов и их значение для предложения, и то, как глаголы отражают и формируют действительность. В комплексе эти свойства глаголов сводятся к следующим классам:

– переходные глаголы действия (*Handlungsverben*), которые обозначают «вмешательство человека в окружающую действительность», т.е. обозначают «или изменения в мире, возникшие в ходе деятельности человека, или возникновение чего-то нового в этом же процессе»;

- глаголы процесса (*Vorgangsverben*), представляющие «жизнь как изменение мира и человек во времени»;
- глаголы состояния (*Zustandsverben*), обозначающие покой как «равное самому себе и неизменное положение»;
- глаголы событий (*Geschehensverben oder Ereignisverben*), «исключающие соотношение с лицом»;
- глаголы природных явлений (*Witterungsverben*) и другие, в которых «жизнь понимается как действие сверхчеловеческих и непонятных сил» [Brinkmann 1971].

Классы X. Бринкманна неустойчивы по составу, конкретные глаголы легко переходят из класса в класс, что отражает действительное положение вещей в языке. Классификация X. Бринкманна интересна и с семантической, и с синтаксической точек зрения.

А.Р. Арутюнов предлагает следующие группы классов глаголов:

- 1) глаголы, характеризующие интеллектуальную деятельность лица;
- 2) глаголы, обозначающие отношение принадлежности и передачи;
- 3) глаголы, обозначающие состояния и свойства лиц и предметов;
- 4) глаголы, обозначающие отношения зависимости двух лиц;
- 5) глаголы со значением оценки, количества и качества предметов;
- 6) глаголы, обозначающие инструментальные воздействия лица на предметы, в результате которого изменяется положение, свойство предмета [Арутюнов 1966].

Представленные классификации базируются на синтактико-семантическом аспекте, который способствует тому, что в определенной мере учитываются особенности сочетаемости слов, но это не является основанием классификаций. Обычно валентностная классификация глаголов ориентирована на количественные признаки, ср.: выделяются авалентные, одно-, двух-, трех-, четырехвалентные глаголы. Но количественные признаки, по мнению С.М. Кибардиной, не могут быть положены в основу валентностной классификации [Кибардина 1988]. Речь должна идти о наиболее общих содержательных признаках, отражающих основные семантические особенности партнеров глагола.

В качестве наиболее общих с семантической точки зрения признаков валентности выступают категории субъекта и объекта, на основании которых разграничиваются два основных валентностных типа – субъектные и объектные глаголы. Субъект и объект определяются при этом как основные партнеры глагола. К субъектным глаголам относят-

ся все одновалентные глаголы, а также некоторые многовалентные глаголы, не имеющие объекта, в частности, глаголы движения, положения в пространстве, изменения состояния (предполагающие своей семантикой значение причины) и некоторые другие глаголы. К объектным глаголам относятся, прежде всего, глаголы конкретного действия и действия абстрактного.

Субъект – это источник отношения, это то, что порождает действие, процесс или состояние; объект (в сугубо семантическом смысле) представляет собой предмет, на который распространяется или ориентируется действие, либо это предмет, с которым сопряжены процесс или состояние. Субъект характеризуется активностью, объект – пассивный или менее активный участник отношения. Понятие субъектно-объектного отношения включает ряд разновидностей. Господствующее положение среди них занимает отношение, когда в качестве субъекта выступает человек в процессе практической и познавательной деятельности.

С.А. Шубик предлагает следующие типы субъектно-объектного отношения:

трансформативное отношение – субъект изменяет состояние или местоположение объекта;

креативное отношение – субъект создает, воспроизводит или уничтожает объект;

адресативное отношение – субъект обращается к объекту;

фактитивное отношение – субъект оказывает воздействие на волю, разум или чувства объекта;

перцептивное отношение – субъект воспринимает объект органами чувств;

когнитивное отношение – субъект познает объект;

эмотивное отношение – субъект испытывает определенное чувство к объекту;

инструментальное отношение – субъект использует объект;

привативное отношение – субъект нуждается в объекте [Шубик 1989: 8].

В качестве субъекта могут выступать стихийные силы природы, самодействующая и самодвижущая техника, всевозможные ситуации и обстоятельства, физические и психические состояния человека.

В основе классификации Н.Д. Арутюновой также лежит принцип субъектно-объектных отношений [Арутюнова 1976]. Однако подход Н.Д. Арутюновой отличается прагматической направленностью. Так, выделяются глаголы духовной (интеллектуальной) деятельности, фи-

зического действия, чувство-действия. Эти три группы представляют собой область предикатов психических и физических актов. Промежуточное положение занимают глаголы со значением социальной активности и институциональных действий, которые делятся на две группы: личностно-ориентированные и событийно-ориентированные. К первой группе относятся глаголы, обозначающие санкции, вознаграждения, назначения и др. Ко второй группе относятся глаголы, обозначающие: а) некоторые виды целенаправленной деятельности социального типа; б) зрительного восприятия; в) оценочные глаголы; г) глаголы речевой деятельности; д) глаголы информации и знания.

Представленные группы глаголов входят в класс предикатов логического (межсобытийного), качественно-логического и интересубъектного значений. С точки зрения актуализации каузативных отношений Н.Д. Арутюнова выделяет следующие типы глаголов:

- 1) классические каузативы, устанавливающие причинно-следственные отношения между двумя нерасчлененными событиями;
- 2) личностные каузативы, представляющие некоторое событие как результат воздействия одного лица на волю другого лица;
- 3) личностные каузативы, представляющие событие как непосредственный результат действия некоторого лица;
- 4) событийные каузативы, представляющие событие как результат воздействия некоторой ситуации;
- 5) «двуличные» каузативы, представляющие некоторое субъективное, психическое событие, как стимулированное некоторым лицом;
- 6) «двуличные» каузативы, представляющие связь двух агентивных событий механического действия;
- 7) событийные каузативы, представляющие некоторое психическое событие как стимулированное агентивным или безличным событием;
- 8) личные каузативы, обозначающие связь двух физических событий – агентивного и безагентивного [Арутюнова 1976].

В основе выделения класса каузативных глаголов лежит признак субъектно-объектных отношений и характер взаимодействия субъекта и объекта. Очевидно, что в такого рода классификациях [Сильницкий 1986; Долинина 1989] лежат не синтактико-семантические свойства лексем. Основным принципом выделения каузативных глаголов является характеристика отношений между двумя лицами, этим объясняется преобладание личностных каузативов. В обобщенном виде значение каузативов состоит в побуждении субъектом объекта к действию или изменению состояния, т.е. актуализируется видоизменение способа

бытия объекта. Интерперсональные (межличностные, межсубъектные, интересубъектные) глаголы рассматриваются как подлинные каузативы и представляют собой лексико-семантическую группу лексем, поскольку обладают собственным лексическим значением, т.е. содержат определенный набор интегральных и дифференциальных семантических компонентов. Категориальной семой рассматривается сема «каузация». Класс интерперсональных глаголов включает множество лексических единиц.

Т.А. Князева выделяет лексико-семантическую группу глаголов каузации волевого действия, которые обозначают воздействие на волю лица с тем, чтобы это лицо совершило или не совершило какое-либо действие [Князева 1985; 1987: 22; 1997]. Выделяются следующие ряды глаголов каузации волевого действия:

- 1) побуждения, поощрения – *aktivieren, aufmuntern, anspornen, anreizen, anregen* и др.;
- 2) совета – *empfehlen, raten* и др.;
- 3) просьбы, уговора – *bitten, überreden* и др.;
- 4) подстрекательства – *aufhetzen* и др.;
- 5) приказа, требования – *auffordern, befehlen* и др.;
- 6) принуждения – *nötigen, pressen, zwingen* и др.;
- 7) предостережения – *alarmieren, mahnen* и др.;
- 8) запрета – *untersagen, verbieten* и др.

Лексико-семантический разряд глаголов каузации волевого действия относится к семантико-синтаксическому классу межсобытийных предикатов, которые организуют конструкции с семантической структурой вида *S1 cause S2*, где «*S1*» – событие-причина; «*cause*» – логическая связка, символизирующая каузативные отношения между двумя событиями; «*S2*» – событие-результат. Семантика глаголов каузации волевого действия предполагает личностное выражение события-результата, а также и то, что его объект должен являться субъектом каузируемого данным глаголом действия.

Е.Я. Егорченкова предлагает следующую классификацию глаголов каузации убеждения:

- глаголы доказательства – *argumentieren, begründen, belegen, beurkunden, beweisen, dokumentieren, erweisen, nachweisen, überzeugen*;
- глаголы демонстрации – *aufweisen, aufzeigen, demonstrieren, hindeuten, hinweisen, zeigen*;
- глаголы подтверждения – *bekräftigen, bescheinigen, bestärken, bezeugen, erhärten*;

– глаголы опровержения – *bestreiten, entkräften, dementieren, einwenden, entgegenen, umstoßen, widerlegen, widersprechen;*

– глаголы логического вывода – *ableiten, entnehmen, ersehen, urteilen, deduzieren, schlussfolgern, auswerten, verallgemeinern, meinen, zusammenfassen, voraussagen, bedeuten* [Егорченкова 1986: 10].

Глаголы каузации убеждения рассматриваются с позиций логики, включая также элементы анализа их функционирования в каузативной конструкции. Так, например, *Er beweist mir, dass ich davon nichts verstehe...*, *Der Ausbruch der neuen Terrorwelle beweist...* Первой конструкции автор приписывает значение каузативности, так как каузатор выражен одушевленным именем, во втором случае в позиции каузатора употребляется пропозитивное имя, которое не может выполнять функции каузатора. Для данной конструкции обязательными элементами являются: 1) факт – семантический актанта, представляющий собой основание для умозаключения; 2) автор – семантический актанта, обозначающий лицо, которое делает логический вывод; 3) вывод (логический) – семантический актанта, обозначающий суждение, которое выводится из наличия данного факта. Е.Я. Егорченкова считает, что в первой конструкции глагол реализует каузативное значение, подчеркивает своей семантикой процесс воздействия с определенной целью и отождествляется с семантическим признаком «доказывать кому-либо что-либо с помощью речи, доводов». Во второй конструкции глагол реализует значение логического вывода, обозначает отношения между фактом и тем выводом, который автор делает на основании данного факта [Егорченкова 1986: 10]. В центре внимания исследователя находится изучение семантических сдвигов в глаголах каузации убеждения в зависимости от семантики левых актанта, анализ механизма сдвига в семантике глаголов от значения убеждения к логическому выводу и установление модели постоянной семантической деривации. Автором обнаружена регулярная зависимость между реализацией определенно-го лексико-семантического варианта глагола и характером сопровождающих этот глагол актанта (анализируется левый актанта).

Интерперсональные глаголы как глаголы побуждения могут быть классифицированы так же по типу иллокутивного акта:

«глаголы заверения» – *versichern, schwören, geloben, beteuern;*

«глаголы совета» – *raten, empfehlen;*

«глаголы объяснения» – *erklären, deuten, auseinandersetzen;*

«глаголы провозглашения, объявления» – *bekanntmachen;*

«глаголы признания, согласия» – *zustimmen, anerkennen;*

«глаголы ответа» – *antworten, erwidern, entgegnen;*

«глаголы предупреждения» – *warnen, mahnen, ermahnen*;

«глаголы предложения» – *anbieten, vorschlagen*;

«глаголы подтверждения» – *bestätigen, bejahen*;

«глаголы утешения» – *beruhigen, besänftigen, beschwichtigen, trösten*;

«глаголы убеждения» – *überzeugen, einreden, zureden, überreden*;

«глаголы просьбы» – *bitten*;

«глаголы отказа» – *ablehnen, verzichten, untersagen* [Швецова1992: 8-9].

Значение каузации исследуемых информативно-модифицирующих глаголов состоит в том, что каузатор пытается привести объект каузации в определенное эмоционально-психологическое и определенное информативное состояние, т.е. обобщенное значение этих глаголов состоит в побуждении субъектом объекта воздействия к изменению состояния. Факт каузации осуществляется по формуле: каузатор – каузация – объект каузации – цель каузации – содержание каузации – средство / способ каузации – результат каузации.

Интерперсональные глаголы относятся к синтетическим каузативам, т.е. глаголам, репрезентирующим значение каузативности своим основным значением. При исследовании специфики функционирования интерперсональных каузативов следует исходить из идеи взаимодействия и взаимовлияния лексического и грамматического значений в семантике слова, основываясь на концепции Ю.Д. Апресяна, в которой валентность рассматривается как способность лексемы инкорпорировать в своем значении всех участников ситуации [Апресян 1995]. С.Д. Кацнельсон также подчеркивает, что «глагольный предикат – это нечто больше чем просто лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения» [Кацнельсон 1972]. Именно категориальные компоненты слов, уточняя взаимоотношения слов в предложении, делают излишним присутствие специальных формантов. Именно категориальные (грамматические) признаки в содержании слова образуют инструментарий скрытой грамматики. Интерперсональные каузативы функционируют по преимуществу в каузативной конструкции, что дает возможность выделить актуальные грамматические и лексические значения для этой конструкции, а в конечном счете показать роль языковых значений разного уровня абстракции при порождении речи.

Каузативность как основной категориальный признак объединяет рассматриваемые глаголы в лексико-грамматические разряды. Структурно-семантическое своеобразие каждого лексико-грамматического

разряда определяется наличием категориального признака и взаимодействием этого признака с дифференциальными и категориально-лексическими семами, которые системно организуют глаголы. А.П. Чудинов предлагает классификацию каузативных глаголов на основе семантических составляющих каузативной ситуации: каузирующий субъект, каузирующее действие, каузируемое действие, субъект каузируемого действия и отношения каузации [Чудинов 1990: 289]. На базе данных конститuentов А.П. Чудинов выделяет следующие разряды каузативных глаголов:

1) глаголы, в значение которых не входят семантические признаки, характеризующие каузирующее и каузируемое действие (заставить, вынудить, добиться, обусловить и т.п.). Данные глаголы функционируют в структуре с зависимым инфинитивом или отглагольным существительным, которые характеризуют каузируемое действие;

2) глаголы, в семантике которых значение каузативности совмещается с указанием на способ каузации (приказать, попросить, уговорить и т.д.). Выбор способа обозначения каузируемого действия (инфинитив, девербатив, придаточное предложение, конструкция с прямой речью) зависит от характера каузативной ситуации, семантики и традиций употребления каузативного глагола;

3) глаголы, в семантике которых каузативность совмещается с характеристикой каузируемого действия (*выгнать* – указание на каузативность и перемещение объекта каузации; *разбудить* – каузировать проснуться);

4) глаголы, в семантике которых совмещаются компоненты, укзывающие на каузацию, способ каузации и каузируемое действие (*растрелять* – входят семантические признаки, указывающие на причинно-следственные связи, способ каузации (*выстрел*) и каузируемое состояние (*смерть*)).

Классификация исследуемых глаголов может быть осуществлена с учетом конкретных значений элементов каузативной ситуации, отражающихся в семантике глагола. Можно выделить следующие типы каузации и разряды глаголов, которые данные типы каузации актуализируют:

1. Каузация передвижения (нем.: *schieben, führen, ziehen*; англ.: *to push, to lead someone, to guide someone, to pull (out of/at)*).

2. Каузация положения в пространстве (нем.: *legen, verlegen, stellen, einstellen*; англ.: *to put, to lay, to place, to set*).

3. Каузация изменения признака (нем.: *bereichern, verdunkeln*; англ.: *to enrich, to expand, to encrease*).

4. Каузация бытия, порождения объекта (нем.: *bilden, gestalten, schaffen, gründen, herstellen, erzeugen, produzieren, fertigen, hervorbringen*; англ.: *to form, to build, to shape, to mould, to create, to establish, to set up, to produce, to manufacture, to develop, to constitute, to make up*).

5. Каузация отношений принадлежности (нем.: *schenken, verschenken, geben, reichen*; англ.: *to give, to pass, to hand, to deliver, to withdraw, to confiscate*).

6. Каузация восприятия органами чувств (нем.: *zeigen*; англ.: *to show*) [Васильев 1981, Веливченко 1990 – на материале английского языка].

7. Каузация интеллектуального состояния (нем.: *überzeugen, lehren, belehren, einreden, zureden, versichern*; англ.: *to persuade, to convince, to assure, to teach, to train*).

8. Каузация физических характеристик объекта [Назаров 1987 – на материале английского языка]:

8.1. Каузация ухудшения состояния (англ.: *to cripple, to bruise, to maim*);

а) в результате механического воздействия, ограниченного поверхностью и приводящего к нарушению структурной целостности предмета, например, кожного покрова (англ.: *to abrade, to lacerate, to scar*);

б) в результате образования синяков, потертостей, не приводящее к нарушению структурной целостности (англ.: *to bruise, to chafe, to contuse*);

в) в результате механического воздействия, не ограниченного поверхностью и приводящего к нарушению структурной целостности предмета, обозначающие ранения и другие телесные повреждения (англ.: *to cripple, to maim, to wound*); растяжения, вывихи (англ.: *to crick, to strain, to rick*); потерю сознания или сотрясение мозга (англ.: *to concuss, to slug, to stun*);

г) в результате немеханического воздействия, обозначающее тепловое или химическое воздействие на кожу (англ.: *to burn, to scald, to char*); воспалительные процессы (англ.: *to gangrene, to ulcerate, to in-*

flame); отравление или заражение организма (англ.: *to intoxicate, to poison, to infect*);

д) в результате воздействия, вид которого не указывается, обозначающее утрату какой-либо функции (англ.: *to atrophy, to blind, to paralyse*); повреждение организма (англ.: *to hurt, to injure, to pain*).

8.2. Каузация улучшения состояния (англ.: *to heal, to revive, to cure*);

а) выздоровление после болезни (англ.: *to cure, to heal, to revive*);

б) обработка раны (англ.: *to cauterize, to cleanse, to paint*);

в) появление иммунитета (англ.: *to immunize, to inoculate, to vaccinate*);

г) восстановление сил (англ.: *to refresh, to rest, to revitalize*);

8.3. Каузация изменения состояния, оценка которого зависит от ситуации (англ.: *to fatten, to amputate, to slenderize*);

а) нанесение косметики (англ.: *to powder, to rouge, to mascara*);

б) волосяного покрова (англ.: *to shave, to frizz, to pomade*);

в) одевание или раздевание (англ.: *to dress, to undress, to attire*) [Назаров 1987].

9. Каузация эмоционально-психологического состояния объекта [Назаров 1987 – на материале английского языка, Носенко 2005 – на материале испанского и русского языков].

9.1. Каузация положительного эмоционального тона (нем.: *aufmuntern, amüsieren, belustigen, faszinieren, erheitern, beruhigen, beglücken*; англ.: *to please, to adore, to encourage, to becalm, to gratify, to enchant, to delight, to marvel*);

9.2. Каузация отрицательного эмоционального тона (нем.: *ärgern, enttäuschen, erzürnen, aufreizen, betrüben, grämen, grollen*; англ.: *to perturb, to pain, to madden, to intimidate, to afflict, to abase, to blame, to disappoint, to exasperate*);

9.3. Каузация аксиологически нейтрального состояния (нем.: *interessieren, frappieren, erstaunen, erregen, anreizen, konsternieren*; англ.: *to surprise, to impress, to affect, to engender, to excite, to impel, to induce, to interest*).

Эмоционально-модифицирующие каузативы могут быть отнесены к ментальным глаголам [Сильницкий 1985: 41], так как эксплицитно выражают «чисто психические», непосредственно на манифестируемые состояния субъекта. Ментальные глаголы, в свою очередь, можно классифицировать на «эмотивные» и «неэмотивные». Эмотивные глаголы обозначают различные аффективно-эмоциональные состояния

субъекта и имеют отчетливо выраженную оценочную окраску, позитивную или негативную: любить, ненавидеть, бояться, отчаяться. Неэмотивные глаголы обозначают все остальные типы психических состояний: волевые (*решить, намереваться, стремится*), когнитивные (*предполагать, забыть*). Эмотивные глаголы в свою очередь можно подразделить на глаголы эмоционально-оценочного отношения и эмоционально-психического воздействия. К глаголам эмоционально-оценочного отношения могут быть отнесены следующие: нем.: *lieben, hassen, meinen, glauben, hoffen, gefallen, beruhigen, beunruhigen, fürchten, bewundern, begeistern, bedauern, bereuen*; англ.: *to think, to believe, to hope, to love, to like, to worry, to hate, to fear, to admire, to regret*. Предложения с глаголами эмоционально-оценочного отношения имеют семантическую структуру: субъект отношения – отношение – объект отношения. Субъект отношения обозначается преимущественно именами лиц, а объект отношения может быть обозначен как личностными именами, так и именами пропозитивной семантики [Арутюнова 1976: 79-80]. Глаголы эмоционально-оценочного отношения включают два комментаторных смысла – модусный и модальный. Модусный компонент «отношение к отображаемому явлению» входит в ассертивную часть значения. Модусный «наличие отображенного представления» носит пресуппозитивный характер, потому что оценке или чувству, переживаемому субъектом по отношению к какому-либо объекту предшествует констатация наличия этого объекта. Глаголы эмоционально-оценочного отношения могут быть классифицированы на следующие разряды:

1. С модальным значением степени проблематической достоверности: нем.: *meinen, glauben, erwarten, hoffen*; англ.: *to think, to believe, to expect, to hope*.

2. С аксиологическим модальным значением: нем.: *lieben, gefallen, hassen, beunruhigen, fürchten, bewundern, bedauern*; англ.: *to love, to like, to hate, to worry, to fear, to admire*.

3. С волюнтаривным модальным значением: нем.: *beabsichtigen, planen, vorhaben, beschließen, entschließen, entscheiden, wünschen*; англ.: *to intend, to plan, to decide, to want, to wish, to desire*.

10. Каузация созидания и придания формы [Чистякова 2005 – на материале английского языка] (нем.: *bilden, vorführen, modellieren, formen, befestigen, festmachen, anbringen, festsetzen, festlegen, schaffen, kreieren, umwandeln, verwandeln*; англ.: *to form, to fashion, to frame, to*

model, to shape, to figure, to fix, to set, to create, to transform, to reform, to formulate, to formalize).

11. Каузация знания (*нем.: informieren, identifizieren, reflektieren, erfahren, ermitteln, feststellen, bekannt geben, ankündigen, untersuchen, prüfen, kontrollieren, lehren, unterrichten, beleuchten, hinweisen, ausbilden; англ.: to know, to be aware, to be in the know, to hear of/about, to find out, to make inquiries, to ascertain, to worm out, to hunt out, to put forth a feeler, to announce, to impart, to inform, to notify, to keep posted, to keep informed of something, to have a knowledge, to have some notion/idea, to examine, to inspect, to scrutinize, to scan, to look into/at, to view, to consider, to weigh, to reflect, to teach, to enlighten, to drill, to instruct, to educate, to recognize, to identify, to spot, to distinguish, to discern, to discriminate, to differentiate* [Аллагулова 2004 – на материале русского, английского и французского языков].

В зависимости от общих принципов классификации глагольной лексики по лексико-семантическим разрядам может быть выделен и ряд других подгрупп каузативов. Л.М. Васильев при анализе глаголов чувства выделяет более десяти подгрупп каузативных глаголов чувств [Васильев 1981].

Каузативы могут быть классифицированы по способу каузации:

- каузация требованием (велеть, приказывать и т.п.);
- каузация непосредственным физическим воздействием (толкать, дергать, ковать и т.п.);
- каузация при помощи мыслительной деятельности (сочинять, проектировать и т.п.).

Лексическая сочетаемость каузативных глаголов определяется, прежде всего, не категориально-грамматическим признаком «каузировать», а дифференциальными признаками «способ действия», «орудие действия», «каузируемое действие», «субъект действия», «объект действия», то есть полностью зависит от подгруппы, в которую входит соответствующий глагол. А.П. Чудинов отмечает, что глаголы парадигмы с общим значением «воздействовать на объект с целью убедить в чем-либо» (*уверять, пропагандировать, убеждать и т.п.*) закономерно способны иметь объектное дополнение только со значением лица. Лексическая сочетаемость каузативного глагола с объектом действия совпадает с сочетаемостью его некаузативного коррелята с субъектом действия, иначе говоря, субъектная сочетаемость некаузативных глаголов типа *гореть, убедиться, выздороветь, проснуться, умереть* полностью совпадает с объектной сочетаемостью их каузативных кор-

релятов *поджигать, убедить, вылечить, разбудить, умертвить* [Чудинов 1990: 294].

Каузативные глаголы представляют собой особый разряд. Это может быть обусловлено не только их семантической близостью, но и однотипностью их синтагматических признаков.

W. Hüllen (Essen) выделяет в немецком и английском языках 4 разряда каузативных глаголов:

1. Эргативные глаголы. Используются как транзитивные, без морфологических изменений могут употребляться также как транзитивные.

Восприятие транзитивности связано с восприятием интранзитивности в случае каузативной трансформации. Примерами могут послужить:

*англ.: to run/to run a machine
to break/to break a window
to work/to work somebody (hard);
нем.: anhalten/ein Auto anhalten =
beginnen/ernen Vortrag beginnen,
fahren /ein Auto fahren.*

2. Лексикализованные каузативные глаголы, это транзитивные глаголы, которые связаны с интранзитивными глаголами на базе каузативной трансформации. При этом отличие от эргативных глаголов состоит в различных морфологических формах. Некаузативные глаголы, как правило, имеют результирующее значение. Например:

*англ.: to kill/to die,
to fell/to fall,
to trip/to stumble,
to persuade/to convince;
нем.: töten/sterben (tot sein),
fällen/fallen,
verschwenden/verschwinden,
sprengen/springen.*

Лексические ограничения на использование таких глаголов отличаются от глаголов, соотносимых с элементом *cause*, как показывают примеры из немецкого языка.

3. Деривационные (производные) каузативные глаголы. Морфологически данные глагола являются производными некаузативного характера, чаще всего они образованы от прилагательных и имён. Деривационная часть представляет собой суффикс:

*англ. legalize, humidity, soften, или префикс
enlarge, outlaw, benumb...*

или они являются нулевыми морфемами у таких глаголов, как *warm (up.)*, *open jail*, *pegionhole (a letter)*.

Отдельная группа каузативных префиксов включает такие отрицания как *unsaddle*, *defrost*, *disintegrate*.

В немецком языке эта группа представлена, главным образом, префиксами в таких случаях, как *verfeinern*, *erbittern*, *befreien*, *zerkleinern*, *unterbrechen*.

Что касается суффиксов, то в этом случае речь идёт о словах иностранного происхождения *harmonisieren*, *legalisieren*, *amerikanisieren*, форма которых является производной каузативных глаголов.

4. Аналитические глагольные фразы, включающие вспомогательные каузативы, в английском языке, например, это фразы с глаголами *like*, *make*, *have*, *get*, например, *let (us) go*, *(the court) make(s) (bussing) legal*, *(Mary) had (John) come (to the meeting)*, *get (the thing) done*; в немецком языке, например, *fallen lassen*, *halten lassen*, *(zum Arbeiten) veranlassen (antreiben)*, *(bekannt) machen*.

Одним из частотных средств актуализации семантики каузативности являются информативно-модифицирующие каузативы Семантические разряды каузативных глаголов с интегральной семой «модификация информативного состояния лица» («модификация системы убеждений лица») в немецком и английском языках могут иметь следующий вид:

1) каузативы доказательства – нем.: *begründen*, *belegen*, *beurkunden*, *beweisen*, *erweisen*, *nachweisen*, *überzeugen*, *anmahnen*, *arguieren*, *argumentieren*, *ausreden*, *beteuern*, *bezeugen*; англ.: *to prove*, *to argue*, *to found*, *to base*, *to persuade*, *to admonish*, *to assure*, *to convince*:

Нем.: *Wir werden ihm die Maske von der Fratze reißen und dem Neuerer beweisen, wozu das alte Handwerk in der Lage ist [Süskind, Parfum]*.

Англ.: *They argue that the article doesn't consider the effects of reorganisation on labor, retirees and suppliers who want to continue doing business with the company.*

2) каузативы демонстрации – нем.: *aufweisen*, *aufzeigen*, *demonstrieren*, *hindeuten*, *informieren*, *hinweisen*, *zeigen*, *erklären*, *aburteilen*, *ächten*, *aufklären*, *avertieren*, *deuten*, *enunzieren*, *exponieren*, *fatieren*, *geloben*, *glossieren*, *kommentieren*; англ.: *to display*, *to point out*, *to indicate*, *to show*, *to enlighten*, *to explain*, *to inform*.

Нем.: *Die Einbrecher liessen Aref allein ans Telefon gehen, so dass Aref Salim erklären konnte, was los war.*

Англ.: *Now let's have a debate. "The governor didn't indicate how he would pay for the tax cuts, or whether the Fed could pump billions of dollars into banks without that having an inflationary effect».*

4) каузативы подтверждения – нем.: *bekräftigen, bescheinigen, bestärken, bezeugen, erhärten, affirmieren, behaupten, bejahen, bestätigen, billigen, erquicken, genehmigen, kontestieren*; англ.: *to confirm, to testify, to give evidence, to acknowledge, to approve, to avow, to claim, to grant*.

Нем.: *Sie bestätigt, dass nicht in den Ereignissen der Wert erzählerischer Werke besteht, sondern in den Gestalten und in diesem kurzen Roman, ..., kommen viele Gestalten herauf [Böll].*

Англ.: *Mr. Wall said he had been invited only last week, and that he would testify if given enough time to prepare.*

5) каузативы опровержения – нем.: *entkräften, dementieren, einwenden, entgegenen, umstoßen, widerlegen, widersprechen, aufbegehren, bestreiten, danebensätzen, erinnern*; англ.: *to disprove, to dispute, to question, to contradict, to object*.

Нем.: *Du kannst doch nicht bestreiten, dass [Wahrig].*

Англ.: *They did not want any empirical work undertaken that might contradict that conclusion.*

Элемент *cause* играет важную роль в глагольной системе немецкого и английского языков, и даёт полное представление о двух языках и может быть рассмотрен предположительно как универсалия.

Информативно-модифицирующие глаголы немецкого и английского языков относятся к классу глаголов речи. Интерес к данным каузативам не случаен, так как ими фиксируется важнейшая сторона деятельности человека – речь, которая обуславливает все другие стороны его деятельности. Язык выполняет свои основные функции через речь. Имеются ввиду коммуникативная, экспрессивная, гносеологическая, прагматическая, репрезентативная функции. С.Д. Кацнельсон справедливо отмечал: «Язык не «исполняется» в речи подобно тому, как симфония исполняется в игре музыкантов. Исполнение симфонии воспроизводит всякий раз данное музыкальное произведение, сохраняющее свое тождество, несмотря на различие интерпретации и промахи отдельных исполнителей. В речи же язык присутствует не как система со всеми присущими ей структурными особенностями и богатством содержания. Язык вливается в речь не как целостная структура, а фрагментарно, отдельными строевыми элементами, отбираемыми соответственно потребностям сообщения и получающими в речи свое особое специфическое для данного текста построение» [Кацнельсон 1972: 97].

Информативно-модифицирующие глаголы актуализируют процессы речевой деятельности. Понятие речи в основе значения данных глаголов позволяет объединить их в один лексико-семантический разряд. Однако объем класса глаголов речи оказывается весьма разнообразным. Существует два подхода к выделению класса глаголов речи, что обусловлено узким и широким пониманием того, какие глагольные лексемы следует относить к этой группе. В первом случае рассматриваются только глаголы типа *говорить, сказать, спрашивать, отвечать, рассказывать, разговаривать, беседовать*, во втором – помимо названных также глаголы типа *хвалить, бранить, приказывать, просить, приглашать, называть*. Включение тех или иных глагольных лексем в данный тематический ряд зависит от того, на какие критерии опирается исследователь при отборе материала для анализа.

В качестве ведущего признака, учитываемого во всех классификациях, называется особая лексическая семантика, которая трактуется как «обозначение акта говорения» (Бахтина В.П., Бондарь И.П., Кодухов В.И., Недялкова Т.М.). И.П. Бондарь определяет как глаголы речи только те, которые обозначают собственно процесс речи, его основные функции: *говорить, сказать, спрашивать, отвечать*. Данный разряд глаголов противопоставляется тем глаголам, которые обозначают какое-либо другое действие, реализуемое в процессе речи: *хвалить, просить, называть* [Бондарь 1969]. Подобную точку зрения выражают такие авторы как Ю.К. Лекомцев, Т.М. Недялкова, Г.В. Степанова.

Т.М. Недялкова отмечает, что ситуацию речи часто называют глаголы, для которых значение речи не является исконным. В этом случае речь идет о «контекстуальных синонимах глаголов речи» [Недялкова 1961]. Границы класса глаголов речи расширяются, в число анализируемых попадают глаголы, в семантике которых может сочетаться обозначение процесса речи и обозначение других видов человеческой деятельности. Л.М. Васильев, Л.Г. Михедова, Г.А. Пак, Ф.П. Скитова и др. придерживаются данной точки зрения, независимо от того предлагается в их исследованиях эксплицитное определение глаголов речи или нет. Л.М. Васильев, классифицируя глаголы речи, помимо прочих, выделяет подклассы «глаголов побуждения к действию с помощью речи» и «глаголов эмоционального отношения и оценки».

В лингвистической прагматике глаголы речи представлены как иллокутивные и локутивные. В интерпретирующих высказываниях могут быть актуализированы различные аспекты коммуникативной ситуации. Информативно-модифицирующие глаголы относятся к иллокутивным глаголам.

Принимая во внимание опыт классификации глаголов, существующий в теории речевых актов [Остин 1986; Серль 1986], релевантным представляется, что информативно-модифицирующие каузативы характеризуют определенный речевой акт, с точки зрения его иллокутивной функции. В силу специфических особенностей своей семантики информативно-модифицирующие каузативы отражают в высказывании те или иные параметры речевого акта. Информативно-модифицирующие глаголы функционируют в высказываниях, которые могут быть охарактеризованы как репрезентативы, директивы, комиссивы.

Однако не все глаголы связаны с передачей значения высказывания как отнесенного к определенному типу речевых актов. Может иметь место акцентирование внимания на других аспектах этого речевого акта. Все высказывания, относящиеся к репрезентативам, имеют своей целью сообщение о некотором положении дел. Данный речевой акт в лингвистической литературе обозначается также как «ассертив», например, Г.Г. Почепцов определяет его как «констатив». В семантике любого из глаголов, передающих репрезентативы, можно выделить такие компоненты как «речь, говорение», с одной стороны, и «сообщение информации», с другой. В соответствии с концепцией А. Вежбицкой глаголы «*say, tell*» («сказать, говорить» в русском, «*sagen, reden, sprechen*» в немецком языках) рассматриваются как семантические примитивы, а все остальные глаголы, передающие речевые акты, толкуются при помощи этих глаголов [Wierzbicka 1972].

Информативно-модифицирующие глаголы образуют семантическое пространство глаголов, которое, вслед за Л.Г. Бабенко [Бабенко 1998: 8], рассматривается как совокупность глагольных семем, структурно организованных в семантические комплексы, включающие в свой состав категориально-лексическую и дифференциальную семантику всех глаголов одной лексико-семантической группы слов. В.Г. Гак, Л.М. Васильев, Э.В. Кузнецова выделили компоненты семной структуры различных уровней иерархии. Данные компоненты названы семантическими признаками или семами. По мнению Э.В. Кузнецовой, семы неравноправны: самым общим семам подчинены все остальные, менее общие [Кузнецова 1989: 33]. Самые общие семы – грамемы (категориально-грамматические), они уточняются лексико-грамматическими семами, которые присутствуют в лексических значениях слов одной части речи, но не являющимися одинаковыми для этих слов. Собственно лексические семы – еще более конкретные и менее общие, среди них выделяются доминирующие и зависимые. Э.В.

Кузнецова доминирующие семы называет категориально-лексическими, В.Г. Гак – архисемами. Данные семы являются важнейшими не только в структуре лексических значений слов, но и в организации всей лексической системы, так как они лежат в основе общей лексико-семантической классификации слов. Л.М. Васильев отмечает возможное равноправие сем в их ряду, которое наблюдается у глаголов комплексной семантики [Васильев 1971: 42]. Среди них выделяются глаголы с совмещенной пропозицией и глаголы с включенной пропозицией. В рамках лексико-грамматической группы (нередко среди базовых глаголов) существуют глаголы, имеющие совмещенную или включенную семантику. Семная структура глаголов комплексной, предикативной семантики с совмещенной пропозицией имеет два (или более) предикативных места, которые представлены однотипными по рангу категориально-лексическими семами [Бабенко 1997: 38].

Глаголы с включенной семантикой были предметом исследования в работах Ю.Д. Апресяна [1995], Г.Г. Сильницкого [1974], В.В. Богданова [1977], Л.М. Васильева [1981], О.Н. Камшиловой [1984], Т.А. Князевой [1985, 1987], С.М. Кибардиной [1985, 1988, 1989, 1991], Е.Я. Егорченковой [1986], С.И. Назарова [1987], Н.Г. Дудиной [1988], И.Б. Долининой [1989], Т.М. Волошук [1990], Е.А. Мельниковой [1992], Н.В. Золотаревой [1990], А.М. Плотниковой [1997] и др.

Категориально-лексические семы уточняются и конкретизируются лексико-грамматическими и дифференциальными семами, что придает иерархический характер семной структуре слова. Лексическое значение слова может содержать потенциальные семы, которые актуализируются в отдельных употреблениях слова [Кузнецова 1989: 34]. Говоря о системности лексики необходимо допускать возможность внесистемного расположения слова, но, тем не менее, упорядоченность хранения лексики признается как факт. Ю.Д. Апресян отмечает, что лексическая система языка может быть представлена как единство пересекающихся и незамкнутых группировок, причем любые две из этих группировок связаны непрерывной цепью семантических звеньев, независимо от того, как далеко друг от друга отстоят эти две группировки в семантическом пространстве. Таким образом, существует возможность неоднозначной интерпретации внутренней структуры лексической системы языка.

Общепотребительная лексика может быть систематизирована в семантические поля или группы. Лексико-семантическое пространство глаголов целесообразно рассматривать при сопоставлении. По мнению А.А. Реформатского «для сопоставительного метода близкородствен-

ные языки представляют особый интерес, так как соблазн отождествления своего и чужого там тоже «лежит на поверхности», но это именно и есть та провокационная близость, преодоление которой таит в себе большие практические трудности» [Реформатский 1987: 40-52]. «Если бы язык был свалкой разрозненных фактов – слов, форм, звуков ..., то он не мог бы служить людям средством общения. Все многообразие случаев и ситуаций общения, все разнообразие потребностей называния вещей и явлений, выражения разнообразных понятий люди могут превращать в общественную ценность только благодаря тому, что язык системно организован и управляется своими внутренними законами и в каждом языке – особыми. Эти законы группируют весь инвентарь языка в стройные ряды взаимосоотнесенных явлений...» [Реформатский 1987: 40-52]. Речь идет о системности языков, а это, в свою очередь, является одним из условий сопоставительного анализа.

3.5. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ КАУЗАТИВНОСТИ

При установлении корпуса языковых единиц, способных выражать в плане парадигматики и приобретать в плане синтагматики значение каузативности, используется комплексный подход в направлении от понятийной категории к языковому значению и средствам его выражения. В немецком и английском языках значение каузативности может быть представлено лексически, лексико-синтаксически, семантико-синтаксически, синтаксически.

3.5.1. Лексический каузатив – значение каузативности репрезентируется основным значением слова, т.е. каузативным глаголом в форме синтетического каузатива. Каузативный глагол передает значение каузативности в качестве своего основного значения. Например:

Miss Candleshoe had desired me to invite you to take a glass of wine.

The person we most like to please is ourselves.

“A stubborn defense of old programs will please existing constituencies, but it will not help us build new ones”, says Sen. Charles Robb of Virginia.

Other compensation specialists confirm Mr. Crystal’s estimate, give or take a few points.

One final point: We informed Mr. Quayle in advance that Mr. Curtin would respond to his remarks, and we invited him to stay and listen.

“They declare democracy, free speech and free press in Russia.

An opposition coalition claimed victory in Bulgaria’s multiparty elections Sunday ...

Ich habe mich mit Maria immer darüber gestritten, ob der Gott, an den sie glaubt, wohl Feierabend habe, sie behauptete immer, ja, holte das Alte Testament heraus und las mir aus der Schöpfungsgeschichte vor ...

Es gibt Amerika: Bellow beweist es, auf eine so eindringliche und einmalige Weise, wie Faulkner, Hemingway, Thomas Wolfe und Cummings es bewiesen haben [Böll, Zur Verteidigung ... 196].

Und es sind nicht nur die äußeren Feinde, die mich bedrohen [Kafka, Beschreibung ... 133].

Wollte ich überzeugen, so durfte ich mich nicht auf den Lehrer berufen, der ja nicht hatte überzeugen können [Kafka Beschreibung ... 168].

Irak müsse zudem die Behauptung belegen, das Gas sei nicht waffenfähig gewesen und die Bestände 1991 einseitig vernichtet worden.

Изучение данного вида актуализации значения каузативности в немецком и английском языках не разработан и находится в центре нашего внимания.

В современном английском языке на лексическом уровне основными выразителями категории каузативности служат слова и словообразовательные аффиксальные морфемы [Сымулов 2006: 26-31]. Слова, выражающие каузативность, по структуре могут быть непроеизводными (*set* 'устанавливать, приводить в определенное состояние', *lay* 'привести в определенное состояние', *fell* 'рубить, валить, сбить с ног', *raise* 'поднимать'), производными (*soften* 'смягчать', *lighten* 'освещать, светлеть', *quieten* 'успокаивать', *sadden* 'печалить', *frighten* 'пугать') и сложными (*kidnap* 'похищать (насильно или обманув кого-либо)', *overcome* 'побороть, победить').

По мнению М.Г. Сымулова, при выражении каузативных значений в современном английском языке активную роль играет конверсия, т.е. переход слов из разряда существительных, прилагательных и других классов в разряд глаголов, влекущих за собой приобретение последними значения каузативности (*to place* 'помещать, размещать', *to black* 'омрачать', *to empty* 'опорожнять, осушать', *to lower* 'спускать, опускать') [Сымулов 2006: 27-28]. Исследователь рассматривает аффиксальное словообразование как дополнительный способ выражения каузативности в современном английском языке. По его мнению, данное положение подтверждается тем, что отдельные аффиксально образованные глаголы одновременно выражают каузативное и некаузативное значение в зависимости от их синтаксического окружения. В модели S+V глагол выступает как интранзитивно-рефлексивный и некаузативный: *Strong enough when anybody's frightened of him [Abrahams]* (Довольно крепкий, когда кто-то боится его). Модель S+V+O получа-

ет статус транзитивно-каузативного: *You nearly frightened me [Maugham] (Ты почти напугал меня).*

В английском языке актуализация значения каузативности при помощи производных слов, образованных путем прибавления аффиксальных морфем, не является продуктивным [Сымулов 2006: 29]. Аффиксы английского языка могут добавлять к основному лексическому значению слова дополнительный оттенок или значение каузативности: *rich* 'богатый' – *enrich* 'обогащать', *soft* 'мягкий' – *soften* 'смягчать', *light* 'светлый' – *lighten* 'светлеть': *He looked embarrassed. This softened her and after a moment she took up the conversation in the former vein (Dreiser) (Он смутился. Это смягчило ее и через минуту она возобновила разговор с прежним оживлением).*

Отдельные аффиксально образованные глаголы в зависимости от синтаксического окружения одновременно могут выражать некаузативное и каузативное значения. Модель S+V демонстрирует интранзитивно-рефлексивную и некаузативную интерпретацию значения глагола, а модель S+V+O – транзитивно-каузативную. *His mood darkened immediately (Dreiser) (Его настроение мгновенно помрачнело). ... so far nothing had happened to weaken or darken his prestige (Dreiser) (... и до сих пор не случилось ничего такого, что могло поколебать его положение или бросить тень на его имя).* Данный разряд глаголов может быть представлен также следующими примерами: *enlarge* 'увеличиваться' – *enlarge* 'увеличивать, расширять', *darken* 'становится темным' – *darken* 'делать темным, омрачать', *calm* 'успокаивать(ся)' – *calm* 'успокаивать'. Такого рода синтагматическая оппозиция характерна для английского языка. В современном английском языке выражение значения каузативности с помощью аффиксации отсутствует, за исключением небольшой группы адъективных глаголов, например, *to soften* 'смягчать, смягчаться', *to enrich* 'обогащать', *to strengthen* 'усиливать, усиливаться'.

Оппозиция некаузативных и каузативных форм является следствием функционального противопоставления каузативных и некаузативных глаголов. Данный тип оппозиции представлен в каждом языке. Однако для разных языков характерно различное соотношение способов выражения этой оппозиции. Общей чертой аналитического каузатива и синтетического каузатива является раздельное выражение каузатива и каузируемого действия соответственно в каузативном глаголе.

3.5.2. Лексико-синтаксический каузатив – значение каузативности репрезентируется в структурах аналитического каузатива [См., например, об аналитических конструкциях: Жирмунский 1965: 5-57].

В разряде каузативных глаголов выделяются операторы каузативной связи (служебные каузативные глаголы) [Сильницкий 2006 Т.1, 2], каузативные вспомогательные глаголы [Сымулов 2006], операторы каузативной связи [Ошева 1993]). Термин «операторы каузативной связи» является условным и употребляется для разграничения лексического и лексико-синтаксического каузативов. Операторы каузативной связи функционируют в сфере лексико-синтаксического каузатива. В немецком и английском языках операторы каузативной связи образуют подсистему, что позволяет выделить их в самостоятельный разряд, так как они имеют лексическое значение «каузация, побуждение, воздействие», на основании чего они и относятся к каузативным глаголам и выполняют самостоятельную синтаксическую функцию сказуемого. С точки зрения валентностного потенциала операторы каузативной связи характеризуются более тесной связью с элементами своего синтаксического окружения.

Исследуемый разряд каузативных глаголов имеет ряд признаков, которые позволяют более пристально рассмотреть их как семантический, так и валентностный потенциал, а именно: 1) обладают наиболее обобщенным значением, 2) наиболее высокой частотностью употребления, 3) делексикализированностью значения, 4) наиболее широким набором порождаемых конструкций [Сильницкий 2006 Т.2 : 22].

В рамках лексико-синтаксического каузатива значение каузативности репрезентируется в структурах аналитического каузатива и с операторами каузативной связи. В немецком и английском языках это конструкции со следующими операторами каузативной связи: нем.: *lassen, heißen, machen, bewirken* и их синонимы; англ.: *to cause, to force, to make, to let, to permit, to set, to keep, to allow, to get* и их синонимы.

Нем.: lassen [О каузативном значении *lassen* см., например, Жирмунский 1965: 37]: 1) *lassen* 'велеть, заставлять'; (in Verbindung mit einem Inf. + Akk.) *veranlassen bewirken* (daß etw. geschieht); 2) (in Verbindung mit einem Inf. + Akk.) *zulassen, erlauben, dulden*; nicht an etw. hindern: jmdn. verhungern; *veranlassen od. bewirken, dass jmd., etw. irgendwohin gelangt; veranlassen, dass jmd., etw. unverändert bleibt, in einem bestimmten Zustand gehalten wird, an einer bestimmten Stelle bleibt; (lassen + sich; in Verbindung mit Inf.) ... als Imperativ in Verbindung mit einem Inf., drückt eine freundliche Aufforderung aus* [Duden].

(*veranlassen, bewirken*) jmdm., etw. melden, schreiben, mitteilen, ausrichten, sagen, eine Nachricht zukommen l.; (*zulassen, dulden, gestalten, nicht verhindern*) jmdn. reden l.; (möglich sein od. machen, ermöglichen) [Agricola]: *Die Stelle, an der das Haus gestanden hatte, fand er sofort, viel-*

leicht war es die Zahl der Schritte, die von der Straßenkreuzung noch zu gehen waren, oder irgend etwas an der Anordnung der Baumstrümpfe, die einmal eine hohe und schöne Allee gebildet hatten: irgend etwas veranlasste ihn, plötzlich Halt zu machen, nach links zu sehen, und da war es: er erkannte den Rest des Treppenhauses, stieg über die Trümmer langsam dorthin: er war zu Hause [Böll Der Engel ...];

zulassen, dulden, erlauben; bitten, fordern, machen, veranlassen, dass etw. geschieht; erlauben od. machen, dass alles bleibt, wie od. wo es ist; jmdm., [Wahrig]: *Er ließ mich wissen, dass ... [Duden]; Ich habe mir sagen lassen (habe erfahren); Sie hat ihn ihren Zorn fühlen lassen (Agricola); Der Lehrer ließ den Schüler laut lesen; Ich habe ihn rufen lassen; Er hat mich schreiben lassen; Sein Verhalten lässt mich vermuten, dass ..; Goethe lässt Faust diese Worte sagen [БНРС].*

Die Frau kann entweder selbst bei der Rechtsantragsstelle des Familiengerichts einen entsprechenden Antrag stellen oder durch ihre Anwältin stellen lassen.

Ist sie jedoch erst einmal ausgesprochen, erkennt der Mann meist das Aussichtslose seines Tuns und läßt die Frau in Ruhe.

Wenn sich eine Schwangerschaft nicht auf natürlichem Wege erreichen läßt, konzentrieren Wünsche und Hoffnungen sich auf die Adoption eines Kindes oder zunehmend auf die trägerische Chance einer "künstlichen" Befruchtung.

Angst vor dem Alleinsein, die Hoffnung, dass es lediglich ein "Ausrutscher" war oder die Angst vor sozialer Missachtung als getrennt lebende oder geschiedene alleinstehende Frau, Scham, das Empfinden, versagt zu haben, lassen Frauen gelegentlich jahrelang oder ein Leben lang – in Misshandlungsbeziehungen verharren.

Кроме свободных значений «оставлять», «пускать» и их оттенков глагол *lassen* имеет конструктивно ограниченное значение «велеть», «позволять», которые выявляются у глагола *lassen* при наличии двух дополнений – винительного и инфинитива: *Der Lehrer lässt die Schüler laut sprechen*. В некоторых сочетаниях с инфинитивом значение *lassen* достигает такой абстрагизации, что становится трудно говорить о конкретном лексическом значении глагола. В этом случае *lassen* становится аналитическим средством для выражения грамматизованных значений: модальности, переходности, каузативности. При этом абстрагированное значение *lassen* сливается с конкретным вещественным значением инфинитива, видоизменяя его в том или ином направлении. К операторам каузативной связи в немецком языке относятся также:

heißen ‘велесть, приказывать’; (seltener) jmdm. etwas heißen – ihm etwas befehlen, zu etwas auffordern: *ich hieß ihn antworten, eintreten, schweigen; wer hat dich geheißt, heute zu kommen, das zu tun?; ich hieß ihn schweigen* [Wahrig].

machen ‘заставлять, побуждать’; verursachen: bewirken, dass etwas wird od. geschieht; jmdn. lachen, weinen machen – zum Lachen, Weinen bringen; jmdm. (viel) zu schaffen machen – Ungelegenheiten, Sorgen bereiten [Wahrig]; *Gesunde Kinder machen den Eltern Freude (Sie machen die Eltern glücklich); Mit dem Geschenk hast du deiner Tante eine große Freude gemacht (Sie hat sich sehr darüber gefreut)* [Мейль, Арндт];

bewirken: zustande bringen, hervorbringen, hervorrufen, herbeiführen, veranlassen; bringen: schenken, zuteil werden lassen (Hilfe, Trost, Unterstützung); *Du kannst mich zur Verzweiflung bringen* [Wahrig]; *Der Redner bringt viele Zuhörer auf seine Seite (Er überzeugt sie); Der Sohn bringt die Eltern in Schande und Not (Er schadet ihnen); Der Komiker brachte uns zum Lachen (Er machte Späße, daß wir lachen mussten); Ich brachte ihn dazu, sich bei dem Lehrer zu entschuldigen (Ich veranlaßte ihn dazu, obwohl er nicht wollte)* [Мейль, Арндт].

По мнению Н.А. Миссюры, обобщённое значение глагола *lassen* позволяет образовывать каузатив от любого глагола, независимо от вещественного значения последнего [Миссюра 1952: 11-12]. Аналитический каузатив *lassen* + *Inf.* является, по мнению учёного, универсальным средством выражения значения каузативности, в то время как каузативные конструкции *heißen* + *Inf.* выражают побуждение к действию или изменению состояния путём приказа. Однозначность конструкции *machen* + *Inf.* даёт возможность употребить её в словарях, эксплицируя побудительную семантику глагола.

В английском языке в качестве операторов каузативной связи функционируют:

to cause ‘заставлять’: *Sitting hunched over a computer all day can cause problems; Some types of paint on toys can cause lead-poisoning in children; The bomb was designed to cause the maximum amount of damage; He’s always trying to cause trouble between us; Smoking can cause respiratory diseases* [CALD];

to force ‘заставлять, принуждать’: 1. to use physical strength or effort to make something move or open: *Move your leg up gently when you’re doing this exercise, but don’t force it* [CALD];

to make ‘заставлять’: to cause something: *The kids made such a mess in the kitchen; The bullet made a hole right through his chest; The wind is*

making my eyes water; Just seeing Woody Allen's face is enough to make me laugh; The photograph makes me look about 80! [CALD];

to get: 1. to cause something to happen, or cause someone or something to do something: *She had to get the kids ready for school; These arguments always get my adrenalin going; I've been running round in circles trying to get all the reports finished before the meeting.* 2. to persuade someone to do something: *Why don't you get Nicole to come to the party?*

to let 'разрешать, позволять' [О каузативном значении *to let* см., например, Жирмунский 1965: 37]: 1. to allow something to happen or someone to do something by not doing anything to stop an action or by giving your permission: *She wanted to go but her parents wouldn't let her; I'm letting you stay up late, just this once; Don't let it worry you; If he needs money, let him (=he should) earn it.*

to permit 'позволять, разрешать': 1. to allow something: *The regulations do not permit much flexibility; The prison authorities permit visiting only once a month; The security system will not permit her a small glass of champagne; The law permits of no other interpretation.*

to set: 1. to cause something to be in the stated condition or situation: *It is believed that the building was set alight/ ablaze/ on fire deliberately; The new director has set a lot of changes in our department; If I've made a mistake, then it's up to me to set it right:* 2. *set sb/sth doing sth* to cause someone or something to start doing something: *His remarks set me thinking; A peace campaigner had set herself on fire in protest at the government's involvement in the war; The new government has decided to set all political prisoners free.*

to keep: to (cause to) stay in a particular place or condition: *I wish you'd keep quiet; The noise from their party kept me awake half the night.*

to allow 'позволять, разрешать': to make it possible for someone to do something, or to not prevent something from happening; permit:

Do you think Dad will allow you to go to Jamie's party?

... she was at once thrown into a state of selfish panic which caused her to become completely oblivious [Dreiser].

I forced him ...to look around [Greene].

... Naturally dark of skin, gloom made him look slightly sinister [Dreiser].

Don't think they would ever let us go on with it [Dreiser].

... that he should try to induce the warden to allow him to be taken to some other cell [Dreiser].

Also in the mood that had not permitted him to strike [Dreiser].

“*Bitte, gnädige Frau, lassen Sie ihn doch spielen*” [Kafka Beschreibung ... 37].

An diesen Praktikanten gemessen waren es ganz leere Hoffnungen gewesen Blumfeld sah bald ein, dass er sie überhaupt mit den Näherinnen nicht reden lassen durfte [Kafka Beschreibung... 128].

Der Schaffner hiess ihn einsteigen [БНРС].

Das machte mich lachen [БНРС].

Г.Г. Сильницкий выделяет глагольно-валентностные служебно-каузативные глаголы и субстантивно-валентностные служебно-каузативные глаголы. Глагольно-валентностные служебно-каузативные глаголы (англ.: *let, make, set, keep*) сочетаются с неличными глагольными формами и с именными в позиции вторичного предиката в составе сложного дополнения, например: *I made him work, I made him angry, I made him a writer* [Сильницкий 2006 Т. 2: 23], *I got him to work, I had him fired, I let him go, I brought him to ruin, I put him to ease* [Сильницкий 2006 Т. 1: 192]; нем.: *jmdm. Angst, Hoffnung, Mut machen; jmdm. Freude machen; jmdm. Sorgen, Kummer, Ärger machen; jmdn. lachen, weinen machen; jmdn ärgerlich, eifersüchtig, froh, glücklich, lächerlich, unglücklich, zornig machen; sich (bei jmdm) beliebt, unbeliebt, verhasst machen* [Wahrig].

Субстантивно-валентностные служебно-каузативные глаголы сочетаются с именными формами (предложным дополнением и прилагательным в позиции вторичного предиката). Данные глаголы актуализируют в качестве своей полнозначной функции значение «пространственного перемещения» (*put, place, bring, throw, lay, cast* и т.д.) и «принадлежности» (*give, bestow, deliver, take, have, get, receive, impart, confer* и т.п.) [Сильницкий 2006 Т.2: 22].

Сочетания операторов каузативной связи с инфинитивом рассматриваются как особого рода аналитические формы (изолирующе-аналитические каузативы [Сымулов 2006: 34]. Единый способ образования грамматического каузатива в немецком и английском языках отсутствует. Значение каузации полнозначному глаголу придают операторы каузативной связи. Операторы каузативной связи могут быть определены как каузативные вспомогательные глаголы. Функция операторов каузативной связи состоит в актуализации дополнительного оттенка побуждения в каузативной конструкции с полнозначным глаголом. В немецком и английском языках каузация актуализируется появлением прямого дополнения после непереходного глагола, когда глагол непереходный становится переходным, т.е. в данном случае каузация выражается сочетанием двух полных слов: непереходный

глагол + прямое дополнение. Значение каузации выражается отдельным служебным словом или полнозначным словом, т.е. при помощи двух видов словосочетаний: а) оператор каузативной связи (вспомогательный каузативный глагол) + дополнение + полнозначный глагол; б) непереходный глагол + прямое дополнение. Сочетания *оператор каузативной связи + дополнение + полнозначный глагол* являются аналитическими формами. В этом случае можно говорить о грамматическом словосочетании, в котором оператор каузативной связи рассматривается как формальный компонент значения каузации. Основное значение каузации представлено полнозначным глаголом (каузативом или некаузативом).

Отличие аналитического каузатива *оператор каузативной связи + дополнение + полнозначный глагол (I)* от *непереходный глагол + прямое дополнение (II)* заключается в следующем [Сымулов 2006]:

1) I каузатив передает более энергичный, подчеркнутый характер каузации по сравнению со II;

2) I каузатив образуется от переходных и непереходных глаголов, а II – только от непереходных;

3) I каузатив выражает фактитивную и пермиссивную каузацию, II – только фактитивную;

4) образование I каузатива от любого полнозначного глагола является стандартизованным, а от II – нестандартизованным.

Операторы каузативной связи нем.: *lassen* 'велеть, заставлять'; *heißen* 'велеть, приказывать'; *machen* 'заставлять, побуждать'; англ.: *to cause* 'заставлять', *to force* 'заставлять, принуждать', *to make* 'заставлять', *to get, to let* 'разрешать, позволять', *to permit* 'позволять, разрешать', *to set, to keep, to allow* 'позволять, разрешать' и др. можно рассматривать как будущее ядро каузативности. Грамматическое словосочетание может рассматриваться не как идиоматическое и неразложимое сочетание, а как свободное сочетание, в котором выделяются формальная и основная принадлежности аналогично простым формам слов. Операторы каузативной связи (вспомогательные каузативные глаголы) в рамках аналитического каузатива утрачивают свои собственные лексические значения в сочетании с полнозначным глаголом. Аналитические формы рассматриваются как неотъемлемый составной элемент конструкции, включающей в себя также и глагольную основу-носитель лексического содержания конструкции.

Единство аналитической формы и спаянность ее частей является важным звеном в системе доказательств существования аналитической формы в морфологии языка. Грамматико-семантическая неделимость

аналитической формы глагола выражена в том, что только в соединении ее части имеют данные значения.

Каузативные глаголы [см., например Недеялков 1967: 168-170], именуемые как операторы каузативной связи, представляют собой открытый класс глагольных лексем, которые управляют дополнением, выраженным аккузативом. К таковым, например, относятся: *abhalten, abrichten, abschrecken, anbrüllen, aneifern, anfahren, anfeuern, anflehen, angehen, anhalten, anhauen, anherrschen, anlehren, anleiten, anpeitschen, anregen, anreiten, anschreien, anspornen, anstacheln, anstiften, antreiben, anweisen, auffordern, aufhetzen, aufmuntern, aufrufen, aufstacheln, aufreizen, aufwiegeln, autorisieren, beauftragen, bedrängen, beeinflussen, befähigen, behindern, behüten, bereden, berechtigen, beschwätzen, beschwören, bestechen, bestimmen, bestürmen, bevollmächtigen, bewahren, bewegen binden, bitten, drängeln, drängen, einladen, erbitten, erinnern, ermächtigtwn, ermahnen, ermuntern, ermutigen, ersuchen, erziehen, gelüsten, gewöhnen, herausfordern, hindern, kitzeln, lehren, locken, mahnen, nötigen, reizen, treiben, überreden, veranlassen, verführen, verhindern, verhüten, verleiten, verlocken, vermögen, verpflichten, verurteilen, verwarnen, warnen, ziehen, zurückhalten, zwingen.*

Выделяется также группа операторов каузативной связи, которые управляют дополнением в дативе, к этой группе могут быть отнесены: *abraten, abreden, anbefehlen, anbieten, anempfehlen, angewöhnen, anheimgeben, anheimstellen, anraten, antragen, anvertrauen, auferlegen, aufgeben, auftragen, ausreden, austreiben, bedeuten, befehlen, beibringen, einbleuen, einflüstern, eingeben, einprägen, einreden, einschärfen, eintrichtern, empfehlen, erlassen, erlauben, erleichtern, ermöglichen, erschweren, ersparen, freistellen, geben, gebieten, gestatten, gönnen, helfen, missgönnen, nahelegen, raten, sagen, schreiben, telefonieren, überlassen, untersagen, verbieten, vergönnen, verleihen, verordnen, verschreiben, wehren, vorschlagen, vorschreiben, wehren, widerraten, winken, wünschen, zuflüstern, zumuten, zuraten, zureden, zurufen, zuschreien, zusehen, zuwinken.*

Лексико-синтаксический каузатив представляет собой один из вариантов представления значения каузативности в структурах аналитического каузатива с операторами каузативной связи (*lassen, machen, suchen, heißen, fordern, befehlen* и др.). Сочетание глагольной лексемы *lassen* с инфинитивом рассматривается как особого рода аналитическая форма. Обобщенность значения состоит в общей идее зависимости действия от субъекта, по вине которого что-то происходит. Согласно

концепции В.П. Недялкова можно выделить следующие элементы синтаксического окружения каузативного глагола:

1) субъект (каузатор) как элемент каузативной конструкции, который является подлежащим при каузативе в личной неимперативной форме (*Ich ließ ihn kommen*) или (имплицитруемом) словом при каузативе в неличной или императивной форме, которое выступает подлежащим, если каузатив преобразуется в личную неимперативную форму (*Sie befahl mir, ihn kommen zu lassen*). Субъект может быть одушевленным или неодушевленным и отвлеченным.

2) объект как дополнение, управляемое некаузативом при *lassen*. Выделяется пять типов некаузативов по признаку наличия формы объекта: интранзитивные, транзитивные, битранзитивные, дативные, предложные.

3) агенс как дополнение, обозначающее субъект каузируемого действия. Агенс может быть аккузативным, предложным и нулевым [Недялков 1971: 9-10].

Обобщенное значение глагола *lassen* позволяет образовывать каузатив от любого глагола, независимо от вещественного значения последнего. Аналитический каузатив *lassen* + *Infinitiv* является универсальным средством актуализации значения каузативности. Каузативная конструкция *heißen* + *Infinitiv* выражает побуждение к действию или изменению состояния путем приказа. Каузативная конструкция *machen* + *Infinitiv* фиксирует в позиции инфинитива глагола с определенной семантикой (состояния и непереходного действия). Однозначность конструкции *machen* + *Infinitiv* дает возможность употребить ее в словарях, эксплицируя побудительную семантику глагола.

Операторы каузативной связи выполняют аналогичные грамматические функции, они актуализируют абстрагированное каузативное значение, конкретизируемое в ряде частных в зависимости от позиции употребления. Операторы каузативной связи в сочетании с полными глаголами рассматриваются «двумя синтаксическими единицами уже потому, что каждый из глаголов обладает собственными синтаксическими связями» [Касевич 2006: 463]

Значение каузативности в рамках лексико-синтаксического каузатива может быть представлено функциональными глаголами (функциональными структурами, в терминологии В.Б. Касевича – «сочетания семантически опустошенных глаголов с существительными» [Касевич 2006: 463]). В немецком языке, например, в качестве функциональных глаголов функционируют:

нем.: *die/eine Anregung bekommen* (*angeregt werden*),

den/einen Auftrag bekommen (beauftragt werden),
den/einen Befehl bekommen (befohlen werden),
die/eine Erlaubnis bekommen (erlaubt werden),
den/einen Rat bekommen (beraten werden),
zur Ruhe bringen (beruhigen),
in Verlegenheit bringen (verlegen machen),
zur Vernunft bringen,
in Verwirrung bringen (verwirren),
zur Verzweiflung bringen (verzweifelt machen),
eine Bestätigung erfahren (bestätigt werden),
Anklage erheben (anklagen),
Anspruch erheben (beanspruchen),
Protest erheben (protestieren),
einen Vorwurf erheben (vorwerfen),
Zweifel erheben (anzweifeln),
den/einen Befehl erteilen (befehlen),
die/eine Erlaubnis erteilen (erlauben),
den/einen Rat erteilen (raten),
die/eine Erklärung finden (erklärt werden),
den/einen Beweis führen (beweisen),
die/eine Anregung geben (anregen),
den/einen Befehl geben (beweisen),
den/einen Rat geben (raten),
in Angst geraten (verängstigt werden),
in Aufregung geraten,
in Begeisterung geraten,
in Erregung geraten,
in Stimmung geraten,
in Verwirrung geraten,
in Verzweiflung geraten,
in Wut geraten (wütend werden),
in Zorn geraten (zornig werden),
in Angst halten (ängstigen) и др.
англ.: to bring relief,
to bring to light,
to bring to mind,
to bring to disappoint,
to bring to accepting a settlement,
to bring tears in smb eyes,
to bring honor to smb,

to give the impression,
to give (lots) of trouble,
to give a piece of mind,
to give (some) thought to,
to make blood boil,
to make waves,
to make angry,
to make believe,
to make light of,
to make apologies,
to make sure.

Формально значение каузативности поддерживается в функциональных структурах операторами *bekommen, bringen, erfahren, erheben, erteilen, finden, führen, geben, geraten, halten* и др. Реальное значение каузации выражается именем существительным. Функциональные структуры, представляющие собой грамматическое словосочетание, не обязательно являются идиоматическими и неразложимыми сочетаниями. Они могут быть определены как свободные сочетания, так как в рамках аналитического каузатива операторы каузативной связи утрачивают свои собственные лексические значения.

3.5.3. Семантико-синтаксический каузатив – реализация значения каузативности осуществляется в рамках побудительного предложения, оформленного как повествовательное или вопросительное. Например: *Matron gave me a quick look from her thick lenses and said: "You had better come back and see me in a clean apron, Nurse". (...) I went [Dickens].*

Побудительные предложения выражают просьбу, приказ, требование, совет, предложение, указание, разрешение и т.д. Побуждение в рамках семантико-синтаксического каузатива может быть представлено следующим образом:

1) вопросительными предложениями, в которых используются частицы *mal / bitte*:

Würdest du mir (mal) das Heft geben?

Können Sie (bitte) das Fenster schließen?

Würden Sie mir mal bitte einen Rat geben?

Können Sie mir mal sagen, wie ich so über die Runden kommen soll?

Können Sie davon etwas auf Ihr Instrumentarium übertragen?

Können Sie uns ein Objekt zeigen, das Sie besonders gerne haben?

Würden Sie empfehlen, das Mittel wegen der ungeklärten Todesfälle abzusetzen?

2) повествовательными предложениями:

“Jetzt ist aber Schluss mit diesem ständigen Nörgeln”.

“Du gehst jetzt sofort ins Bett”.

“Du kannst mich jetzt nicht im Stich lassen”.

Побудительный характер повествовательных предложений фиксируется использованием модальных глаголов и полнзначных глаголов побудительной семантики:

Ich will das jetzt wissen.

Man will ja nicht einfach so weiter machen.

“Ich will mir erst seine Version anhören”.

Ich verlange jetzt von Ihnen die Herausgabe der beschlagnahmten Unterlagen.

Ich verlange eine klare Antwort auf die Frage, bis wann in diesem Jahr das Authentifizierungsverfahren gestartet werden kann.

“Herr Kameramann, ich verlange nur eins, werden Sie wieder einfach!”

Ich verlange vom Vorsitzenden Joachim Zeller Intervention bei seinen Parteifreunden und beim Bezirksbürgermeister von Steglitz-Zehlendorf.

“Ferner fordere ich Sie auf, sich umgehend spätestens innerhalb einer Frist von sechs Monaten (...) um für Sie angemessenen Wohnraum zu bemühen.”

Ich fordere deswegen eine Verschärfung der Haftungsregeln.

“Deshalb fordere ich eine Entscheidung noch vor dem Spiel.”

“Ich fordere die Freiheit mit Gebrüll.”

“Außerdem fordere ich die Landesregierung auf, sich einzuschalten”, so Zabel.

Ich fordere eine gleichmäßigere Verteilung von Flugbewegungen.

4) в предложениях с союзами *dass* или *wenn*:

“Dass ihr mir ja ruhig seid!”

“Das ist – wenn Sie bitte ein paar Schritte weitergehen wollen – ein Bild von Rubens”.

“Wenn du dich mal daran erinnerst, ...”.

3.5.4. Синтаксический способ реализации значения каузативности предполагает актуализацию данного значения предложением, организованным либо перформативным глаголом побудительной семантики, либо глаголом в форме повелительного наклонения (см. 3.7.4. Перформативная и дескриптивная функция каузативных глаголов). Побудительные предложения составляют значительную часть речевой продукции человека. Специфика этих предложений состоит в том, что они используются для апеллятивного общения и не требуют ответной речевой реакции. Их назначение вызывать какое-либо конкретное

действие [Храковский, Володин 1986: 7]. Формальное своеобразие императива детерминируется его функциональным своеобразием. Императив – единственная форма глагола, которая выполняет специфическую аппеллятивную или, шире, призывную функцию, не свойственную остальным глагольным формам, которые в своем прямом значении выполняют коммуникативную или экспликативную функцию. Содержательно формы императива отражают референтную ситуацию аппеллятивного общения. Формы императива обозначают не просто процесс, действие или состояние, а волеизъявление говорящего относительно выполнения / невыполнения действия. Повелительное наклонение служит для передачи приказа или просьбы ... и формой побуждения к совершению совместного действия одним или несколькими лицами, включая говорящего [БЭС 1998: 321]. Императив или побуждение – это сообщение о желании говорящего, чтобы адресат выполнил определенное действие и попытка каузировать его выполнение адресатом [Апресян 1974: 22]. Императивные формы выражают эксплицитное побуждение. Структура плана содержания императивных форм содержит компоненты двух видов:

I. Постоянные компоненты: 1) грамматическое императивное значение волеизъявления; 2) номинативное значение действия; 3) значение 1 л. ед. ч. говорящего. Эти компоненты входят в план содержания любой императивной словоформы.

II. Переменные компоненты: 1) грамматическое значение лица и числа исполнителя; 2) грамматическое значение числа слушающего [Храковский, Володин 1986: 17-18].

Таким образом, семантическая структура императивных словоформ отражает дейктическую ситуацию, в которой выделяются постоянные и переменные компоненты.

Разнообразие способов реализации семантики каузативности свидетельствует о том, что каузативность представляет собой функционально-семантическую категорию, структурированную в форме поля, конститuentы которого объединены общностью семантической функции – реализация значения каузативности.

Функционально-семантическое поле каузативности как система языковых средств, реализующих значение каузативности, с одной стороны, и совокупность языковых единиц каузативной семантики, функционирующих в тексте – с другой, состоит из трёх зон: ядра, промежуточной области и периферии. Ядро поля образуют языковые единицы, выражающие значение каузативности: каузативные глаголы (представленные как отдельными лексемами, так и входящие в состав ана-

литического каузатива) и императивные предложения. Промежуточную область образуют языковые единицы, приобретающие значение каузативности в силу своих синтагматических характеристик и контекстуального прочтения: побудительные предложения, оформленные как повествовательные или вопросительные, и предложные словосочетания как дискретная часть предложения. Периферию поля образуют вспомогательные средства реализации каузативной семантики: модальные глаголы, а также слова и словосочетания, описывающие паралингвистические средства коммуникации.

В связи с этим к ряду наиболее перспективных направлений относится рассмотрение лексического каузатива, который представлен каузативными глаголами и дает чрезвычайно пёструю и богатую картину полей, пересекающихся в разных плоскостях многомерного пространства глагольной лексики. Выявление и описание определённой иерархии средств выражения каузативности как функционально-семантического поля является сравнительно новым в лингвистике. Таким образом, функционально-семантическое поле каузативности представляет собой полицентрическую, открытую систему, допускающую как варьирование значения, так и включение в систему новых конститuentов.

3.6. МАРКЕРЫ КАУЗАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Исследование категории каузативности как лингвистического феномена в разноструктурных языках является одним из важных вопросов общего и сопоставительного языкознания. Лингвистический анализ категории каузативности зависит от всестороннего выявления системных свойств каждого из сопоставляемых языков, а также от использования единого метода лингвистической интерпретации, одних и тех же классификационных критериев и системы теоретических координат.

В славянских языках категория каузативности представлена семантикой определенной части глаголов. В языках, где существует специальный деривационный аффикс, образующий каузативный глагол, категория каузативности представлена наиболее ярко. В македонском языке, например, глаголы с суффиксом *-oc-a/-c-a* обнаруживают в составе соотносительных переходных и непереходных синтаксических структур каузативное или результативное значение: *Тешкиот живот вампиросо многу луге* (*Тяжелая жизнь ожесточила / сделала жесто-*

кими многих людей); *Многу луѓе се вампиросаа (од тешикот живот) (Многие люди ожесточились / сделали (стали) жестокими (от тяжелой жизни).* Каузативное значение македонского глагола с суффиксом *-ос-а вампироса* выражается в русском языке посредством переходного префиксально-суффиксального глагола с суффиксом *-и-ожесточить*. Вместо этого глагола может употребляться эквивалентная по значению описательная конструкция с полувспомогательным глаголом *сделать жестоким* [Климонов, Спасов 2006: 48-49].

Продуктивным средством передачи каузативного значения являются в русском языке префиксально-суффиксальные образования с приставками *из- / -ис* и *о- / -об* и суффиксом *-и-* типа *испелить (мак. пелоса)* и *обуглить (мак. јагленоса)*. Используются также описательные конструкции с мотивирующими их именами существительными и прилагательными: *обуглить(ся) = превратить(ся) / обратить(ся) в уголь, одервенеть = стать или сделаться деревянистым*. Для актуализации каузативного значения в русском языке широко используются описательные обороты, в некоторых случаях они являются более употребительными, чем соответствующие им префиксально-суффиксальные глаголы. В македонском языке каузативное значение выражается в пределах глагольных лексем, т.е. синтетически [Климонов, Спасов 2006: 49-50].

В японском языке для образования каузативного глагола используется уровень спряжения *mizenkei* и окончания *-seru, -saseru*: *tragen: motsu – motaseru: Hanako wa Kenji ni kaban o motaseta / Hanako ließ Kenji die Tasche tragen.; essen: taberu – tabesaseru: musuko ni misoshiru o tabesasete / (Ich) zwang meinen Sohn, die Miosuppe zu essen [wiki]*. К правилам образования каузативного значения в японском языке относятся также следующие: 1) для глаголов *godan*: *mizenkei -seru* (например, *kaka-seru, tata-seru, yoma-seru*); 2) для глаголов *ichidan*: *mizenkei -saseru* (например, *mi-saseru, kake-saseru*); 3) для *kahen* глагола *kuru*: *mizenkei -saseru (ko-saseru)* [www. franklang... 473].

В картвельских языках каузатив исторически выражался префиксом. На определённом этапе развития этих языков основным показателем каузатива должен был быть префикс *a-* (*a-ctevs – одевает*). В формах субъективной версии аналогичную роль мог выполнять и префикс *i-* (*i-ctevs – одевает(ся) сам себя*). По происхождению префикс *a-* можно увязать с локативным показателем, наличествующим и в непереходных (динамических и статических) глаголах. Суффиксы каузативных форм переходного глагола исторически не имели функции каузативных показателей. Их можно квалифицировать как образователь-

ные форманты (тематические показатели) основы настоящего времени. А образование настоящего времени (действительного залога) не зависит от категории каузатива. Категория каузатива с префиксом *a-* в картвельских языках сформировалась раньше, чем действительный залог. Постепенно функцию показателей каузатива взяли на себя суффиксы (те же тематические показатели): *-ev*, *en-*, *un-* [Мачавариани 1988: 106-107].

В баскском языке в соответствии с универсально-типологической тенденцией морфологического каузатива архаичный (непродуктивный) префикс каузатива *ra-* образует переходные формы глагола от непереходных. Использование их с переходными глаголами, по видимому, явление вторичное: в сочетании с переходными глаголами префикс каузатива приобрёл общедеривационную функцию и фактически образует новые лексические единицы. Продуктивный глагольный суффикс *-erazi* исходит из архаичного суффикса *ra-*. Данный суффикс передаёт значение каузатива, не имеет общедеривационной функции: он не образует новые лексические единицы. Суффиксальный каузатив образуется от переходных и непереходных глаголов и, также как архаичный префиксальный каузатив, образует переходную конструкцию [Стуруа 1998: 84-85].

В турецком языке суффикс *-dür-* превращает непереходную основу *öl-* 'умирать' в переходную основу *öl-dür-*: *Bill öldü* (Билл умер); *John Bill-i öldürdü* (Джон убил Билла). Суффикс *-dü* указывает на прошедшее время, *-i*, присоединяемое к «целевому имени» *Bill-i*, оформляет объект переходного глагола. В случаях *Patlıcan pişiyor* (Баклажан жарится) и *Ahmet patlıcanı pişiriyor* (Ахмет жарит баклажан) – суффикс *-ir-* является менее распространенным вариантом каузативного суффикса. Дистрибуция каузативных суффиксов объясняется не свободным варьированием, а лексической обусловленностью [Лайонз 1978: 374-375].

Индоевропейские каузативы имели в корне гласный *o* (в германском *a*), ударение падало на суффикс. Противопоставление гласного понудительного глагола гласному основному, которому он противостоит, является такой важной характерной чертой образования каузативов, что в отношении глаголов, имеющих в настоящем времени гласный *a*, как, например, гот. *faran* «ехать (в повозке)», для характеристики каузативов стали применять ступень \bar{o} : ср. гот. *forjan* «возить в повозке» [Мейе 2003: 110-111].

Тюркские, иранские, финно-угорские языки, китайский язык и другие языки мира относятся к языкам с морфологическим каузативом.

Категория каузативности выделяется и в тех языках, где существует служебный глагол для образования каузативных конструкций и имеет регулярность образования аналитического каузатива (германские и романские языки) [Менчер 1966: 62-68].

В английском языке каузативность формально немаркирована. На лексическом уровне в современном английском языке основными выразителями категории каузативности служат слова и словообразовательные аффиксальные морфемы. Слова, выражающие каузативность, по структуре могут быть непроеизводными (*set* 'устанавливать, приводить в определенное состояние', *lay* 'привести в определенное состояние', *fell* 'рубить, валить, сбить с ног', *raise* 'поднимать'), производными (*soften* 'смягчать', *lighten* 'освещать, светлеть', *quieten* 'успокаивать', *sadden* 'печалить', *frighten* 'пугать') и сложными (*kidnap* 'похищать (насильно или обманом кого-либо)', *overcome* 'побороть, победить') [Сымулов 2006: 27].

В немецком языке оппозиция некаузативных и каузативных форм может быть представлена следующими примерами: (*er*)*blinden* (ослепить, потускнеть) – *blenden* (слепить, ослепить); *erschrecken* (испугаться) – *erschrecken* (испугать); *fahren* (ехать) – *führen* (вести, приводить); *fallen* (падать) – *fällen* (валить, срубить); *fließen* (течь) – (*ein*)*flößen* (вливать, внушать, вселять); *liegen* (лежать, покоиться) – *legen* (класть, положить); *schlafen* (спать) – *einschläfern* (усыплять, убаюкивать, укачивать); *schwanken* (шататься, качаться, колебаться) – *schwenken* (швырять); *schwinden* (убывать, исчезать, уменьшаться) – *verschwenden* (тратить, расточать); *sinken* (падать, опускаться) – *senken* (опускать, наклонять, потуплять); *sitzen* (сидеть) – *setzen* (сажать, посадить, поставить); *springen* (прыгать, скакать) – *sprengen* (подрывать, взрывать); *stehen* (стоять) – *stellen* (ставить, поставить, помещать); *trinken* (пить) – *tränken* (поить); *wachen* (бодрствовать) – *wecken* (разбудить) [БНРС].

Наличие каузативного значения в немецком языке основывается на общегерманском deverбальном образовании. Например, 1 ряд аблаута (*trank-*) сильного глагола (*trink-*) с суффиксом *-jan-* способствовал образованию формы слабого глагола (*trank-jan*). Тип на *-jan* имеет различное происхождение. Главным образом здесь встречаются глаголы, производные от имен, как гот. *arbaidjan* «работать» от *arbaiþs* «работа», *daufjan* «убивать» от *daufs* «смерть» наряду с понудительными глаголами (каузативами), например, гот. *satjan* «усаживать» в отличие от *sitan* «сидеть», *dragkjan* «поить» в отличие от *dragkan* «пить». Позже исчезнувшее *-j-* стало следствием наличия умлаута в

корне (*tränk-*). Противоположные каузативным образованиям в немецком языке всегда остаются непреходные глаголы. У многих глаголов каузативные и некаузативные формы совпадают (*erschrecken st.V. intrans.: erschrecken sw.V. trans.*) [wiki]. В немецком языке морфологический каузатив не является продуктивной формой. Для актуализации каузативного значения используются либо синтетический каузатив (лексический каузатив), либо аналитический каузатив (операторы каузативной связи *machen, lassen, zwingen, bewirken* и др.).

Лексический каузатив представляет значение каузативности основным значением слова. К каузативным глаголам причисляются глаголы, в лексическом значении которых отражаются причинно-следственные отношения как объект лексической номинации, ср.: *радовать кого-либо* – «каузировать кого-либо радоваться», т.е. должна существовать какая-то причина для радости кого-либо; *заговорить кого-либо* – «каузировать кого-либо быть уставшим от длинных разговоров», т.е. длинные разговоры могут быть причиной усталости кого-либо; *вынудить кого-либо что-либо сделать* – «каузировать кого-либо что-либо сделать, действовать», т.е. понуждение может являться причиной для чьего-либо действия, деятельности и т.п. Изучение данного вида актуализации значения каузативности в немецком и английском языках находится на стадии разработки.

3.7. ВАЛЕНТНОСТНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАУЗАТИВОВ

3.7.1. Валентностный потенциал каузативных глаголов

К участникам каузативной ситуации относятся каузатор и объект каузации. Каузатор – лицо, которое оказывает воздействие на объект каузации, т.е. понятие каузатора связывается с терминами – субъект, актер, источник действия, агентивный участник каузативной ситуации, агенс (агенс – семантический падеж со значением субъекта действия [Баранов, Добровольский 2006: 181]). Объект каузации – лицо, выступающее в роли носителя состояния, т.е. пациентивный участник каузативной ситуации, пациенс (пациенс – семантический падеж, обозначающий сущность, с которой нечто случилось или которая испытывает некоторое воздействие [Баранов, Добровольский 2006: 265]).

Действие предполагает изменчивый активный признак, свойственный одушевленным предметам, тогда как состояние предполагает длительный инактивный признак, свойственный как одушевленным, так и

неодушевленным предметам [Кацнельсон 2001: 573]. Каузатор определяется как актант, который оказывает определенное воздействие на объект каузации и таким образом каузирует его терминальное состояние. Сам каузатор не является носителем терминального состояния. Объект каузации является актантом, выступающим в роли основного носителя терминального состояния. Объект каузации – носитель (участник) второго составного состояния – воздействия: объект испытывает определенное воздействие, в результате которого переходит из исходного состояния, в котором он пребывал до начала воздействия (и которое, следовательно, остается за временными рамками ситуации), в противоположное, терминальное состояние [Сильницкий 2006: 15].

Г.Г. Сильницкий считает, что данная семантическая система является не «субъекто-», а «объекто-центрической». Объект, в качестве участника как воздействия, так и терминального состояния, является центральным, связующим актантом каузативной ситуации. «Субъект выступает в роли носителя лишь первого состояния, выполняет в ней факультативную (вторую по значимости после объекта) функцию [Там же: 15].

Каузативная структура с информативно-модифицирующими глаголами наиболее часто демонстрирует в позиции актанта-каузатора личные местоимения, неопределенно-личные местоимения, одушевленные имена существительные, которые актуализируют агентивный характер каузатора. Продемонстрируем это на примере каузатива опровержения немецкого языка *leugnen*: *Sie haben einen solch negativen Trend lange Zeit geleugnet; Der Herzog will leugnen, und erzählt heute, er habe den Löwenherz gar nicht eingefangen, morgen, er sei dem Kaiser überliefert, tags darauf, er sei entsprungen*. Функционирование в качестве актанта-каузатора личных местоимений с каузативом опровержения *leugnen* составляет 57,6 %, неодушевленных имен существительных (декаузативный контекст) – 15,4 %, одушевленных имен существительных – 14,4 %, неопределенно-личных местоимений – 7,2 %, генерализаций – 5,4 %. Таким образом, можно сделать вывод о том, что актант-каузатор в контексте функционирования каузатива опровержения *leugnen* является содержательно и структурно обязательным актантом.

Актант-объект каузации представлен личными местоимениями: *Nun leugne ich dir gegenüber nicht, dass mein Trieb täglich unüberwindlicher wird, eine öffentliche Person zu sein und in einem weiteren Kreise zu gefallen und zu wirken; Außerdem leugne ich Ihnen gegenüber, dass ich über die Religion spotte – ...*. Актант-объект каузации эксплицитно представлен лишь в 2,7 % случаев функционирования каузатива *leug-*

nen. Актант-объект каузации, как показывает анализ фактического материала, представлен имплицитно. Каузатив опровержения *leugnen* функционирует в качестве интродуктора прямой и косвенной речи, а речевое общение обуславливает эллипсис синтаксической структуры предложения, в связи с чем актант-объект каузации может быть редуцирован, но всегда существует возможность идентифицировать его в контексте целостной денотативной ситуации, например, в форме обращения в рамках прямой речи или на вводе прямой речи: *Ich leugne nicht, Benno, dass ich die Ankunft dieser Fremden in deinem Interesse anders ansah.*

Низкая частотность актуализации актанта-объекта каузации свидетельствует о коммуникативной факультативности данного актанта, т.е. актант-объект каузации рассматривается как содержательно обязательный, структурно факультативный актант. Семантическая (содержательная) облигаторность участника ситуации «не имеет жесткой связи с обязательностью соответствующей синтаксической позиции» [Падучева 1999: 9]. Актант-объект каузации является, таким образом, синтаксически (и коммуникативно) периферийным участником, однако, в отличие от сирконстанта, он сохраняет за собой статус актанта.

По типу лексического значения актанты могут относиться к предметным, обозначающим конкретных участников ситуации, событийным, называющим ситуацию, призначным, называющим признаки предметов, ситуаций, признаков, и атрибутивным, называющим качественные признаки [Кибардина 1988: 108].

Актанты играют смыслообразительную роль. Один глагол отличается от другого набором актантов. Р.И. Розина приписывает глаголу *приехать* в ситуации перемещения следующих участников: того, кто перемещается (Агенс), то, куда перемещаются (Конечная точка), и то, на чем перемещаются (Инструмент-Место), в то время, как глагол *прибыть* выделяет только двух участников – Агенс и Конечную точку [Розина 2005: 37].

В процессе описания валентностных свойств глаголов выделяются валентностные типы – объединения глаголов (в одном конкретном значении) с общими валентностными свойствами. В валентностной классификации выделяются субъектные и объектные глаголы, которые в свою очередь подразделяются на валентностные типы в зависимости от семантики субъекта и объекта и наличия дополнительных актантов. Данным типам приписываются следующие общие признаки: количество и семантика актантов, характеризующиеся в связи с семантикой глагола, их облигаторность / факультативность в содержательном и

структурном плане, предрасположенность к сочетанию с теми или иными распространителями [Кибардина 1985].

Партиципанты ситуации (термин В.С. Храковского) [Храковский 1999: 15], участвующие в ее толковании, связаны иерархическими отношениями. Семантические компоненты значения являются семантическими валентностями и реализуются в семантико-синтаксической структуре предложения в виде актантов. Сема «агентивность» реализуется в виде актанта-каузатор, сема «адресованность» соотносится с актантом-объект каузации, сема «интенциональность» воплощается в актант-цель каузации, сема «способ» соотносится с актантом-способ каузации, сема «содержание речевого воздействия» актуализируется в виде актанта-содержание информации, сема «оценочность» реализуется в качестве актанта-оценка, сема «мотивированность» соотносится с актантом-мотив каузации, сема «характер речевого воздействия» актуализируется в виде актанта-характер каузации.

Таким образом, к партиципантам ситуации относятся каузатор, объект каузации, способ каузации, средство каузации, содержание информации, оценка, мотив каузации, характер каузации, рассмотрение данных партиципантов естественным образом начинается с каузатора, затем переходит на объект каузации и лишь после этого к способу или средству каузации и т.д.

Проблема иерархии отношений между всеми возможными партиципантами практически не изучена [Храковский 1999: 17]. Будем считать, что нулевую (исходную) ступень занимает сама ситуация, первую ступень занимает каузатор, вторую – объект каузации, все остальные партиципанты занимают более высокие ступени.

В центре нашего внимания находится вопрос о средствах выражения актанта-каузатор, актанта-объект каузации, актанта-способ каузации, актанта-средство каузации.

Рассмотрим средства выражения актанта-каузатора, который может быть представлен следующим образом:

– одушевленными именами существительными: нем.: *Kristina mag ihm da nicht widersprechen*; англ.: *But Grassgreen contradicted testimony* ...;

– личными местоимениями: нем.: *Er nimmt keine Lehre an, er hört mir nicht zu, er widerspricht mir stets*; англ.: *He contradicted the testimony of a Virgin Islands couple* ...;

– неопределенно-личным местоимением *man* в немецком языке: *man*: *Einem Kulturideal widerspricht man niemals; Warum man widerspricht*.

Для немецкого языка характерно употребление в качестве каузатора:

– генерализаций: нем.: *es – Es widerspricht dem Beispiel, ...; dieses – Dieses widerspricht der Kenntnis, die wir bereits haben, und ist dadurch unangenehm; wer – Wer widerspricht oder lügt, hat es auf seinen Rücken zu nehmen; etwas – Er ist so gut, aber auch so streng, wenn etwas seiner Meinung widerspricht; dies – Dies widerspreche dem Solidaritätsgedanken; das – Das aber widerspreche einem Urteil des Bundesgerichtshof.* В английском языке данные случаи также являются отмеченными: *this – This contradicts the widely held belief that you can make profits in Japan; it – It contradicts earlier statements that China would meet all its obligations with foreign parties.*

Актант-объект каузации представлен следующими средствами:

– одушевленными именами существительными: нем.: *Er widersprach meinem Vater niemals, der sich zuletzt völlig an ihn gewöhnte und ihn als den einzigen erträglichen Gesellschafter duldete;* англ.: *His taped testimony contradicted Lewis on several other points;*

– личными местоимениями: нем.: *... und doch ist es für eine Wahrheit gefährlicher, wenn der Dichter ihr zustimmt, als wenn er ihr widerspricht; Wer ihm gehorcht, kann zugrunde gehen, aber er geht besser zugrunde als der, der ihm widerspricht;* англ.: *Either there will be evidence to contradict him or there won't be; if there is, each senator should be able to decide if that evidence is more credible than Mr. Gates' word;*

– генерализациями: нем.: *... weil eines dem anderem nicht bloß widerspricht.* англ.: *it's impossible to contradict that.*

Актант-объект каузации может быть репрезентирован в рамках сложносочиненного предложения: *Ich widersprach nicht mehr, ärgerte mich aber immer heimlich, und seine Anmerkungen wurden mir zu Last.*

Актант-объект каузации может быть представлен в слитном предложении: нем.: *Auch die Hausfrau widerspricht nicht, nur flüstert sie ihrem Alter zu: "Alter!"*

Данный случай демонстрирует рефлексивную каузативную ситуацию.

Актант-объект каузации может быть выражен:

Именами существительными, эксплицирующими речевое действие: нем.: *Der frühere Sicherheitsberater von Ronald Reagan, Robert McFarlane, hat am Dienstag vor den Ermittlungsausschüssen des Kongresses zu Iran-Contra-Affäre den Aussagen von Oberstleutnant Oliver North in zentralen Punkten widersprochen;* англ.: *statements, a new Iran claim.*

Именами существительными, представляющими познание: нем.: *Frankreichs Vorstellungen, dem Verfahren, den Werten des Grundgesetzes, dem Versicherungsprinzip, dem Prinzip der Durchlässigkeit zwischen Fachrichtungen, den eigenen Prinzipien, der Kenntnis, dem Wissen, dieser Lehre*; англ: *complicating matters, authorities in many parts of the country have added questions; the EPA view, this principle, this philosophy*.

Именами существительными, представляющими положение дел: нем.: *den heutigen Anforderungen; der Verhältnismässigkeit; allen politischen Regeln*; англ: *some stereotypes, the Bundesbank's basic position*.

Именами существительными, эксплицирующими продукт речевой деятельности: нем.: *dem Beschluß, dem Grundsatz, einem Synodalbeschluß, der Verfassung, allen unseren Grundsätzen, der Resolution*; англ: *decision, a letter, accord, assertion, contention, conclusion*.

Именами существительными, выражающими оценку англ.: *fundamental agreements*.

Именами существительными, представляющими речевую коммуникацию: нем.: *dem Versprechen, ihrer demütigen Vorrede*; англ: *the government explanation*.

Именами существительными, представляющими неречевую коммуникацию: нем.: *dem eisernen Ausdruck seines Gesichtes*.

Актант-способ каузации реализуется следующим образом:

– состояние, особенности поведения, свойства: нем.: ... *mein Inneres widersprach mir zu oft; Je mehr ihm seine innere Empfindung widersprach ...; Doch widerspricht das schöne Gleichnis ...; Ein solcher Stil widerspricht immer ...;*

– положение дел: нем.: *Chirac hatte betont, ein einseitiges Vorgehen widerspreche Frankreichs Vorstellungen von kollektiver Sicherheit; Dieses Vorgehen ... widerspreche der Kollektivhaftung deutscher Vorstände; Aber eine solche Voraussetzung widerspricht der Idee ...; ... die bisherige Regelung widerspreche jeglicher Form von Freiheit;*

– продукт речевой деятельности: нем.: *Kardinal Karl Lehman fand scharfe Worte: Das Urteil des Bundesgerichtshofs widerspreche den Werten des Grundgesetzes; Ihre prahlerische Rezension widerspricht Ihrer demütigen Vorrede, ...; Und das Buch "Der Untertan" ... zeigt uns wieder, dass wir auf dem rechten Wege sind, und bestätigt, dass Liebe, die nach außen in Hass umschlagen kann, das einzige ist, um in diesem Volke durchzudringen, um diesem Volke zu helfen, ... [Tucholsky];* англ.: ... *the new law contradicts all existing laws governing economic decision-making; The president's statement directly contradicted ...; His assertion contradicted ...; Mr. McFarlane's testimony contradicts public statement by Attorney General*

Edwin Meese on Nov. 25 that the president learned of the Israeli sales only after the fact; ... that the proposal contradicts the clear intent of federal law. В немецком языке наблюдается функционирование в качестве актанта-способа каузации имен существительных, обозначающих продукт речевой деятельности и косвенной речи одновременно, в рамках одного контекста: *Also widerspricht der Satz, als wenn die Kausalität nur nach Naturgesetzen möglich sei, sich selbst in seiner unbeschränkten Allgemeinheit, und diese kann also nicht als die einzige angenommen werden;*

– психическое воздействие: нем.: *Denn tragische Leidenschaft widerspricht; als Anlage auch nicht der edelsten Natur;*

– познание: нем.: *Und meine Beschäftigung mit Gott widersprach ihr nicht; Die Philosophie unsrer Zeiten – ich fürchte es – widerspricht dieser Lehre;*

– речевая коммуникация: англ.: ... *but his explanations contradict the forceful image ...;*

– речевые действия: нем.: *Du schweigst, weil Du verhüten willst, dass seine Aussage der Deinigen widerspricht;* англ.: *Grogan has contradicted Riegle's testimony by telling ...; Fernandez contradicted them, telling congressional investigators he kept the agency informed at all times ...*

Актант-способ каузации может быть актуализирован также 1) в виде прямой речи: нем.: *Kollege Ribbeck wollte da nicht widersprechen: "Wir haben mit Glück gewonnen";* 2) косвенной речи: нем.: *Mit seiner Ausstellung will der Bürgerverein Nord-Ost e.V. der Behauptung widersprechen, daß nur Kunst, die Jahrhunderte überdauert habe, es wert sei, erhalten zu werden.* В данном случае наблюдается также расширение семантического потенциала *widersprechen* путем включения семы «средство», которая воплощается в виде актанта-средство каузации «*mit seiner Ausstellung*».

Актант-средство представлен также функционированием предлога *durch* в немецком языке: *Offen sei etwa, ob der Swinger-Club durch seine "örtliche Lage" dem öffentlichen Interesse widerspreche, hieß es vom BVG; ... die ihm zwar nicht durch die Regel, aber doch durch die Ausnahme widerspricht.*

Отмеченными являются случаи актуализации актанта-способ каузации глаголами речи *sagen, erklären*: *Kwasniewski hat dem zwar deutlich widersprochen, als er sagte, Polen gehöre nicht einer Gruppe, sondern allen Bürgern, doch den Beweis wird erst die Zukunft erbringen können; Kurz darauf haben Sie ihm widersprochen und das Gegenteil erklärt.* В последнем случае отмечается также актуализация актанта-содержание

информации и актанта-цель каузации. Этот случай демонстрирует валентностные свойства каузатива *widersprechen* более высокой сложности. Актант-содержание информации может иметь следующий вид: *Wir widersprechen: Vor allem die Fondtüren müssen nach wie vor mit viel Schwung zugeschlagen werden.*

Наблюдается синкретизм значений актанта-способа каузации и актанта-каузатора: нем.: *Was kann ich sagen, Arasambes, als dass mein Gefühl deinen kalten Schlüssen widerspricht?* Актант-способ в данном случае имеет эмоционально-психическую природу. Актант-средство каузации может иметь вид «неотчуждаемого орудия»: нем.: *Und mit diesem Bewusstsein bin ich genötigt ihr einen Rat zu geben, dem mein Herz widerspricht, den mein Verstand Lügen straft!; Das Auge widerspricht dabei dem Wissen: wie soll es sich im Widersprechen wahrhaft freuen können.*

Воздействие каузатора на один предмет (объект каузации) с помощью другого предмета (инструмент) предполагает «охваченность» этим воздействием обоих предметов, при этом создаются условия толкования предмета-орудия в объектном духе, особенно при отсутствии указания на прямой объект. Квалификация инструмента как «полуактивного» элемента свидетельствует о возможных сближениях орудия с «активным» субъектом, с одной стороны, и с «инертным» объектом, с другой [см. например, Адмони 1973: 279; Кацнельсон 1972: 198].

3.7.2. Инкорпорированные актанты в семантике глагола

Семантическая глагольная инкорпорация может быть охарактеризована как один из видов семантико-синтаксической компрессии, которая усложняет значение глагола и упрощает структуру предложения, сохраняя тот же объем информации, что был задан глубинной, или семантической структурой [Афанасьева 1991: 7]. Слову в словаре обычно соответствует несколько лексем. Глагольная лексема описывает некую ситуацию. Лексема концептуализирует определенный фрагмент внеязыковой действительности, сопоставляя ему нечто, что можно назвать «концепт ситуации», данный концепт включает определенный набор участников. В лексикографическом толковании глагола каждому участнику соответствует переменная [Апресян 1974: 120]. Высказывания отражают ситуации реального мира. На уровне семантического аспекта происходит мыслительная обработка выделенного фрагмента действительности. Ситуация представляется как имеющая структуру. Структуру ситуации образует ансамбль взаимосвязанных онтологических компонентов, связь между которыми организуется

предикатом. В центре семантической структуры находится признак, предикат, который открывает валентные места для субстанциональных актантов. Таким образом, семантическая структура предложения складывается из семантики предиката и семантических ролей его актантов. Семантические роли интерпретируются в ориентации на предметные отношения, на реальные связи в действительности, т.е. на отношения в онтологии [Шишкина 2003: 23-27]. На синтаксическом уровне участника выражаются актантами глагола. Подчиненный глаголу член предложения, выражающий участника с данной ролью, может быть по разным причинам принципиально невозможен. Например, одной из таких причин является инкорпорация актантов.

Р.И. Розина отмечает, что «не все участники получают обязательное выражение». У глагола *купить*, описывающего ситуацию с четырьмя участниками, Агенс и Пациенс имеют обязательное выражение, два других участника, Контрагент и Цена, выражаются факультативно [Розина 2005: 37].

Глагол обладает определенным набором сем, которые выделяются в процессе анализа лексикографических словарных дефиниций и случаев функционирования глагольных лексем в ситуации, благодаря наличию сем в структуре значения актуализируется инкорпорация актантов и семантический синкретизм. Глаголы рассматриваются как глаголы с инкорпорированными актантами, а именно, как глагольные слова с денотативно закрепленными, специализированными, включенными семами, представленными в словарных дефинициях тематически ограниченным набором лексем. Включение актантов обнаруживается в семной структуре глаголов и манифестируется в словарных дефинициях. И.П. Шишкина считает, что инкорпорация актантов заключается в фиксации и закреплении одного или нескольких синтаксических актантов в рамках одной глагольной лексемы через ее семантическую структуру [Шишкина 1996: 74].

Инкорпорация дополнения или обстоятельства актуализируется благодаря наличию в семантическом потенциале определенных сем, например, таких, как средство, способ, интенциональность, содержание действия / воздействия, характер действия / воздействия. Наличие этих сем обнаруживается при анализе словарных дефиниций глагола. Ведущее место среди инкорпорированных элементов занимает значение инструментальности в виде способа или средства. Инкорпорация актантов может носить явный или скрытый характер. Явной или прозрачной инкорпорацией обладают, например, глаголы, в словообразовательной структуре которых представлено:

– существительное инструментальной (предметной) семантики: *angeln* (die Angel – удочка), *bohnern* (der Bohner – полומר), *hämmern* (der Hammer – молот, молоток), *löffeln* (der Löffel – ложка), *trommeln* (die Trommel – барабан), *abfiltern*, *filtrieren* (der Filter – фильтр), *abklemmen*, *klemmen* (die Klemme – зажим, стопор, заковка, клемма, невидимка), *anhaken*, *einhängen*, *abhaken* (der Haken – крюк, крючок, (простой) гак, соха, анкер (в часах)), *ausbohren*, *bohren* (der Bohrer – сверло, бурав, буровой снаряд), *bougieren* (die Bougie – буж (зонд)), *verborken*, *abborken* (die Borke – кора (древесины), струн), *abketten* (die Kette – цепь, цепочка, ожерелье, нить, гусеничная лента), *aufbocken*, *hochbocken* (der Bock – козлы, кронштейн, бык (моста), вольнка, козел (гимнастический предмет)), *enthülsen* (die Hülse – шелуха, кожура, стручок, оболочка, гильза, втулка, футляр), *frottieren* (das (der) Frottee, Frotte – эпонж (ткань из пряжи фасонной крутки), хлопчатобумажная ткань из пряжи очень низких номеров, мохнатая ткань (для полотенец)), *vergittern* (das Gitter – решетка, сетка, насадка), *hecheln* (die Hechel – чесалка), *verstiften* (der Stift – штафт, штырь, палец, поводок), *abrappen* (die Pappe – картон, папка, толь, клейстер), *abrakeln* (die Rakel – ракля, скребок), *abschirmen* (der Schirm – зонт, зонтик, козырек, абажур, колпак, затемнитель, купол, экран), *abschmirgeln* (der Schmirgel – наждак), *abschnüren* (die Schnur – веревка, бечевка, шпагат, шнурок, маркшейдерский шнур), *durchsieben* (das Sieb – сито, решето, грохот, фильтр), *abspreizen* (die Spreize – распорка, подпорка, раскос, подкос, распорная балка), *abspritzen* (die Spritze – шприц, укол, пожарный насос), *abzapfen* (der Zapfen – затычка, пробка, цапфа, шейка, шип, втулка), *abzirkeln* (der Zirkel – циркуль), *annageln* (der Nagel – гвоздь, костыль, нагель, шпindel), *anflanschen* (der Flansch – фланец, полка (балки), *anheften* (das Heft – рукоятка, ручка, черенок), *anschäkeln* (der Schäkel – серьга, ушко, скоба) [БНРС];

– существительное инструментальной (непредметной) семантики: *fragen* (die Frage – вопрос), *bitten* (die Bitte – просьба, прошение, ходатайство), *antworten* (die Antwort – ответ, отклик, отзыв), *vortragen* (der Vortrag – доклад, лекция, высказывание), *reden* (die Rede – речь, разговор, высказывание), *ansprechen* (die Ansprache – (приветственная) речь, обращение, выступление), *äußern* (die Äußerung – высказывание, мнение, отзыв), *aussagen* (die Aussage – высказывание, показание, свидетельство) [БНРС];

– вещество, металл, химическое соединение: *ätherisieren* (der Äther – простой эфир (класс органических соединений), (диэтиловый) эфир), *alaunen* (der Alaun – квасцы), *aluminieren* (das Aluminium – алюминий),

ausbleien (das Blei – свинец), *auserzen* (das Erz – руда, металл, бронза, медь), *ansäuern, aufsäuern, säuren* (die Säure – кислота), *demethylieren* (das Methyl – метил), *entsalzen* (das Salz – соль), *entschwefeln* (der Schwefel – сера), *verharzen* (das Harz – смола, канифоль), *verglasen* (das Glas – стекло), *oxidieren* (das Oxid – окись), *verrußen* (der Ruß – копоть, сажа), *abschlämmen* (der Schlamm – ил, тина, грязь, пульпа, отстой), *abschmieren* (die Schmiere – мазь, липкая грязь), *anpasten* (die Paste – паста, замазка, клеевая смесь), *anrosten* (der Rost – ржавчина) [БНРС];

– инструмент и вещество: *kauterisieren* (das Kauterium – инструмент (вещество) для прижигания) [БНРС];

– место: *hochbocken* (der Bock – кобыла (место пытки), *aufgleisen* (das Gleis – (рельсовая) колея), *aufhalden* (die Halde – отлогость, откос, покатость, отвал, кавальер, отсыпь, отвал (пустой породы)) [БНРС];

– смесь, место: *aufgichten* (die Gicht – шихта, колоша, колошник (доменной печи)) [БНРС];

– соматизмы: *äugen, äugeln* (das Auge – глаз), *fingern* (der Finger – палец), *köpfen* (der Kopf – голова), *schultern* (die Schulter – плечо) [БНРС];

– действия, осуществляемые с помощью частей тела: *blinzeln* (мигать, моргать, щурить глаза), *nicken* (das Nicken – кивание, der Nicker – кивок), *schwänzen* (der Schwanz – хвост), *winken* (der Wink – знак (рукой), кивок (головой), *zwickern* (mit den Augen zwickern), *züngeln* (die Zunge – язык) [БНРС];

– действия, осуществляемые с помощью части тела и существительное инструментальной (предметной) семантики: *wedeln* (der Wedel – опахало, метелка из перьев (для смахивания пыли), *кропило*, *хвост (олени)*) [БНРС].

Скрытой (непрозрачной) инкорпорацией характеризуются глаголы, морфемный состав которых не позволяет определить соответствующий инкорпорант: *sehen, hören, fahren*. Хотя в семантике глагола *видеть* инкорпорантами являются *глаза*, *уши* у *слышать*, *звон* у *звенеть*, *огонь* у *гореть*, *ноги* у *ходить*, *руки* у *держать*, *принести*, *взять* (*брать* определяется как *‘принимать на руки, схватывать руками’*). Е.В. Падучева отмечает, что у инкорпорированного участника концепт не переменный, как у других, а фиксирован с точностью до лексемы в словаре. Референциальный статус инкорпорированного участника может быть родовым (например, таков статус инкорпорированного участника «женщина» в концепте ситуации ‘он женат’). Чаще инкорпори-

рованный участник находится в денотативной зависимости от другого участника той же ситуации (видеть, целовать – глаза / губы, денотативно зависит от того, кто видит / целует) [Падучева 2004: 57].

А.В. Супрун выделяет «скрытые каузативы», которые содержат в своем значении различные каузативные элементы: объект, которым воздействуют; инструмент, орудие действия; способ действия; инструментальные предикаты; объект каузации; наименование материала, вещества, которым покрывается или обрабатывается объект каузации; способ, манера воздействия; имя объекта, которым воздействуют, или субъект причинения; каузируемое состояние, признак, действие, местонахождение объекта каузации [Супрун 2008: 234-235].

Для выявления инкорпорантов необходимо проведение анализа словарных дефиниций. Количество инкорпорированных актантов у глаголов различно и находится в прямой зависимости от степени сложности семантической структуры каждого глагола. Для глаголов узкой семантики, глаголов-моносем, характерно наличие одного инкорпорированного актанта. В их лексикографическом толковании содержится указание на единственно возможный инкорпорант. Это либо инструментальное дополнение, либо обстоятельство образа действия. Глаголы с более сложной семантической структурой часто включают два актанта, дополнение и обстоятельство, один из которых может быть факультативным, что отражается в лексикографическом толковании специальными маркерами. При функционировании глаголов с инкорпорированными актантами в речи экспликация дополнения или обстоятельства в структуре предложения является в принципе избыточной. Однако, как отмечает И.П. Шишкина, в определенных речевых ситуациях дополнение или обстоятельство называется. Это происходит в тех случаях, когда дополнение может быть выражено несколькими существительными и указание на выбор одного из них существенно для реализации коммуникативного намерения [Шишкина 1996: 75].

Различные лексико-грамматические группы глаголов характеризуются разной степенью общности валентностных свойств. Так, например, соматизмы: *äugen, äugeln, fingern, köpfen, schultern* – (*mit dem Augen (mit den Augen) äugen, äugeln; *mit dem Finger (mit den Fingern) fingern; *mit der Schulter (mit den Schultern) schultern) и действия, осуществляемые с помощью частей тела: *blinzeln, nicken, schwänzen, winken, zwinkern, züngeln* могут функционировать с одним субъектом и рассматриваться как субъектные:

Er blinzelt etwas, aber er sagt ganz ruhig.

Sie erkannte mich nicht. Ich hatte genickt.

Die Frauen nicken stumm.

Überdies kommen darin echte Kerle vor, die mal eben so in das Haus des Nachbarn stiefeln, die Ehefrau schultern und dem verdutzten Gatten beim Weggehen raten: "Reich schon mal die Scheidung ein".

Die Zollbeamten rufen in gespielter Panik seinen Namen, zwei Lkw hupen ihm zu, ein paar wartende Autofahrer zwinkern verschwörerisch. Alle nicken, jeder kennt das.

Нижеприведенные случаи демонстрируют инкорпорацию второго актанта (инструментальной семантики) в позиции субъекта:

In den Delegiertenreihen nicken die Köpfe.

Und die Augen, mit denen er zuvor so nett gezwinkert hat, wirken dannstarr und entschlossen.

Seine Augen blinzeln aus dunklen Höhlen, als ob er geblendet ist.

Контекст функционирования глаголов с инкорпорированными актантами может демонстрировать экспликацию второго актанта в рамках самостоятельной синтаксической позиции, представляющего соответствующую часть тела или неодушевленный предмет:

Hucke nickt mit bleichem Gesicht.

Dem stimmen sogar anwesende Linke mit leuchtenden Augen zu, während jene, die eher den israelischen Mainstream repräsentieren, kräftig mit dem Kopf nicken.

Menschen, die von dieser unheilbaren Krankheit betroffen sind, verlieren durch fortschreitende Lähmung die Fähigkeit zu sprechen, sie können schließlich nicht einmal mehr mit den Augen blinzeln.

Das war in der Zeit, als noch mit der Lichthupe gezwinkert wurde, wenn sich zwei Saabs begegneten.

Er soll mit den Augen gezwinkert haben: Einmal Zwinkern bedeutete "Ja", zweimal Zwinkern "Nein".

Näher als auf einen Meter traut er sich nicht heran an den regungslos daliegenden Mamic, der nur noch mit den Augenlidern zwinkern kann.

Zweimal in der Woche schultert er mit starkem Arm den Spritzbeutel, aus dem er den Teig für jeden einzelnen Keks aufs Backblech drückt.

Trotz dieser Einsicht öffnete ich besonders vorsichtig die Tür und fingerte mit langem Arm nach dem Hausschlüssel.

Tauben nicken mit den Köpfen [Wahrig].

Вышеприведенные случаи демонстрируют семантическое распространение, развивающее синтагматику, которое, в частности, проявляется в экспликации инкорпорированных компонентов значения какими-либо элементами поверхностной структуры предложения.

Инкорпорированному участнику, как правило, не соответствует синтаксический актанта. Однако инкорпорированный актанта может быть эксплицирован, когда в концепт, заданный толкованием, добавлен атрибут или квантификатор: *nicken – mit bleichem Gesicht, mit dem Kopf; blinzeln – mit den Augen; zwinkern – mit der Lichthupe, mit den Augenlidern; schultern – mit starkem Arm; fingern – mit langem Arm.*

В русском языке, например, экспликацию инкорпорированного актанта можно продемонстрировать следующими примерами: *видеть – простым глазом, своими глазами, полуслепыми глазами; звенеть – тихим звоном; поднять – одной рукой* [Падучева 2004: 57]

«Инкорпорированный состав формально представляет собой слово, по содержанию оно является предложением. Это – слово-предложение» [Мещанинов 1975: 86]. Анализ эмпирического материала демонстрирует, что центральное положение в плане актуализации явления инкорпорации и синкретизма занимает актанта-каузатор и актанта-способ каузации, в нашем случае реже актанта-средство каузации. По мнению А.В. Супрун, наиболее важным и емким компонентом каузативного предложения является предикат, часто совмещающий в своем значении несколько каузативных элементов:

- объект, которым воздействуют: *cebar al ganado – dar ceba al ganado* ‘кормить скот – давать корм скоту’;
- инструмент, орудие действия: *fustigar a las caballerías – golpearlas con la fusta* ‘хлестать лошадей – бить их кнутом’;
- способ действия: *rastrear a un criminal – perseguirle siguiendo sus rastros* ‘идти по следу злоумышленника’ [Супрун 2008: 234-235].

Если объектом каузации конкретного физического действия является не лицо, а предмет, в значении предиката могут содержаться элементы каузирующего события – способ воздействия, средства каузации:

- инструментальные предикаты: *rastrillar la tierra – arrellañarla con el rastrillo* ‘разравнивать землю граблями’.

Объект каузации инструментальных предикатов часто имплицитруется их семантикой: *garbillar* ‘просеивать через грохот’ можно то, что просеивается.

Выделяются предикаты с включенным наименованием материала, вещества, которыми покрывается или обрабатывается объект каузации: *guatear una prenda – recubrirla con guata* ‘подбивать одежду ватой, стегать’.

Выделяются каузативы, содержащие в своем значении указание на способ, манеру воздействия: *terciar una cosa – dividirla en ters partes* 'разделять что-либо на три части'.

Глаголы с включенным именем объекта, которым воздействуют, или субъекта причинения: *ratonar la madera, las comidas – roerlas los ratones* 'грызть дерево, продукты (о мышах)'.

Скрытые элементы предикатов физического действия могут обозначать каузируемое состояние, признак, действие, местонахождение объекта каузации: *embottellar el vino – ponerle en botellas* 'разливать вино по бутылкам', *encarcelar a alguien – meterle en la cárcel* 'сажать кого-либо в тюрьму'.

Экспликация каузируемых элементов, инкорпорированных в семантике предиката, оказывается излишней и соответствующие синтаксические позиции в высказывании остаются незамещенными [Супрун 2008: 235-236].

Ведущее место среди инкорпорированных элементов занимает значение инструментальности в виде способа каузации и средства каузации. Инкорпорация актантов может носить явный или скрытый характер.

Глаголы, в словообразовательной структуре которых в качестве инкорпорированных актантов выступают имена предметной семантики, как уже отмечалось выше, относятся к глаголам с прозрачной инкорпорацией, значение инструмента специфицировано. Явная или прозрачная инкорпорация наблюдается также в случаях функционирования глаголов, в словообразовательной структуре которых зафиксированы: вещества, металлы, химические соединения; инструмент и вещество; часть тела. Глаголы, в словообразовательной структуре которых инструментальное значение представлено в виде способа, представляют способ как неспецифицированный, т.е. абстрактный. Понятие абстрактности может быть соотнесено с таким сочетаемым свойством глагола, как отсутствие характерного инструмента, например: *erklären – mit einem Plan, Vorschlag; an einem Beispiel; aus der Tatsache; bestätigen – eine Urkunde, das, das Gericht, die Nachricht* (в позиции подлежащего); *beweisen – dieses Argument, diese Tatsache, sein Verhalten* (в позиции подлежащего); *durch Belege, Urkunden; beglücken – mit einem Buch, einem Geschenk, mit seiner Gegenwart; belegen – durch Quittungen, mit Abgaben, mit Beweisen, mit Bomben* [Wahrig].

Анализ словарных дефиниций каузативов дает возможность выявить явление инкорпорации. Глаголы речи *argumentieren, begründen, beweisen* относятся к глаголам с инкорпорированными актантами, и,

помимо «речения» включают сему «содержание речевого воздействия»: нем.: *Gründe anführen, durch Gründe erklären, den Grund legen, als Grundlage sichern, einen Grund / Gründe angeben, Argumente vorbringen, einen Beweis liefern, den Nachweis führen, den Nachweis / Beweis erbringen.*

Изучение вопросов, связанных с явлением инкорпорации актантов, представляется важным, так как исследование семантической специфики глаголов с инкорпорированными актантами дает возможность установить соотношение синтаксической и семантической валентности глаголов.

3.7.3. Синкретизм в контексте функционирования каузативов

Анализ материала демонстрирует наличие синкретизма, явления, обусловленного функционированием абстрактных отглагольных существительных. Синкретизм рассматривается как одновременное присутствие в определенном употреблении предложных конструкций сочетания или соединения минимум двух смысловых отношений предложной конструкции к остальному составу предложений. Синкретизм не равен обычной многозначности, полисемии, которая снимается контекстом. В.Т. Двинская исследует синтаксический синкретизм, который, по мнению ученого, является ярким выражением асимметричности языкового знака, вызывающей постоянное перемещение адекватной позиции знака вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации [Двинская 1989: 27; см. также Карцевский 2001].

Основной движущей силой, ведущей к изменению структуры знаков, является план содержания. В процессе развития языка ранее различно оформленные функции могут совпасть в своем выражении или совместиться в одной форме, иногда совмещенные функции дивергируют в своей номинации. Эксплицитный способ номинации функций (параллелизм формы и содержания) заменяется имплицитным (одна форма = несколько функций). Синкретичные образования обозначаются в лингвистической литературе терминами «гибридные», «контаминационные», «промежуточные», «периферийные», «диффузные», «полифункциональные».

Синкретизм трактуется как совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и

др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности.

Особую релевантность для нашей работы представляет синкретизм на лексико-семантическом уровне. Под семантическим синкретизмом понимается объединение в одном значении нескольких семантических компонентов. Синкретизм трактуется также как единство, совмещение, нерасчленимость различных содержательных сторон в одной единице выражения [См. например, Гутова 2005: 10, 21-22].

В качестве актанта-каузатора функционируют имена существительные, обозначающие актантов действия, в соответствии с однократностью (единичностью) / неоднократностью (повторяемостью, узуальностью) действия:

1) существительные, обозначающие лицо по единичному актуальному действию (конкретно-процессное значение): *“Ach, so eine Historie”, entgegnete der Capitulant leise, sein Blick versank in das Feuer, eine stille unsäglich rührende Trauer lagerte sich auf seinem Gesichte.* В данном случае *der Capitulant* относится к результативным существительным;

2) существительные, обозначающие лицо как постоянного узуального участника действия (повторяющееся, узуальное действие): *“Noch nicht” entgegnete der Schneider, sich aufrichtend; Sein Anwalt bestreite die Vorwürfe, nichts sei gegen den Willen von Lydia S. geschehen.* В данном случае отмечается синкретизм значений результативности и каузатора.

Интерес представляют также случаи функционирования в качестве актанта-каузатора в позиции подлежащего и актанта-объекта каузации субстантиватов. Под субстантиватами понимаются субстантивированные прилагательные и причастия личного значения [Смирнова 1989: 154]. Так, выделяются «оценочные» обозначения: субстантивированные общеоценочные прилагательные (актуализирующие значение «хорошо», «плохо» с различными стилистическими и экспрессивными оттенками) и частнооценочные прилагательные, в значение которых входит какой-либо компонент, относящийся к структуре оценки: *Was entgegnen Sie Kritikern, die den Begriff der Menschenrechte in diesem Kontext für zu dehnbar, also für instrumentalisierbar halten; Den Neidern ... entgegnet Leonhardt selbstbewusst; Oft spöttisch zitiert, widerlegt Exkanzler Kohl seine Kritiker* В данном случае фиксируется синкретизм значений агентивности и оценки.

Релевантным для субстантиватов является то, что они сообщают не о свойствах названного лица, а о тех, которые ему приписывает субъект

ект оценки. Выделяются также «характеризующие» обозначения, образующие названия лиц по какому-либо типичному для него внешнему/внутреннему признаку. А.А. Смирнова выделяет: 1) *субстантивированные качественные прилагательные*, непосредственно называющие признаки, внутренне присущие лицу и предполагающие возможность сравнения и градуирования, в этом случае отмечается синкретизм значений агентивности и характеристики: а) физические признаки человека: *der Hagere, Dürre, Fette, Schlanke, Große* и т. д.; б) психические свойства личности: *der Kluge, Stolze, Zarte, Feige, Kühne, Faule: Premium kann man auch wenden, entgegenen Entschlossene wie Ferdinand Piëch*; 2) *субстантивированные прилагательные*, возникшие из словосочетаний (*der Schwarzhaarige*) и суффиксальных дериватов, главным образом, отыменных прилагательных (*der Bucklige, die Geschmackvolle*) [Смирнова 1989: 155].

Синкретизм значений агентивности и идентификации представлен в «идентифицирующих» обозначениях названий лиц (речевые образования), актуализирующих представление о человеке как об участнике определенной ситуации: 1) *субстантивированные причастия I* с процессуальным значением: *der neben ihm Sitzende; der Flüchtende*; 2) *субстантивированные причастия переходных и непереходных глаголов: der Eingetretene*. Субстантивированные причастия являют собой результат номинализации эксплицитно выраженных или подразумеваемых из ситуации пропозиции. Субстантивированные причастия актуализируют совмещение двух планов: 1) указание на лицо, формальным показателем является артикль; 2) сообщение о лице (сообщение о совершаемом над ним действии): *Der Beschuldigte bestreite die Tat ...; Der Festgenommene bestreite rechtsextreme Motive; Der Beschuldigte bestreite allerdings die Vorwürfe ...*; 3) *субстантиваты*, составляющие сообщения о лице (окациональный временной признак), представленные в виде адъективных субстантиваций: *die Ohnmächtige, der Erwartungsvolle, der Pünktliche und Besonnene*.

Выделяется еще один разряд субстантиватов, обозначающие «социальные роли» человека (узуальные образования). Данный разряд субстантиватов образуется и пополняется за счет субстантиватов всех вышеперечисленных функционально-семантических групп. Значение субстантиватов приобретает социально значимый характер. Номинации данного типа относятся к человеку, включенному в систему социальных ролей: *der Bekannte, der Angeklagte, der Vorsitzende, der Kranke, der Sachverständige: Die Öffentlichkeitsbeauftragte der Berliner Ausflug-*

sreederei, Rosemarie Marotz, entgegnet jedoch, Stern und Kreis werden über die Ostertage in Potsdam Lange Brücke sehr wohl festmachen.

Данные субстантиваты указывают не только на личностный характер каузатора, но и на отношения между людьми, на социальный статус человека, на выполняемую им функцию или профессию.

Закономерности семантических соотношений двух действий – основного, целенаправленного (каузативного) и действия-средства представляют особый интерес. Релевантным считаем исследование речевых действий, так как речевые действия участвуют в самых разнообразных видах деятельности, не только собственно коммуникативной, но и преобразовательной, познавательной, оценочной. Речевое действие – определенного рода целенаправленное действие, единицей которого является высказывание. В теории речевых актов высказывание рассматривается как единица деятельности. Определенной формой речения как способа осуществления речевого действия является речевое произведение, текст. Текст представляет собой орудие особого рода – информационное, имеющее свое индивидуальное содержание, заключенное в определенную форму [Ямшанова 1991: 83]. Речение представлено как процесс произнесения некоторого текста. Содержание высказывания может быть актуализировано либо в рамках прямой речи, либо в форме речи авторской. В последнем случае произносимое может быть свернуто до указания на предмет, к которому относится информация.

В.А. Ямшанова предлагает различать степень полноты информации: 1) полная информация представлена в прямой речи или придаточным изъяснительным; 2) частичная информация обозначается номинализациями, пропозитивными (при обозначении сути информации) или предметными (при обозначении предмета информации) [Ямшанова 1991: 84].

Информативно-модифицирующие глаголы относятся, как уже отмечалось, к разряду глаголов речи и функционируют в качестве интродукторов прямой и косвенной речи: *“Diese Meinung ist nicht repräsentativ”, entgegnet Vizepräsident Mats Karlsson; Gerhard Schröder widerlegt damit immerhin die These, er wolle die SPD zum Kanzlerwahlverein reduzieren; Tapfer bestreitet Wieszorek-Zeul, dass das Fenster schon wieder geschlossen sein könnte: “Die Leute spüren, dass wir was tun müssen, auch in unserem eigenen Interesse”.*

Глаголы, вводящие прямую и косвенную речь, не только указывают на речь, они могут также характеризовать говорящего и речевой акт.

Sie behaupten: “Anstrengen mit Spaß!”

Dann behaupte ich aber: "Ich will das Leben meines Mannes retten!"

Als Experten der WHO vergangene Woche Militärkrankenhäuser in Peking besuchten, seien Sars-Infizierte aus ihren Betten geholt mit Ambulanzen durch die Stadt gefahren worden, berichten Pekinger Ärzte.

Zu Fuß seien sie von Basra nach Umm Kasr gelaufen, berichten sie den Dolmetschern wenig später.

"Anfangs wirkt das Display im Cockpit, das die Energie- und Kraftströme des Antriebsstranges anzeigt, etwas irritierend", berichtet Doris Johnsen.

"Singapur hat den geschäftigsten Hafen der Welt", erkläre ich Simone.

"Nun, ich stehe bereits etwas länger hier", erkläre ich.

Этим объясняется наличие большого количества глаголов речи, их стилистическая и семантическая пестрота. Так, например, И.И. Пелашенко обращает внимание на следующие особенности семантической структуры глаголов речи типа *versichern*, *bezeugen* 'заверять', *beteuern*, *schwören* 'клясться', *bestätigen*, *behaupten* 'утверждать', *gestehen*, *eingestehen* 'признаваться' входят семы 'речь' и 'достоверность информации', в лексемах типа *verlangen* 'требовать', *befehlen* 'приказывать', *bitten* 'просить' выделяются семы 'речь' и 'воздействие на другое лицо, побуждение к действию', в лексемах типа *vermuten* 'предполагать', *bezweifeln*, *zweifeln* 'сомневаться' на сему 'речь' наплачивается компонент значения 'предположение, сомнение', а в лексемах типа *lesen* 'читать', *schreiben* 'писать', *drahten* 'телеграфировать' представлены семы 'речь' и 'способ передачи информации' [Пелашенко 1985: 209-210].

В испанском языке также выделяются предикаты речевого воздействия (устного, письменного), в семантике которых имплицирован способ воздействия: *ordenar* – *dar una orden* 'приказывать', *mandar* – *ejercer un mando* 'распоряжаться, приказывать', *autorizar* – *declarar con autoridad*, *dar autorización* 'разрешать, давать согласие', *permitir* – *dar un permiso* 'позволять, разрешать', *culpar* – *atribuir a alguien una culpa* 'обвинять кого-либо', *halagar* – *desir halagos (palabras halagüeñas)* 'расхваливать', *abroncar* – *echar una bronca* 'бранить', *pedir* 'просить', *recomendar* 'рекомендовать', *prescribir* 'предписывать', *convencer* 'убеждать', *persuadir* 'уговаривать', *llamar* 'звать, окликать' и др.

В нашей работе сема 'речь' представлена в виде семы 'способ каузации' (неопредмеченная форма выполнения действия (осуществление воздействия)). Сема 'способ каузации' представлена в семантике

каузативов в виде речения – *erklären, behaupten, beweisen, antworten, aussagem, erwidern* и др.

Каузативы описывают или непосредственно представляют акт выражения коммуникативной интенции, актуализирующейся в момент произнесения такого высказывания: *“Ja, Mann”, hat er ihm grinsend entgegnet ...; Ich widerspreche vehement, wenn jemand behauptet, Lehrer wollten sich nicht auf neue Anforderungen einstellen; Ich bestreite nur, dass es jemals eine wirkliche Mehrheit und eine freie Entscheidung gegeben hat.*

Актуализация семы ‘интенциональность’ подчеркивает строгую направленность речевого воздействия. Каузатор, выражая свое коммуникативное намерение, указывает на способность объекта каузации к информативной модификации в пользу каузатора. Перформативное использование каузативов демонстрирует наличие семы ‘перформативность’, которая связана главным образом с семой ‘речевого воздействия’ и характеризуется описанием и симультанным совершением акта каузации [Романов 1985: 200-203]. А.А. Романов включает в сему ‘перформативности’ дополнительный признак результативности совершения вербального акта каузации [Романов 1985: 203]. Оказывая влияние на результат процесса каузации в пользу каузатора, дополнительные семантические признаки обуславливают билатеральный характер значения каузатора, в котором наблюдается совмещение значений агента и бенефициата (См. 3.7.4.)

Интересны случаи актуализации актанта-способа каузации в позиции каузатора, в этом случае также наблюдается синкретизм значений каузатора и способа каузации. Актант-способ каузации реализует следующие значения: состояние, особенности поведения, свойства; продукт речевой деятельности; психическое воздействие; познание; речевые действия.

Значение способа может вступать в синкретичные отношения и с другими значениями в пределах одной грамматической формы. Язык выработал средства, виртуально обобщающие инструментальное и каузальное значения в своей семантике. К одному из таких средств относится предлог *durch*. Ситуация, в которой функционирует предлог *durch*, может быть представлена дуалистически, так как многие исследователи признают за этим предлогом способность выражать и значение средства, и значение причины [Ямшанова 1991: 97]. Существенным для связи этих двух значений является наличие в семантике предлога *durch* «процессуально-результативной» семы: *diese Mangelvermutung durch Beweise widerlegen; durch die Analyse ähnlicher Prognosen zu*

früheren Zeiten und die schnelle Normalisierung der angekündigten technologischen Revolutionen widerlegen.

Синкретизм инструментального (опредмеченного / неопредмеченного) и каузального (причинного) значений наблюдается также при функционировании инструментального союза *dadurch dass*, в структуре которого входит предлог *durch*.

Сочетания с предлогом *in* могут актуализировать не только значение инструментальности, но и значение темпоральности («в процессе, в ходе, в течение ...): ... *die sie im Wahlkampf stets geleugnet hat; in einem früheren Brief.* В случаях *mit einem intensiven Bemühen, mit voller Härte* наблюдается синкретизм значений инструментальности, эксплицируемого предлогом *mit* и степени воздействия, а в случаях *mit "Nein!", mit einem ruhigen Satz, mit der inhaltsleeren Floskel* отмечается синкретизм способа и характера воздействия.

С.Д. Кацнельсон обращал особое внимание на синкреты: «Выделяя определенное событие, синкрет, тем самым, выделял и участников данного коллектива, и предметы, подразумеваемые данным событием, а также место и время события, но все это не эксплицитно, а в виде намека на то, что известно коллективу из опыта. Ближе всего к функции такого синкрета стоит орудие, которое самим фактом своего существования является своего рода воплощением реляционного понятия, подразумевающего агента действия и объект воздействия, все эти аргументы вместе и каждый из них в отдельности» [Кацнельсон 2001: 537]. Ученый характеризует инструменталис как первое синтаксическое проявление функции орудия, которая является промежуточной между функцией агенса и пациенса. Орудие активно, оно воздействует на объект непосредственно, но не само по себе, а в зависимости от агенса. Возникает категория опосредованного воздействия на объект, на пациенс. С.Д. Кацнельсон не только характеризует семантические роли и предикатные значения, но и реконструирует процесс их появления в языке на основе историко-генетического подхода [См. прим. Кацнельсон 2001: 580].

В окружающем мире многие объекты и явления совмещают в себе разнохарактерные свойства, которые обуславливают их взаимодействие, а также способствуют их взаимопроникновению и взаимообогащению. Синкретичные факты обогащают структурно-семантические ресурсы языка. Они нередко являются следствием экономии языковых средств и выступают как конденсаторы семантики, характеризуются более богатыми сочетаемостными возможностями, чем типичные явления, обладают полифункциональностью и отличаются особой экс-

прессивностью. Таким образом, синкретизм является мощным средством увеличения функциональной подвижности словаря без увеличения языковых знаков.

3.7.4. Перформативная и дескриптивная функция каузативных глаголов

Информативно-модифицирующие глаголы относятся к классу глаголов побуждения, которые обладают свойством перформатива. Термин «перформативный глагол» ввел в употребление в 1962 г. Дж. Остин [Остин 1986: 22-129]. Однако ранее, в 1934 г., Э. Кошмидер ввел понятие «коинциденция»: «Под коинциденцией я понимаю совпадение слова и действия ... в том смысле, что слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое действие» [Кошмидер 1962: 105-167]. Э. Бенвенист указывает на особое положение формы *я*, говоря о глаголах, обозначающих индивидуальный акт социального значения: клясться, обещать, гарантировать, удостоверять и их глагольные словосочетания типа *взять на себя, дать обещание* [Бенвенист 2002: 299]. «*Я клянусь*» является формой с особой значимостью, так как налагает на произносящего «я» реальность клятвы. Здесь высказывание есть одновременно выполнение: «клясться состоит именно в произнесении *я клянусь*, благодаря чему *Его «я»* и оказывается связанным клятвой. Высказывание *я клянусь* есть сам акт принятия на себя обязательства, а не описание выполняемого мною акта. Говоря «*я обещаю, я гарантирую*», я тем самым даю обещание и гарантии. Высказывание становится тождественным самому акту. Но это не заложено в значении глагола – именно «субъективность» речи делает такое отождествление возможным [Бенвенист 2002: 299]. *Я клянусь* – обязательство, *он клянется* – описание. Один и тот же глагол приобретает различное значение в зависимости от того, принимает ли «субъект» выражение или действие как свое или же этот глагол находится вне «лица».

Рассматриваемым каузативам свойственны перформативная и дескриптивная функции.

Информативно-модифицирующие глаголы разряда опровержения допускают перформативное употребление:

leugnen – 33,6 %, *bestreiten* – 9 %, *widersprechen* – 2 %:

“*Ich widerspreche dem Bundeskanzler, wenn er das Nettozahlerthema nur mit der Agrarpolitik verbindet und diese zum Sündenbock macht*”, sagte Sonnleiter;

Im Übrigen bestreite ich, dass die bisherigen und die noch geplanten Ökosteuererhöhungen die Menschen überfordern;

Nun leugne ich dir gegenüber nicht, dass mein Trieb täglich unüberwindlicher wird, eine öffentliche Person zu sein und in einem weiteren Kreise zu gefallen und zu wirken.

Отличительной особенностью каузатива *leugnen* является то, что перформативное употребление этого глагола почти во всех случаях нашего эмпирического материала сопровождается отрицанием. Ю.Д. Апресян, исследуя семантические проявления перформативности, отмечает, что «значительная группа перформативов утрачивает под отрицанием перформативную функцию» [Апресян 1995, Т. II: 207]. Однако, по мнению ученого, существует небольшое число перформативов, которые сохраняют под отрицанием свое обычное лексическое значение и при этом не утрачивают перформативности. Это касается, прежде всего, тех перформативов, которые в сочетании с отрицанием близки по смыслу с другими эксплицитными перформативами и являются антонимами, что и может быть продемонстрировано в случае с *leugnen*: *bekennen, zugeben, (ein)gestehen*.

Сема «способа каузации» в семантическом потенциале информативно-модифицирующих глаголов представлена в виде предложения – *erklären, behaupten, leugnen, bestreiten, beweisen, antworten, aussagen, erwidern*, в английском языке также с помощью глагольной семантики – *to say, something written or spoken; to express (mit Worten ausdrücken) [LPD]; to prove, to argue, to debate:*

нем.: bestreiten – erklären, behaupten, leugnen [Wahrig]; sagen, gestehen [LG]; abstreiten, leugnen, dementieren, verneinen [Bulitta]; erklären [Agricola]; ableugnen, absprechen, abstreiten, dementieren, leugnen, verneinen [Ip]; abstreiten [Duden];

leugnen – bestreiten, erklären [Wahrig]; sagen [LG]; verleugnen, abstreiten, ableugnen, bestreiten, verneinen [Bulitta]; ableugnen, abstreiten, bestreiten, verleugnen, verneinen [Ip]; abstreiten, verleugnen [Duden];

entkräften – widerlegen, beweisen [Wahrig]; nachweisen / beweisen [Bulitta]; widerlegen [Duden];

entgegenen – antworten, erwidern [Wahrig]; antworten [LG]; beantworten, antworten, kontern, erwidern, reagieren [Bulitta]; widersprechen, antworten, dagegenhalten, aufbegehren, einwerfen [Ip]; antworten [Duden];

widerlegen – beweisen [LG]; entkräften nachweisen / beweisen, [Bulitta]; entkräften [Ip];

widersprechen – behaupten, aussagen [Wahrig]; erklären [LG]; verneinen, widerreden, bestreiten, erklären [Bulitta]; bestreiten, einwenden, ent-

gegenen, erwidern, widerstreiten, widerreden [Ip]; antworten, entgegenstehen, entkräften, beweisen, abstreiten, antworten [Duden];

англ.: to object – to express, to strive, debate, to quarrel [AHCD]; to express [CDAE]; say [ALDCE]; express, protest, state [ODT];

to contradict – to say [AHCD]; to state [CDAE]; say, deny [ALDCE]; deny or express [ODT];

to confute – to prove [AHCD]; prove [ALDCE]; prove [ODT];

to decline – to refuse [AHCD]; reply [ODT];

to refuse – to state [AHCD]; to say [CDAE]; express, say [ALDCE];

to refute – to prove [CDAE]; prove, rebut, repel, deny or contradict [ODT];

to reject – to refuse [AHCD]; to refuse [CDAE]; refuse [ALDCE]; refuse, rebut [ODT];

to disprove – to prove, refute [AHCD]; to prove [CDAE]; prove to be untrue or false [ALDCE]; prove, refute [ODT];

to dispute – to argue, debate, to question [AHCD]; talk, debate, quarrel, question, say, oppose [ALDCE]; debate, argue, quarrel, discuss, question [ODT].

Информативно-модифицирующие глаголы разряда подтверждения также демонстрируют перформативное употребление:

bezeugen – 46,98 %, behaupten – 10,89 %, bestätigen – 2,64 %, bekräftigen – 1,36 %, bescheinigen – 0,5 %:

Ich behaupte aber, dass man kein einzig tüchtiges Zeugnis für Ihre Meinung anführen kann.

Aber ich behaupte ganz einfach, dass wir in den Vereinigten Staaten in einer Sicht der Dinge übereinstimmen, die besser, fairer und realistischer ist: dass nämlich Verantwortung aus Flexibilität folgt.

Hanswurst: Ich behaupte, es ist keiner drin.

Leander: Ich behaupte, es ist Witz darin.

Ich bekräftige erneut, dass die türkischen Zyprer die Wiedervereinigung und EU-Mitgliedschaft fordern".

"Den überlebenden Privatbanken bescheinige ich eine gute Zukunft", sagt Krockow, gut gelaunt, wenige Stunden bevor er jüngst im Spanischen Barocksaal der Prager Burg die Eröffnung einer Repräsentanz feiert.

"Das bekräftige und unterschreibe ich".

"Hoheit", sprach Karl Bourbon, "ich bezeuge meine schuldige Ehrerbietung und bitte um Gehör für eine Botschaft der Kaiserlichen Majestät".

"Stell dir vor, ich trete selbst auf und bezeuge, dass der Bursche das Gold von mir bekommen hätte!".

Ich bezeuge hiermit vor dem Allwissenden, dass ich nur Wahrheit schreiben will, es betreffe meine Zeit, oder es betreffe die alten einzelnen Papiere.

"Ich bestätige, dass ich mich nicht verstecke oder auf der Flucht bin und dass die Polizei mich nicht sucht, weil sie wissen, wo ich lebe und meine Adresse kennen", sagte der Mann in dem Interview, das mutmaßlich in London aufgezeichnet wurde.

"Ich bestätige diese Wahl, und ich ernenne Herrn Ahmadedschad zum Präsidenten der Islamischen Republik Iran".

"Ich bestätige weder das Wort noch den Vorgang", so die Kanzlerkandidatin.

В немецком языке в семантике каузативов подтверждения представлены следующие глаголы речи:

нем.: *bekräftigen – bestätigen, unterstützen [Wahrig]; betonen, [LG]; beglaubigen, bezeugen, versichern, bestätigen, beschwören, beeiden, vereidigen [Bulitta]; beglaubigen, bestätigen, bezeugen, ermutigen, unterstützen, vereidigen, versichern [Ip]; beglaubigen, festigen [Duden];*

bescheinigen – bestätigen, bezeugen [Wahrig]; bestätigen, erklären [LG]; beglaubigen, bestätigen, beurkunden, bezeugen [Ip]; beglaubigen, bestätigen [Duden];

bezeugen – beglaubigen; bestätigen, erklären [Wahrig]; sagen [LG]; aussagen, beeiden, bekunden, bestätigen, [Ip]; beglaubigen, zeugen [Duden];

behaupten – erklären, versichern [Wahrig]; erklären [LG]; erklären, versichern [Agricola]; bestehen, beteuern, betonen, sagen, versichern [Ip]; behaupten [Duden];

bestätigen – erklären, versichern [Wahrig]; sagen, erklären, mitteilen [LG]; mitteilen, erklären, bekunden, beglaubigen, versichern, bezeugen, bekräftigen, bestärken, bejahen, ermutigen, unterstützen [Bulitta]; erklären, mitteilen [Agricola]; beglaubigen, bekräftigen, bejahen, bekunden, bescheinigen, beweisen, bezeugen, erhärten [Ip]; beglaubigen, bescheinigen, festigen [Duden];

erhärten – bekräftigen, bestätigen [Wahrig];

англ.: *to confirm – to support [AHCD];*

to testify – to express or declare, to declare, to state or affirm [AHCD]; to speak [CDAE]; declare [ALDCE]; affirm or declare [ODT];

to acknowledge – to admit, to express, to report [AHCD]; agree or admit [ALDCE]; admit, confirm [ODT];

to approve – confirm, to prove [AHCD]; speak, say [ALDCE]; confirm, [ODT];

to claim – to demand or ask, to state, to question, [AHCD]; to state [CDAE]; say [ALDCE].

Глаголы речи, в свою очередь, демонстрируют наличие семы «способ каузации», которая актуализируется также именами непредметной семантики: нем.: *durch Eid, aufgrund eigenen Wissens, mit Bestimmtheit, Argumente, eine Behauptung*; англ.: *certainty, testimony, belief, statement, witness, evidence, based on personal acknowledge*.

Семантический потенциал глагола *erhärten* расширяется при актуализации в контексте, например, сема «способ каузации» также фиксируется в семантике имен: *mit eidesstattlichen Erklärungen, die Vorwürfe, die Vermutungen der Kommission, mit einer Publikumsbefragung*.

На материале английского языка такого рода актуализация «способа каузации» встречается в семантике каузативов *to confirm, to testify*; в немецком языке представлена в толковании *bekräftigen, bezeugen, behaupten*.

Информативно-модифицирующие глаголы разряда демонстрации также фиксируют перформативное употребление:

erklären – 21,84 %, informieren – 3,12 %, demonstrieren – 1,34 %, hinweisen – 1,32 %:

Ich demonstriere damit meinen Gehorsam gegenüber meinem Gott", begründete Weiß ihr Beharren auf die im Unterricht verbotenen Kopfbedeckung.

"Blödsinn", sagt etwa meine dreizehnjährige Tochter, als ich sie darauf hinweise, dass ich ihr das neueste Album von XYZ nicht einfach aus dem Web "besorgen" könne, weil das verboten sei, "und warum verkaufen die dann Brenner?"

Ich erkläre hiermit: Ich strebe das Amt des HSB-Präsidenten nicht an.

Ich erkläre ihnen dann, welche Möglichkeiten sie haben und helfe ihnen, ihre Interessen gegenüber Behörden oder der Uni zu vertreten.

Ich erkläre es einmal so: Da bemüht man sich seit Jahren, diese Frühstückseier weich zu kochen – und dann vereiert man es doch immer mal wieder.

Befiehlt man ihm: "Bring den Müll raus", dann schlägt er die metallischen Hacken zusammen und schnarrt: "Hiermit erkläre ich das Müllrausbringen zur Chefsache", und weg ist er.

Schließlich legt er den Putzschwamm zur Seite und sagt: "Hiermit erkläre ich dich für unverbesserlich und den Abwasch als beendet!"

Ich informiere die zuständigen Stellen über das Risiko.

В немецком языке семантическая структура каузативов демонстрации включает также сему «средство каузации» кинематического ха-

рактера: *anschaulich vorführen; etwas anschaulich vor Augen führen; auf etwas oder jmd. zeigen, hinweisen; auf etwas zeigen*. Данная сема не выявлена в семантическом толковании глагола *informieren*.

Сема «способ каузации» представлена в словарном толковании каузативов в виде «речения», например, нем.: *erklären – aussprechen; informieren – jmd. benachrichtigen, aufklären, Erkundigungen über etwas einziehen, j-m. etw. mitteilen, verkündigen*; англ.: *to tell (someone) about something; to announce or express; by explaining; to state; informing about something; by describing or giving information about it; to explain; to let something become known by what you say*:

нем.: *demonstrieren – beweisen [Wahrig];*

hindeuten – ankündigen [Wahrig];

informieren – benachrichtigen, aufklären, belehren [Wahrig]; mitteilen [LG];

erklären – erläutern, äußern, aussprechen [Wahrig]; verkündigen, bestätigen verkünden [LG];

англ.: *to inform – to tell [CDAE];*

to declare – to announce or express [CDAE];

to announce – to state [CDAE];

to enlighten – inform or instruct [AHCD];

to explain – to define, expound; to offer [AHCD].

Информативно-модифицирующие глаголы группы **доказательства** не употребляются в перформативной функции, лишь глагол *argumentieren* функционирует в ряде случаев – 1,9 %: *Ich argumentiere lieber, dass es schneller geht, wenn sie uns was fragen können*", erklärt Maria.

Значение 'говорить' фиксируется в словарном толковании, прежде всего, глаголами речи. Данный элемент значения обозначен, как уже отмечалось выше, семой «способ» (способ осуществления действия, сема локутивности):

нем.: *begründen – erklären [Wahrig]; argumentieren, beweisen [Ip]; argumentieren, erörtern [Duden];*

beweisen – bestätigen [Wahrig], begründen, bestätigen [Ip];

argumentieren – begründen, erörtern [Ip]; begründen [Duden];

belegen – beweisen [Wahrig, LG, Bulitta, Agricola, Ip];

beurkunden – beweisen [Wahrig], bestätigen [LG];

dokumentieren – beweisen [Wahrig, LG, Ip];

nachweisen – beweisen [Wahrig, Agricola]; begründen, beweisen, belegen [Ip]; beweisen, belegen [Duden]; beweisen; ... , was man behauptet [LG];

англ.: *to persuade – convince [ODT];*

to substantiate – to prove [AHCD];

to wheedle – to persuade [AHCD];

to cajole – to persuade [AHCD];

to coax – to persuade [ODT];

to dissuade – to persuade [AHCD, CDAE, ODT];

to talk out of – to persuade (AHCD); discuss [ODT];

to argue – debate, to persuade, dispute [AHCD]; persuade [ALDCE, ODT];

to admonish – to tell [CDAE]; warn [ALDCE, ODT];

to assure – to promise or tell [CDAE]; say [ALDCE]; tell [ODT];

to convince – to prove [AHCD]; persuade [ODT].

В немецком языке искомое значение представлено глаголами *erklären, argumentieren, beweisen, bestätigen, begründen, erörtern*, в английском языке – *to tell, to persuade, to say, to promise* и т.д.

В немецком языке в словарных толкованиях доминирует интерпретация значения с помощью глаголов речи; в английском языке сема «способ» представлена следующим образом: *to persuade – by reasoning, arguing; asking; by explainig; to wheedle – by flattery or endearments; by asking; to cajole – by ... promises; by saing; to coax – by persuading; to talk out of – by talking; to discuss; to argue – by reasoning; to explain; to admonish – to tell; to assure – to promise or tell; say; tell.*

Инструментальное значение представлено богатой палитрой средств в рамках каузативной конструкции с информативно-модифицирующими глаголами в структуре перформативного предложения:

1) функционирование глагола поля речи *sagen*:

– *"Ich **sage** und bezeuge es!*

– *So **sage** ich nun und bezeuge in dem Herrn, dass ihr nicht mehr wandelt, wie die andern Heiden wandeln in der Eitelkeit ihres Sinnes.*

2) предложные сочетания с прототипическим средством выражения значения инструментальности *mit* в немецком языке:

– *Es ist nicht nötig, daß ich **mit vielen Worten** bezeuge, ...*

3) конкретное действие кинематического характера:

– *"Das sind Rowdys, Gesindel, das bekräftige und **unterschreibe** ich", sagte der Minister.*

4) экспликация косвенной речи:

Sie bestätige, dass "der Außenminister die Unwahrheit gesagt habe und der Erlass ursächlich für eine rechtswidrige Visa-Politik gewesen" sei [Ip].

В разряде изучаемых каузативов не все каузативы обладают свойством перформативного употребления, т.е. глагол может относиться к разряду глаголов речи, но не обязательно должен быть перформативным глаголом. Е.Е. Корди считает, что «большинство каузативных глаголов обладают этим свойством. Например, перформативами являются глаголы *prier* 'просить', *supplier* 'умолять', *ordonner* 'приказывать', *permettre* 'позволять', *autoriser* 'разрешать', *conseiller* 'советовать', *recommander* 'рекомендовать', *interdire* 'запрещать', *défendre* 'запрещать'. Напротив, глаголы *convaincre* 'убеждать', *persuader* 'убоуживать', *dissuader* 'отговаривать', *commander* 'командовать', *déconseiller* 'отсоветовать' не обладают свойством перформативности» [Корди 1985: 191].

Принимая во внимание частотность функционирования в перформативном контексте, можно сделать вывод, что для каузативов *leugnen*, *bezeugen* перформативная функция является одной из ведущих, для остальных каузативов основной функцией является дескриптивная. Дескриптивное употребление трактуется также как констативное, т.е. как просто описывающее действие.

Идея совпадения слова и действия присутствует во всех дефинициях перформативности. Выделение перформативов дает возможность выделить канонические перформативы. Ю.Д. Апресян использует расширенную номенклатуру иллокутивных актов и предлагает следующие типы: 1) специализированные сообщения и утверждения (*докладывать*, *доносить*, *заявлять*, *извещать*, *напоминать*, *объявлять*, *отрицать*, *подтверждать*, *удостоверять*, *убеждать* и т.д.); 2) признания (*виниться*, *каяться*, *признаваться* и т.д.); 3) обещания (*гарантировать*, *давать обет*, *давать обещание* и т.д.); 4) просьбы (*заклинать*, *молить*, *просить* и т.д.); 5) предложения и советы (*звать*, *приглашать*, *призывать*, *рекомендовать* и т.д.); 6) предупреждения и предсказания (*предостерегать*, *предупреждать*, *предрекать*, *предсказывать* и т.д.); 7) требования и приказы (*наказывать*, *настаивать*, *приказывать*, *предлагать* и т.д.); 8) запреты и разрешения (*запрещать*, *давать право*, *позволять* и т.д.); 9) согласия и возражения (*признавать*, *соглашаться*, *возражать*, *противоречить* и т.д.); 10) одобрения (*благословлять*, *одобрять*, *хвалить*, *расхваливать* и т.д.); 11) осуждения (*обвинять*, *порицать* и т.д.); 12) прощения (*оправдывать*, *прощать* и т.д.); 13) речевые ритуалы (*благодарить*, *желать удачи*, *извиняться*, *поздравлять* и т.д.); 14) специализированные акты передачи, отчуждения, отмены, отказа (*брать назад свое слово*, *давать отвод* и

т.д.); 15) названия и назначения (*назначать, нарекать* и т.д.) [Апресян 1995 II: 200-202].

Семантическое толкование всех исследуемых нами глаголов включает компонент «речь», «говорить», «речение». «Было бы хорошо, если бы свойство перформативности было сводимо к определенному семантическому компоненту в толковании глагола, т.е. если бы наличие этого компонента было необходимым и достаточным условием для его перформативного употребления [Апресян 1995 II: 210].

В смысл всякого перформативного глагола существенным образом входит компонент «говорить». Это положение применимо для большинства, но не для всех перформативных глаголов. Наличие компонента «говорить» в семантическом потенциале глагольной лексемы характерно не для всех перформативов (*повиноваться, посвящать, жаловать* и т.д.).

В нашем случае семантический потенциал всех исследуемых глаголов включает компонент «говорить» (способ каузации). Однако не все исследуемые глаголы демонстрируют данное свойство, т.е. они не обладают свойством перформативности. Релевантным представляется не собственно смысл «говорить», а его статус в семантической структуре лексемы. Необходимо, чтобы он входил в ассертивную, а не в пресуппозитивную часть толкования. «Наличие смысла «говорить» в пресуппозиции еще не создает свойства перформативности» [Апресян 1995 II: 211]. Высказывания типа *Ich überzeuge, *Ich erhärte не могут быть перформативными, так как говорящий не может рассчитывать на то, что собеседник согласится с его доводами и изменит свою систему убеждений, если об этом прямо ему объявляется. Данные случаи рассматриваются как факт «иллокутивного самоубийства», а сами глаголы как квазиперформативы.

Перформативное употребление ограничивается наличием предиката «цель», что ярко представлено группой глаголов доказательства: *begründen, beweisen, argumentieren, beurkunden, dokumentieren, nachweisen* (с целью убедить в своей правоте, с целью каузировать считать).

Тезис о связи перформативности со смыслом «говорить» верен не относительно перформативных глаголов, а относительно перформативных высказываний. Перформативным является любое высказывание, произнесение которого говорящим равносильно однократному выполнению действия, обозначенного в этом высказывании группой сказуемого. Семантическое представление каждого такого высказывания действительно содержит смысл «говорить». Автоматически вы-

вести свойство перформативности лексемы из смысла «говорить» или свести перформативность к этому смыслу не удастся.

3.7.5. Семантико-денотативная вариативность категории инструментальности в каузативной ситуации

Семантика инструментальности неоднократно являлась объектом исследования на материале различных языков. В настоящем исследовании предполагается выявление и соотнесение средств выражения инструментального значения, вербализованных в немецком языке. Под концептосферой инструментальности понимается совокупность стереотипных знаний и представлений об инструментальности, определяемой как «все то, с помощью чего некий субъект воздействует на объект для достижения определенного результата». Выделяются предметная и не предметная инструментальность. Предметная инструментальность определяется через понятие материального инструмента, а не предметная инструментальность включает актуализацию действия-способа.

Человек использует в качестве средств осуществления своей деятельности самые разнообразные ресурсы – предметы, действия, состояния, свойства, информацию, силы природы. Анализ многочисленных классификаций «инструментов» по денотативному признаку, по мнению В.А. Ямшановой [Ямшанова 1991], показывает, что на материале разных языков в первую очередь выделяется такой признак инструментальности как предмет. Д. Нильсен говорит о необходимости рассмотрения инструментального отношения в более широком смысле – не только то, что обычно понимается как орудие (лопата, саксофон, самолет), но и такие «вещи», как законодательная власть и даже возможно, чье-либо влияние [Nilsen 1973: 103].

С семантической точки зрения информативно-модифицирующие каузативы немецкого языка обозначают способ, стратифицируя его на самые разнообразные разряды:

– Собственно «орудия» – артефакты, специально изготовленные и предназначенные для выполнения определенных функций. Орудия этого класса можно разграничить на:

1.1. «Твердые физические предметы»: *ih* *romanisches Portal beweist*; *der stumpfe Turm mit gotischem Bausystem beweist*; *beweist ... der Grenzstein zweier Kulturepochen*.

1.2. «Окказиональные орудия» – предметы, используемые субъектом в практических целях в их переносной функции: *Nur zu einem schlüssigen Paket, mit dem man offensiv argumentieren könnte, ...*

1.3. «Неотчуждаемые орудия» – части тела человека, участвующие в осуществлении инструментального действия, т.е. действия, реализуемого неким субъектом с помощью средства: *das langsam gleichmäßige Sichheben und –senken der breiten Brust bewies ...; beweist nicht diese Träne in Ihren Augen.*

2. Одушевленные лица, «посредники», участвующие в осуществлении инструментального действия, инициируемого субъектом.

2.1. «Лицо»:

2.1.1. Официальные посредники – люди, выполняющие функцию посредничества, входящую в сферу их профессиональной деятельности: *bei der Zuwanderung im Einklang mit Agigatoren vom rechten Rand der Gesellschaft zu argumentieren; von EU-Kommission Mario Monti versichert.*

2.1.2. Неофициальные посредники: *über den Sender versichert.*

3. «Речевые действия»: *das wüste Geschrei der Menschen bewies; die Vorwürfe ... erhärten.*

4. Состояния, особенности поведения, свойства: *dass ihr Stil die Überwindung dieses Stadiums beweist [Böll Zur ...]; Ein Rennen und Laufen und Schreien, ... das sonderbar unheimliche Sichneigen des Schiffesalles bewies ...; der nächste Moment bewies; der andere Lärm beweist; Ihr Zurückhalten beweist mir alles.*

5. Положение дел: *diese erfreuliche Tatsache beweist.*

6. Продукт речевой деятельности: *der Brief von seiner Hand ... bewies mir; diese schwülstige, phrasenhafte und lächerliche Inschrift im Geist des Orients auf dem Krönungsmantel des Normannenkönigs beweist ...; in den Medien informieren.*

7. Средства электронной коммуникации (киберпространство (среда): *im Internet informieren; mit dem Megafon ... zu informieren; auf den obengenannten Internet-Seiten informieren; nutzen ... das Internet, um ... zu informieren; macht .. das Web, informieren.*

8. Событие: *informieren auf der Fahrt; werden zu Treffen eingeladen, um ... zu informieren; auf dem DFB-Bundestag ... informieren.*

9. Преобразовательное воздействие на предмет: *... weil man mit Tortengrafiken und Erhebungen so ziemlich alles beweisen kann.*

10. Физическое воздействие: *mit Schlägen überzeugt man niemanden; wie schon jeder körperliche Schmerz beweist; indem sie ihr Gesicht bedecken, beweisen sie [Böll Zur ...].*

11. Психическое воздействие: das selige Aufleuchten in seinen großen Augen bewies

12. Социальная деятельность: mit Lieferservice einen nur bedingt aufmuntern, mit dem Verkauf eines halben Käsebrötchens beweisen; beweisen bereits Sportgeist mit ihrem Engagement in der Formel 1; Die Amerikaner argumentieren immer noch auf Grundlage der Kuwait-Resolutionen von 1990 und 1991; das regere Leben ... bewies; einige Urlaube in der Heimat ihm bewiesen [Böll Zur ...]; argumentieren mit der Niederschlagung der Klagen; argumentieren mit dem zu erwartenden wirtschaftlichen Wachstum durch die EU-Anbindung; mit einer gerechteren Verteilung der Flugübungen innerhalb Deutschlands argumentieren.

13. Познание: durch die nachdrückliche Beschäftigung mit den alten Philosophen ein gewisses Anwachsen von Dämonengläubigkeit feststellen; und das behaupte ich durch meine Erfahrung; mit so grausamer Klarheit bewies; diese argumentieren mit Werten wie Sicherheit, Humanität und Gerechtigkeit; Das Vergleichen bezeichnet eine Methode, mit der wir uns eingehend über die Wirklichkeit informieren; beweist der Vergleich mit den Tieren; hier hätte die Forschung ihren Wert beweisen können [Kafka Beschreibung ...].

14. Оценка: die Stärke der Freiheit aus der Kraft und Überkraft des Geistes beweist sich durch Skepsis.

15. Общение: einander mit Küssen begrüßen; auf einer Versammlung informieren.

16. Речевая коммуникация: sich durch Sprechen äußern, Herr Proudhon beweist es, indem er es behauptet; mit eidesstattlichen Erklärungen zu erhärten; die Vermutungen der Kommission; in einem Spitzgespräch ... informieren. В случаях durch Sprechen, in einem Spitzgespräch наблюдается синкретизм значений каузатора и способа каузации в виде речевого действия.

17. Неречевая коммуникация: sich durch Beifallskundgebungen äußern; in den Käfig geklettert war, um seine Tapferkeit zu beweisen; und um die Amme zu beruhigen, und seinen eigenen Mut unter Beweis zu stellen, hob Terrier den Henkelkorb hoch und hielt ihn sich unter die Nase [Süskind Parfum]; bewies der Ausdruck der brutalen Gesichter seiner Angreifer. В последнем случае также фиксируется синкретизм значений каузатора и способа каузации.

Значительная часть средств выражения инструментальности находится в зоне синкретизма. Многие из них расположены на пересечении с функционально-семантическим полем причины, с которым функционально-семантическое поле инструментальности, точнее входящее

в его состав микрополе способа, имеет общий сегмент [Ямшанова 1991: 148]. Инструментальное и причинное значения могут быть выражены одними и теми же языковыми средствами. Причинность представляет собой реальный способ существования субстанции в действии, что объединяет ее с инструментальностью, фактором реализации которой, как известно, является система деятельности. В пределах последовательности «средство→результат» действуют две причинные цепочки: «средство (каузируемое событие) → следствие» и «следствие (каузирующее событие) → результат», в каждой из которых первое звено выступает в качестве причины, а второе – в качестве следствия [Ширшикова 2005: 10].

Опредмеченной формой речения как способа осуществления речевого действия является речевое произведение, текст. Текст являет собой орудие особого рода – информационное, имеющее свое индивидуальное содержание, заключенное в определенную форму [Ямшанова 1991: 83]. Функционирование информативно-модифицирующих каузативов демонстрирует наличие прямой и косвенной речи, в рамках которых передается содержание высказывания. Полный объем информации обычно выражается в прямой речи или в придаточном изъяснительном предложении, частичный объем информации актуализируется номинализациями, пропозитивными (при обозначении сути информации) или предметными (при обозначении предмета информации). Например, *FBI-Chef Müller hatte am Montag berichtet, dass er wegen des Fanatismus der derzeitigen Terrorgruppen sehr schwer sei, Informanten in deren engsten Führungskreis einzuschleusen und Terroranschläge so zu verhindern; FBI-Chef Müller hatte über die Schwierigkeiten im Kampf gegen die derzeitigen Terrorgruppen berichtet; FBI-Chef Müller hatte über die Verhinderungen der Terroranschläge berichtet.*

Информативно-модифицирующие каузативы в немецком языке функционируют в каузативных структурах с подчиненной пропозицией. Подчинительная конструкция содержит косвенную речь. Главный глагол и средства присоединения косвенной речи образуют структурное ядро подчинительной конструкции, их семантика взаимосвязана и взаимообусловлена. Например,

Sie argumentieren damit, dass die Kriegsparteien schließlich auch das Recht hätten, mit der Kriegsbeute nach ihrem Gusto zu verfahren.

Dieses freute mich sehr, und ich versicherte ihm, dass es mich aufmuntern würde.

Als ihn Mr. Marreco darauf hinwies, dass Griechenland unausweichlich mit dem Abschluss aus dem Europarat rechnen müsse, sagte Pattakos: "Sie sollen uns hinauswerfen" [Böll Ende ..].

Конъюнктив зависимого глагола в немецком языке является одним из маркеров косвенной речи [Moskalskaja 1983; Schendels 1982]. Ситуации, представленные этими глаголами, как демонстрируют вышеприведенные случаи, чаще всего реальные. Однако возможны предположительные, ирреальные ситуации: *Gern hätte ich die Großmutter getröstet und ihr gesagt, dass uns neue wunderbare Zeit bevorstehe [Becher]*. В данном случае конъюнктив получает двойную семантическую нагрузку [Schendels 1982], так как маркирует косвенную речь и выражает гипотетичность, ирреальность. В работе «Grammatik der deutschen Gegenwartssprache» подчеркивается: «Der wichtigste Funktionsbereich des Konjunktivs ist die indirekte Rede. Zählungen bestätigen, dass hier der Konjunktiv am häufigsten auftritt (293)... Als Grundregel gilt: Der Normalmodus der indirekten Rede ist der Konjunktiv. Er kann immer gewählt werden und ist daher niemals falsch (297)» [Duden 1995: 162-166]. Например, *Der Ausbruch sei "unter Kontrolle", versichert gebetsmühlenhaft Pekings Gesundheitsminister Zhang Wenkang, der am Wochenende Honkong besuchte*.

Организация речевого действия в существенных чертах подобна организации любого другого действия, но она обладает и специфическими чертами. Речевое действие объединяет множество разновидностей: просьба, требование, совет, обещание и т.д. От неречевых действий оно отличается особым способом осуществления – речение, т.е. произнесение (написание) некоторого высказывания. Речевая деятельность, протекающая в процессах говорения и понимания, – это языковая система в действии, или функционирование языка [Кацнельсон 1972: 102]. Процессы говорения и слушания-понимания опосредуют переход от системы языка к речевым текстам. Л.В. Щерба подчеркивает, что процессы говорения активны; они создают речевые тексты. В процессе говорения мы сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, во всяком случае, не только употребляем услышанные сочетания, но постоянно делаем новые.

В.А. Ямшанова, рассматривая инструментально-речевую ситуацию, определяет иерархию действий, расположенных на трех уровнях [Ямшанова 1991: 82]. Верхний уровень иерархии образует целенаправленное (обычно неречевое) действие (деятельность). Данное действие относится к разряду действий высокой степени абстракции. Средний

уровень составляет конкретное речевое действие, выступающее как средство осуществления целенаправленного действия верхнего уровня. Нижний уровень представляет речение, являющееся способом осуществления речевого действия. По словам В.А. Ямшановой, речевое действие выступает одновременно и в инструментальной функции по отношению к целенаправленному действию, составляя его операционный аспект, и как самостоятельное целенаправленное действие по отношению к речению. Г. Гревендорф высказывает следующее мнение: «*Hat eine Äußerung einen bestimmten kausalen Effekt ..., so vollzieht man mit ihr – dadurch, dass man etwas sagt – auch noch einen perlokutionären Akt [Grewendorf 1980: 287-293].* Речевое действие *Äußerung* выступает как способ осуществления другого, «более высокого» действия *einen perlokutionären Akt vollziehen* и одновременно характеризуется через свой конкретный способ осуществления – говорение: *dadurch, dass man etwas sagt*.

Экспликация целенаправленного действия может быть актуализирована речевой деятельностью как средством его осуществления и речением как средством осуществления речевой деятельности. Информативно-модифицирующие каузативы функционируют в каузативной ситуации, в которой инструментально-речевая ситуация может быть обозначена расчлененно – структурой гипотаксиса с двумя придаточными: придаточным инструментальным с союзом *indem* или *dadurch* и придаточным изъяснительным: *Hermine erwiderte diese Gnade dadurch, dass sie behauptete, es müsse...; Da fragt sich Jack verzweifelt, wie er das Herz der Mutter einer Angebeteten erobern kann und versichert seiner Schlagzeugerin schon mal, dass er sie immer erreichen könne.*

Речевое действие может иметь вид номинализированного представления в рамках главного предложения: *... und störte ihn zuletzt noch hier in seinem Arbeitszimmer mit der Empfehlung, er möge ... denken; Gemma bezog jetzt die nahe Villa und allen Besuchen beugte sie vor durch die Nachricht, sie sei anämisch, immer auf weiten Spaziergängen.*

Информативно-модифицирующие каузативы функционируют чаще в структурах гипотаксиса в рамках главного предложения, в рамках придаточного заключено содержание речи: *Schröder könne jetzt argumentieren, dass er Handlungsstärke demonstriert habe, nachdem neue Fakten zur Honarar-Affäre bekannt geworden seien.*

Интенциональные действия могут быть осуществлены разнообразными способами, как речевыми, так и неречевыми, что отражается в параллельном употреблении обозначений этих действий: *... es muss*

jetzt alles noch bewiesen werden, am besten mit Zeugen und Zahlen und irgendwelchen lächerlichen Versuchen [Süskind Parfum].

Коммуникативно значимым является и молчание, действие, маркированное нулевой вербальностью: *Und der Bayer hatte sein Einverständnis mit Schweigen bekundet; Und jeden, der sich ihm mit irgendeiner Bitte oder Schmeichelei zu nähern suchte, vertrieb er durch das Schweigen; ... bewies durch keine Antwort*. Изучение речевой коммуникации помогло установить ряд закономерностей, связанных с ролью коммуникативного намерения, фактора адресата, характера коммуникативного взаимодействия. Однако люди не всегда говорят. Иногда они молчат, при этом молчание оценивается выше, чем разговор. На этот факт обращает внимание В.В. Богданов [Богданов 2007: 174-179]. В пословицах и поговорках мы встречаем: русск.: *слово – серебро, молчание – золото; молчанье – золотое словечко; молчок сто рублей; и за молчание гостинцы дают; кстати промолчать – что большое слово сказать; кто молчит, тот двух научит; доброе молчанье чем не ответ?; молчанкой никого не обидишь*; англ.: *speech is silver but silence is gold; silence gives consent; no wisdom like silence*; нем.: *Schweigen zur rechten Zeit übertreibt Beredsamkeit; Schweigen ist eine Kunst, viel Klaffen bringt Ungunst; Reden ist Silber, Schweigen ist Gold; besser schweigen als das Maul verbrannt; schweigst du still, so ist's dein Will; Schweigen und Denken kann niemand kränken; Schweigen ist auch eine Antwort; wer schweigt, bejaht; bemerke, höre, schweige; vom Schweigen tut dir die Zunge nicht weh; ein kluger Kopf hat einen geschlossenen Mund*.

Молчание как нулевой знак многозначно и его конкретное значение определяется условиями конкретного речевого акта. При этом выделяется несколько причин, способствующих предпочтению молчания как нулевого коммуникативного знака: 1) вербальная невыразимость того, что целесообразно было бы сообщить; 2) наличие большого общего тезауруса у коммуникантов, снижающего их коммуникативные потребности; 3) наличие ситуации однозначно определяющей то, что должны были бы говорить коммуниканты, если бы они говорили; 4) по соображениям вежливости по причинам культового характера, условности, принятые в данном обществе [Богданов 2007: 176]. Молчание вне речевого акта ничего не значит, а слово и предложение имеют смысл и вне речевого акта.

Функционирование информативно-модифицирующих каузативов демонстрирует актуализацию в качестве грамматических средств выражения способа девербативов с процессуальным значением: соматизмы – *Bewegung, Schlag, Schritt, Ausdruck des Gesichtes, Blick*; речевые

акты: *Frage, Antwort, Befehl, Geschrei*. Например: *Es ist fast müßig eine Stadt zu loben, die fast zweitausend Jahre lang ohne viel Geschrei ihre Anziehungskraft bewiesen hat [Böll Zur ...]; ... das wüste Geschrei der Menschen bewies zur Genüge, in welchem Zustande sie sich befanden; der Ausdruck der brutalen Gesichter seiner Angreifer; ... beweist ein Blick in ihre pompösen Schaufenster.*

Грамматическим средством, которое специализируется на представлении инструментально-речевой ситуации, является структура гипотаксиса с придаточным, вводимым союзом *damit dass*, где предикат главного предложения обозначает информативное воздействие. В рамках придаточного предложения представлена информация, с помощью которой осуществляется это воздействие. Следует обратить внимание также на следующую инфинитивную конструкцию [Duden 1995: 162], которая также специализируется на передаче речевого действия: *Die Türkei hat am Montag ihren Nato-Partnern versichert, keine Soldaten über die Grenze in den Nordirak entsandt zu haben.*

Таким образом, значение инструментальности в каузативной конструкции представлено как прототипическими, так и непрототипическими средствами. Изменения той или иной характеристики прототипических конструкций / элементов вызывают особые семантические эффекты.

3.8. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАУЗАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Современные синтаксические исследования характеризуются устойчивым интересом к семантической структуре предложения. Развитие теории речевой деятельности, изучение языка как целостной сущности, как коммуникативной системы, все это и еще многие другие направления лингвистики обуславливают выдвижение семантики в центр внимания ученых. Вслед за Е.В. Падучевой, мы ориентируемся в своем исследовании на законы интерпретации высказывания, так как «реально существует только такой смысл, который выражен текстом» [Падучева 1999: 3].

Смысл языкового выражения является функцией от смыслов его частей и способов их синтаксического соединения (принцип Фреге). Данный принцип обозначается как принцип композиционности, который играет важную роль в формальной семантике и, по мнению Е.В. Падучевой, предполагает «некий изоморфизм между семантикой и синтаксисом» [Там же]. Принцип композиционности понимается как

установка на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, грамем, синтаксических конструкций, линейно-акцентной структуры и проч. в составе высказывания [Там же]. Словарное толкование может пополняться за счет смысла входящих в него слов; контекста текста и ситуации; коммуникативных постулатов и т.д. [Падучева 1999: 4].

В данном разделе работы исследуется специфика функционирования информативно-модифицирующих каузативов немецкого языка в образуемых ими конструкциях по типам выражаемых ситуаций. Релевантным, с нашей точки зрения, является классификация каузативных ситуаций, которая основывается на ряде признаков, в частности на наличии / отсутствии каузатора, его семантическом потенциале.

Типичным контекстом функционирования информативно-модифицирующих каузативов является каузативная ситуация, которая актуализирует характер межличностных отношений между двумя лицами, одно из которых выступает в качестве каузатора (инициатора воздействия), другое в качестве объекта воздействия (объект каузации).

Тип каузативной ситуации определяется на базе семантики каузатора. Выявление различных способов выражения каузатора позволяет выявить специфические особенности каждого отдельно взятого типа каузативной ситуации, которые заключаются как в специфике семантики каузатора, так и в значении целостной каузативной ситуации. Семантический объем каузатора является более широким в противоположность семантике объекта каузации.

3.8.1. Каузативная ситуация с одушевленным именем в качестве каузатора в позиции подлежащего

Первый тип каузативной ситуации представляет в качестве каузатора в позиции подлежащего одушевленное имя существительное или местоимения: *Kaplan bestreitet die Vorwürfe; Er hat auch erst zwei A-Länderspiele bestritten; Der Mann habe sich dem US-Militär aus freien Stücken gestellt und im Verhör bestritten, dass Irak Massenvernichtungswaffen entwickelt; Du willst mich widerlegen ...*. Фиксация каузатора личными местоимениями обуславливает выделение двух типов персонального дейксиса. Конкретность (определенность) каузатора наиболее ярко представлена в личных местоимениях *ich, du, er, sie (Sg.), Sie*, например: *Ich bin ein überlebender Zeitgenosse, ein Deutscher und Schriftsteller, und ich möchte hier öffentlich erklären, dass jeder junge*

Deutsche, der den Wehrdienst verweigert, meine volle Sympathie hat [Böll Ende ...].

В случае функционирования *wir, sie (Pl.)* определенность лица стирается, поскольку эти местоимения представляют собой обобщенно-личный тип персонального дейксиса, т.е. обозначают неопределенное множество лиц. Имена собственные и субстантиваты свидетельствуют об определенном конкретном характере каузатора. К субстантиватам относятся субстантивированные прилагательные и причастия личного значения: оценочные – *der Kritiker, der Neider*; характеризующие – *der Große, die Kleine, der Feige, der Entschlossene*; идентифицирующие – *der Eingetretene, der Sitzende*; субстантиваты, обозначающие социальные роли – *der Beschuldigte, der Festgenommene, der Angeklagte, der Öffentlichkeitsbeauftragte*: *Das Absurde ist: Kein Prozess-Beteiligter hat bestritten, dass Andrea Yates seit mindestens zwei Jahren psychisch schwer krank ist; Skeptiker entgegnet, juristisch sehe die Sache anders aus; Die Öffentlichkeitsbeauftragte der Berliner Ausflugsreederei, Rosemarie Marotz, entgegnet jedoch, Stern und Kreis werden über die Ostertage in Potsdam Lange Brücke sehr wohl festmachen; Auffällig ist allerdings, dass die Fondsprofis verstärkt auf die Chancen in Osteuropa hinweisen; Deshalb bekräftigten die Grünen ihre Forderung nach Neuwahlen; Die Grünen bekräftigten zwar, dass sie aus wirtschaftlichen Gründen gegen den Ausbau des Flughafens seien; Eine Minderheitsregierung schloß er aus, die Grünen bekräftigten ihre Ablehnung gegen mögliche Neuwahlen; Ihre Ablehnung bekräftigten die Grünen auch gegen mögliche Neuwahlen.*

3.8.2. Каузативная ситуация с неодушевленным именем в качестве каузатора в позиции подлежащего, имплицитно личностный смысл

Функционирование неодушевленных имен существительных в качестве каузатора может сопровождаться имплицитным представлением агентивных участников каузативной ситуации: *Hätte er daran zweifeln wollen, so hätte ihn das heutige Beisammensein mit dem Direktor-Stellvertreter und dem Fabrikanten hinreichend von Gegenteil überzeugen können [Kafka]; ... melancholische Heiterkeit hatte ihn überzeugt [Feuchtwanger].*

Каузатор может быть актуализирован:

1) в виде речевого действия: *das wüste Geschrei der Menschen bewies; die Vorwürfe ... erhärten; Seine Äußerungen könnten aber darauf hindeuten, dass er das Ergebnis möglicherweise akzeptieren wird;*

2) может обозначать состояния, особенности поведения, свойства: ..., *das ihr Stil die Überwindung dieses Stadiums beweist [Böll]; Ein Rennen und Laufen und Schreien, ... das sonderbar unheimliche Sichneigen des Schiffes alles bewies ...; Ihr Zurückhalten beweist mir alles; Und mit diesem Bewusstsein bin ich genötigt ihr einen Rat zu geben, dem mein Herz widerspricht, den mein Verstand Lügen straft; Die Stärke, die Freiheit aus der Kraft und Überkraft des Geistes beweist sich durch Skepsis;*

3) в виде продукта речевой деятельности: *der Brief von seiner Hand ... bewies mir; diese schwülstige, phrasenhafte und lächerliche Inschrift im Geist des Orients auf dem Krönungsmantel des Normannenkönigs beweist ...; Du schweigst, weil Du verhüten willst, dass seine Aussage der Deinigen widerspricht; Das umstrittene Anti-Abspaltungsgesetz demonstrierte die Entschlossenheit, den Unabhängigkeitskräften "niemals zu erlauben, Taiwan von China abzutrennen"; Das Judas-Evangelium demonstrierte die Vielfalt der Glaubensüberzeugungen im frühen Christentum, sagte der Professor für Bibelstudien an der kalifornischen Chapman-Universität; Die Berichte der Geheimdienste würden darauf hindeuten, dass in den besetzten Gebieten viele das Schicksal von Arafat als besiegelt betrachten; Dann wurde das vom Schreiber geführte Protokoll vollzogen, das die gesetzlich geschehene Publikation beurkunden sollte; auch Junker Hinrich trat heran und unterschrieb, doch mit dem Zusatz: "Unter Vorbehalte meines arg verletzten Rechtes"; Die Dokumente bekräftigen gerade die Distanz zwischen unserer Realität und dem, was in Auschwitz war; Die regimetreuen Zeitungen verurteilten die Ermordung Hariris einhellig als Verbrechen und bekräftigten die enge Verbundenheit Syriens mit dem Libanon; Jetzt veröffentlichte Prüfungsberichte bestätigen Vorwürfe, wonach die Weltorganisation Firmen nicht ausreichend kontrolliert hat, die sie mit dem Management des Programms beauftragt hatte; Wie früh der Antisemitismus im Deutschen Reich ins Kalkül gezogen wurde, bezeugt ein Brief Karl Naefs, des Sekretärs des Schweizerischen Schriftstellerverbandes, von 1936;*

4) каузатор может быть представлен именем, обозначающим психическое воздействие: *das selige Aufleuchten in seinen großen Augen bewies ...; Die impulsive Malweise demonstriert mit ihren Farbrinnsalen und -spritzern Verachtung für technische Präzision;*

5) может иметь место неречевая коммуникация: *... bewies der Ausdruck der brutalen Gesichter seiner Angreifer.*

3.8.3. Каузативная ситуация с неодушевленным именем в качестве каузатора в позиции подлежащего, не имплицитующим личностный смысл

В каузативной ситуации с неодушевленным именем в качестве каузатора в позиции подлежащего, не имплицитующим личностный смысл функционируют собственно «орудия» – артефакты специально изготовленные, предназначенные, существующие для выполнения определенных функций: Например:

1) твердые физические предметы: *ihr romanisches Portal beweist; der stumpfe Turm mit gotischem Bausystem beweist; NASA-Astronom Michael Malin: "Die Fotos unserer Mars-Sonde zeigen auf unserem roten Nachbarn Rinnen und Absenkungen, die klar auf fließendes Wasser hindeuten; Wichtiger noch, die Abbildungen bestätigen anscheinend eines der Gerüchte um die wie stets streng geheim gehaltenen Produkte, die Jobs erst heute Abend vorstellen soll; Das Schloss bezeugt diese postmoderne Weisheit schon seit langem, aber keine Ausstellung sonst kommt so deutlich an sie heran wie diese; Aber das Bild überzeugt trotzdem [Remarque]; Diesemal überzeugte den Posten ... das angerissene Päckchen, Lucky Strike und der Breakfast-Karton im Rucksack [Schulz].*

2) неотчуждаемые орудия – части тела человека, участвующие в осуществлении инструментального действия, т.е. действия реализуемого неким субъектом с помощью средства: *das langsam gleichmäßige Sichheben und –senken der breiten Brust bewies ...;*

3) положение дел: *Die harte Haltung der USA widerspreche der Resolution 1441, die den Kontrolleuren Unterstützung zusichere, sagte Außenminister Igor Iwanow; Unterwegs in der Düsseldorfer Innenstadt, meint der 38-Jährige, die bisherige Regelung widerspreche jeglicher Form von Freiheit; Eine "Vergrößerung des Waffenbesitzes und des Kreises der Waffenbesitzer" widerspreche dem grundlegenden Ziel des Waffengesetzes; Die Neuverschuldung in Höhe von 3,8 Prozent des Bruttoinlandsprodukts in 2002 widerspreche dem EU-Stabilitätspakt; Die geplante Schließung der zwei Aluminiumhütten demonstriere die ungemein kritische Situation des Industriestandortes Deutschland; Dieses Vorgehen, moniert der BDI, widerspreche der Kollektivhaftung deutscher Vorstände; Da nun dieser Fall der Voraussetzung widerspricht, so bleibt nur der zweite übrig: dass nämlich das substantielle Zusammengesetzte in der Welt aus einfachen Teilen bestehe; Die hohe Akzeptanz demonstriere, dass das Abfindungsprogramm attraktiv und sozialverträglich sei; Ein starkes Geldmengenwachstum kann auf Inflationsrisiken hindeuten;*

4) познание: *beweist der Vergleich mit den Tieren; Da unsere Analysen darauf hindeuten, dass möglicherweise einige Marktteilnehmer vorab informiert waren und sich vor der Fusionsmeldung mit Brainpool-Aktien eingedeckt haben, wurde heute mit einem offiziellen Untersuchungsverfahren begonnen*"; *Also widerspricht der Satz, als wenn alle Kausalität nur nach Naturgesetzen möglich sei, sich selbst in seiner unbeschränkten Allgemeinheit, und diese kann also nicht als die einzige angenommen werden; Wissenschaftliche Untersuchungen konnten seine Behauptungen bislang nicht bestätigen; Andere Daten bestätigen den Befund; Die neuen Daten bestätigen die guten Exportzahlen der jüngsten Zeit sowie die größere Zuversicht der Unternehmen, wie sie der Ifo-Geschäftsklimaindex belegt.*

3.8.4. Каузативная ситуация с генерализованным каузатором в позиции подлежащего

Каузативная ситуация с информативно-модифицирующими глаголами представляет в позиции подлежащего генерализованного каузатора. Эту функцию выполняют местоимения, которые рассматриваются как особый и один из наиболее загадочных разрядов слов.

Спорными остаются вопросы семантики местоимений и особенности их функционирования в высказывании. Местоимения наиболее часто встречаются в качестве заместителей слов, субститутов. Понятие субституции детально разработано Л. Блумфильдом [Блумфильд 1968]. Субститут определяется как языковая форма или грамматическое явление, которое при известных повторяющихся обстоятельствах заменяет любую из языковых форм, принадлежащих к данному классу [Блумфильд 1968: 269]. Вопрос о функции местоимений тесно связан с вопросом об их семантике.

Местоимения рассматриваются как «субъективно-указательные слова, определяющие действительность в ее отношении к говорящему лицу, к данной обстановке речи» [Виноградов 1972: 255]. Местоимения рассматриваются как слова с «дейктической» функцией или слова с «непостоянной сигнификацией» (Норейн А.), «подвижные определители» или «шифтеры» (Есперсен О., Якобсон Р.О.), «контекстуальные слова» (Крылов С.А.), «языковые категоризаторы» (Шведова Н.Ю.). Местоимения характеризуются тем, что их сигнификация является непостоянной и, в конечном счете, зависит от обстоятельства, которое находится за пределами языка и определяется ситуацией в целом [Есперсен 2006: 91].

Местоимения функционируют в качестве генерализованного субъекта, который представляет собой субстанциональную сущность, являющуюся носителем признака. Генерализованный субъект, с одной стороны, включает говорящего, а, с другой стороны, обозначает абстрактное явление или конкретный предмет с постоянным квалификативным признаком в ситуации временной локализованности. Любое лицо, предмет, явление окружающего мира, представляющее всех потенциально возможных членов своего множества, является денотатом генерализованного субъекта в реальной действительности [Ильичева 2007: 5].

В функциональной грамматике выделяются функциональные центры поля неопределенноличности, которые в разных языках различны: 1) в русском языке это шестая форма глагола без местоимения (говорят); 2) в английском языке – пассивный залог; 3) в испанском и итальянском языках – возвратно-пассивные формы; 4) во французском и немецком языках – специализированные неопределенные местоимения *on* и *man* [ТФГ 1991: 76]. Сопоставление переводов неопределенно-личных конструкций с одного языка на другой демонстрирует однотипные способы выражения этого значения.

Онтологическим центром актуализации неопределенноличности являются сочетания типа какой-то человек, один человек, люди и неопределенные местоимения. В русском языке к неопределенным местоимениям относятся *кто-то*, *кое-кто*, *кто-нибудь*, *некто*, во французском языке – *on*, *quiconque*, *quelqu'un*, в английском языке – *one*, *somebody*, *anybody*, в немецком языке – *man*, *jemand*, *niemand*, *jedermann*, *etwas*, *alle*, *kein*, *sämtlich*, *nichts* и т.д.

Актуализация неопределенноличности с помощью местоимений представляет собой одну из разновидностей генерализации. Местоимения демонстрируют семантику неопределенноличности, функционируя в качестве генерализованного субъекта.

Генерализованный субъект имеет определенный набор языковых средств выражения, которые реализуют значения собирательности и дистрибутивности в рамках генерализованной семантики. При реализации генерализованного значения все виды субъекта обобщаются в генерализованном субъекте. Процесс генерализации, начинаясь на психологическом уровне мышления, завершается своим формальным выражением на уровне предложения. Предложения с генерализованным субъектом выделяются на основании особого способа представления окружающей действительности, а именно, обобщения, генерализации и типизации субъекта и всей ситуации действительности. Син-

таксическая структура, представляющая генерализованный тип информативного содержания, определяет форму выражения данного смысла.

В немецком языке к средствам выражения генерализованного субъекта в рамках каузативной ситуации с информативно-модифицирующими глаголами относятся:

1) **неопределенно-личное местоимение *man***: *Warum man widerspricht – Man widerspricht oft einer Meinung...; Jeder einzelne hatte sich viel vorgenommen, aber eine gewisse Verunsicherung konnte man nicht leugnen; Man wird diese Dinge bestreiten, man wird des Frauenmundes, der sie ausspricht, spotten und man bestreitet und spottet schon lustig in den Allgemeinen und gemeinen Zeitungen unserer Tage; Sobald Ergebnisse vorlägen, werde man die Öffentlichkeit informieren; Bei so heißer Luft möchte man dann doch kühl auf zwei einfache Wahrheiten hinweisen ...; ... man wird Sie auf eine liebenswürdige Weise darüber aufklären, dass Sie nicht verpflichtet sind, daran zu glauben; Beim ZDF bescheinigt man Jacobsens Produkt zwar "eine bessere Position im Markt als Eishockey und Basketball", wie Christof Hamm bestätigt; Was man von der Ausschussvorsitzenden nicht behaupten kann; ... während man zu dem Ort der unglaublichen Entdeckung zurückläuft, man will sich zuerst nur nebenbei, nur flüchtig während des Essens von der Sprache überzeugen, man horcht ... [Kafka Beschreibung .. 157]; Man bezeugte übrigens, dass er sich sonst gut aufgeführt, die Damen michten sich darein, und er ward entlassen; Was sollte man ihm entgegen an diesem Abend?; Diese Dummheit kann man mit einem Umkehrschluss widerlegen: Seine Essays, obwohl vor Intelligenz funkelnd, sind nicht mehr von großem Interesse; "Man will eine solche Leistung ja auch bestätigen", sagt sie;*

2) **сочетание неопределенно-личных местоимений *man* и *frau***: *Als gelernter DDR-Bürger könnte man/frau nun eine Menge entgegen;*

3) ***jedermann***: *"Die Gefahr besteht, dass sich jedermann leicht zu erlangendes genetisches Material besorgt und testen lässt";*

4) ***alle***: *Ob Powell, Egeland oder Annan – alle drei machten aber auch klar, dass die jetzigen Gelder nur der Anfang sein dürften;*

5) ***jemand***: *"Vorsätze hat man doch immer", behauptet jemand; Und immerfort wirft ihr jemand vor, sie sei nicht in der Lage, dieselben ordentlich zu erledigen; "Wenn jemand fragt, ob meine Mutter mich beobachtet, soll ich dann sagen nein?";*

6) ***wer***: *"Es bleibt dabei", sagte er, "wer widerspricht, der wird einfach erschossen"; Wer widerspricht oder lügt, hat es auf seinen Rücken zu nehmen; Nur wer eine Zusammenarbeit mit der Staatssicherheit gezeugnet*

hatte, muss jetzt seinen Posten räumen; Dass es viele höchst ehrenwerte Ausnahmen von dieser Regel gebe, **wer** wollte es leugnen?; Aber **wer** kann es leugnen; **Wer** einzelne Vorurteile bestreite, aber viele andere damit verbundene nicht bestreiten kann oder darf, kann, seiner Ehrlichkeit und seiner Einsicht unbeschadet, inkonsequent sein oder scheinen; **Wer** nun entgegnet, derlei Relativierung lasse sich nicht nur für Schröders Kanzlerschaft vornehmen, hat recht;

7) **niemand**: **Niemand** kann ihre Existenz leugnen; Niemand bestreite vorhandene Einsparpotenzial, sagte Jörg Müller, stellvertretender Vorsitzender der Industriegewerkschaft Bauen/Agrar/Umwelt; ... **niemand** bestreitet die Schönheit von Beethovens Werk ...; **Niemand** bestreite die Notwendigkeit, "doch es bewegt sich nichts", stellt der Vorsitzende Elternkonferenz, Thomas Münzberg, verbittert fest; Auch würde **niemand** behaupten, die Telekom sei so schlecht gemanagt wie British Steel und British Motors damals; Bisher hat uns **niemand** widerlegt; Auch wenn dies beim Bundesligisten **niemand** offiziell bestätigen will; Niemand wird heute mehr behaupten, dass Stürmer allein an ihren Toren gemessen werden;

8) **dieser, diese**: **Diese** bestreiten jährlich nur ein Prozent der Einnahmen des Spenden-Tüvs; **Diese** haben ihm versprochen, ihn sobald wie möglich über den aktuellen Stand zu informieren; **Dieser** liess sich nichts erklären, wollte gar nicht wissen, wo er was zu finden habe, er kenne sich schon aus, sagte er, finde sich schon zurecht, ...; **Dieser**, durch Reisen häufiger an solche Erkennungen gewöhnt, bezeugte ein ruhiges Vergnügen ...; **Dieser** bekräftige die Partnerschaft zwischen Lufthansa, deren Luftverkehrsbündnis Star Alliance und Fraport;

9) **einige**: Man werde das Thema aufgreifen, bekräftigten **einige**;

10) **keiner**: "Ob es jemals mehr sein wird, kann heute **keiner** behaupten"; Daher kann auch **keiner** behaupten, ich hätte irgendetwas davon gewusst, das Ganze womöglich gar gutgeheißen oder erlaubt; Da kann doch **keiner** behaupten, dass der Wettbewerb nicht funktioniert; Sie unterhielten sich bis weit nach Mitternacht. Als sie sich trennten, hatte **keiner** den anderen überzeugt.

Рассматриваемый тип каузативной ситуации с информативно-модифицирующими глаголами репрезентирует также в качестве каузатора в позиции подлежащего генерализованного носителя каузирующего действия, функцию которого выполняют местоимения *es, das, alles, dieses, was, etwas*. Эти элементы выступают, как правило, в анафорической функции, обобщая ситуацию, представленную в препозитивной части высказывания:

1) **es**: Zudem widerspreche **es** europäischem Recht, dass die Vereinbarung sich nur auf die Zahl der Flugbewegungen und nicht auf den verursachten Lärm beziehe; Sowohl Ecevit als auch Vizepremier Devlet Bahçeli von der nationalistischen MHP betonten am Freitag, **es** widerspreche allen politischen Regeln, dass ein Mann, der eine Konkurrenzpartei gründen wolle, in der Regierung bleibe; **Es** widerspricht dem Beispiele, das unser Gottesmann gegeben, und widerspricht auch wohl der Tatur; **Es** widerspricht aller militärischen Tradition und Gepflogenheit, solche roten Strolche zu besiegen, ohne sie zu bestrafen; **Es** demonstrierte die selbstbewusste Weltoffenheit des Landes und fördere das Ansehen Schleswig-Holsteins; **Es** demonstrierte nicht nur die permanente Beobachtung, sondern setzte ihr die Beobachtung ihrer selbst entgegen; **Es** bescheinige Westerville "gute Chancen" bei einer Klage; **Es** überzeugt, wenn da jemand erzählt, der es geschafft hat; **Es** beurkundet auf Antrag den ehemaligen Besitz; **Es** widerlege zugleich die Argumentation der Hersteller, ...; "**Es** wird unsere Entschlossenheit, den Terrorismus zu bekämpfen und auszumerzen, nur bekräftigen", sagte er in Scharm el Scheich;

2) **das**: **Das** widerspreche ein wenig den eigenen Prinzipien, sagt Catania, aber so ist das Leben; **Das** widerspreche dem Verfahren, auf das sich Bund und Länder geeinigt hatten, sagte ein Ministeriumssprecher;

– Der S.C. sollte sich niemals prinzipiell gegen die Aufnahme von Juden festlegen, **das** widerspricht seinen Grundsätzen...; **Das** bescheinigte ihm jetzt auch die Gesellschaft für deutsche Sprache (GfdS), als sie in Wiesbaden die Wörter des Jahres 2001 vorstellte; "**Das** wird unsere Entschlossenheit, den Terrorismus zu bekämpfen und auszumerzen nur bekräftigen", sagte er beim Besuch der Tatorte; Sie finde ihn zwar attraktiv, sei aber mit genug anderen Männern zusammen und brauche Pitt nicht – **das** bekräftigte sie jedenfalls im "Star";

3) **etwas**: Er ist so gut, aber auch so streng, wenn **etwas** seiner Meinung widerspricht;

4) **dieses**: Im Übrigen widerspreche **dieses** wohl schon in den zwanziger Jahren des vorigen Jahrhunderts entstandene "Bauliniengefüge" den heutigen Anforderungen an eine gerechte Abwägung der privaten und öffentlichen Belange; **Dieses** widerspricht der Kenntnis, die wir bereits haben, und ist dadurch unangenehm;

5) **dies**: **Dies** sei sozial ungerecht und widerspreche elementar dem Versicherungsprinzip; **Dies** bekräftige die optimistisch beurteilte Technologie und das Geschäftsmodell von Morphosys; **Dies** demonstrierte, dass die Schimpansen weder selbstlos noch missgünstig handelten, schließ die Forscher; **Dies** könne auf eine Kontamination in der Mühle hindeuten; **Dies**

bezeugt die Große Koalition mit dem Deputationsbeschluss; Dies widerlege die Behauptung der Unternehmen ...;

6) **was**: *Aber auch Bau-Riesen wie Hochtief und Bilfinger und Berger sollen ohne Quittung spendabel gewesen sein – was letzterer allerdings bestreitet; Was eindrucksvoll demonstriert: Es gibt ...;*

7) **alles**: *Alles bezeugte große übereintreffende Kunstbestimmung, und die Künstler aller Nationen strömten hier zusammen, um ihren Geist zu erheben ...; Alles bezeugte große übereintreffende Kunstbestimmung, und die Künstler aller Nationen strömten hier zusammen, um ihren Geist zu erheben und ihre Fähigkeiten zu steigern;*

8) **dies alles**: *Dies alles gilt aber auch für andere und erklärt nicht diese ungewöhnliche Konstanz;*

9) **all das**: *All das demonstriert die Sehnsucht nach einem weltweit koordinierten menschlichen Umgang mit dem Elend, das die Fernsehbilder immer näher bringen.*

При катафорическом или анафорическом функционировании местоимений *es, das, alles, dieses, dies, etwas* и др., последние связывают отношением кореферентности каузирующую и каузируемую ситуации. Данный разряд местоимений функционирует в каузативной ситуации в качестве генерализованного каузатора, при этом расширяется его семантический потенциал, так как обобщению подвергаются целостные ситуации вербального и невербального характера. Местоимения *es, das, alles, dieses, dies, etwas* и др. являются формальными актуализаторами функции каузатора, поскольку истинную роль каузатора выполняют ситуации, которые подвергаются обобщению. Каузативная ситуация с генерализованным каузатором в позиции подлежащего актуализирует семантику каузативности контекстуально, т.е. на основании каузативной интерпретации ситуации-каузатора: *"Ach Herr", antwortete Georg mit gefalteten Händen. "Jedermann, der mein Weib gekannt hat, muß bezeugen, dass sie schon als Jungfrau gottseliger war, als andere ihresgleichen; Und wohin es führen kann, wenn Rheinländerinnen Rockmusikern begegnen, das hat schon in den Sechzigerjahren die Kölnerin Christa Päffgen demonstriert, als sie auf The Velvet Underground traf; Das einzelne Ding, das mein Eigentum ist, gilt damit für ein Allgemeines, Befestigtes, Bleibendes; dies widerspricht aber seiner Natur, die darin besteht, gebraucht zu werden und zu verschwinden.*

Генерализация может быть конкретной и абстрактной (абсолютной). Абстрактная или абсолютная генерализация является генерализацией самого высокого уровня и наряду со значениями «неизвест-

ность», «неконкретность» имеет значения «совокупное множество», «типичность для всех в подобной ситуации» [Ильичева 2007: 8].

Генерализованный субъект представляет собой неоднородное явление. С одной стороны, он включает говорящего и адресата и любое другое лицо (*man, frau, jedermann, jemand, niemand, alle, wer, dieser, diese*), а, с другой стороны, генерализованный субъект обозначает абстрактное понятие, явление или конкретный предмет с постоянным квалификативным признаком в ситуации временной локализованности (*es, das, etwas, dieses, dies, alles, dies alles, all das*).

Некоторые значения артикля придают существительному генерализованную референтность. Артикль в немецком и английском языках является конституэнтном генерализованного субъекта, поскольку каждый из артиклей среди своих значений имеет значение генерализованности:

1) **существительное с определенным артиклем:** *Gewiss, auch **der Mensch** kann ein großer Zerstörer sein, aber er ist ein noch größerer Erbauer [Bredel]; So mahnen die Zeitungen;*

2) **существительное с неопределенным артиклем:** ***Eine Sprecherin** des Justizministeriums bekräftigte, die Tests seien "ein schwerwiegender Eingriff in das informationelle Selbstbestimmungsrecht"; **Ein Sprecher** bekräftigte lediglich die Prognose, wonach für 2004 ein Vorsteuerverlust von 280 Millionen bis 295 Millionen Euro erwartet werde; Angesichts neuer Spekulationen über das künftige Regierungspersonal bekräftigte **ein Ministeriumssprecher** allerdings am Mittwoch, er gehe davon aus, dass Rohwer bei seiner Erklärung bleibe und dieses Amt nicht weiterführen werde; **Ein Intel-Sprecher** bekräftigte, sein Unternehmen habe sich immer an die Wettbewerbsregeln gehalten; **Eine H&M-Sprecherin** bestätigte, dass das schwedische Unternehmen mit Vertretern des deutschen Star-Modemachers verhandelt; **Eine Reihe** von Ausweisungen sollen den guten Willen der Regierung bezeugen; **Ein Bundeswehr-Sprecher** bestätigte Informationen der WELT, dass das Schiff wegen eines Schadens an einem Antriebsdiesel nur mit zwölf statt 15 Knoten Richtung Sumatra fahren könne; **Eine Urkunde** bezeugt für das Jahr 1394 seine Eheschließung, eine andere die Mitgliedschaft in der Brüderschaft von St. Nikolaus zwischen 1413 und 1422;*

3) **существительное с нулевым артиклем:**

– *Haare, behaupten Wissenschaftler, haben sich aus kleinen Zapfen zwischen den Hautschuppen früherer Reptilien entwickelt;*

4) **определенный артикль:**

Die würden die Sehnsucht nach Frieden bezeugen.

Таким образом, генерализация субъекта-существительного определяется генерализующим значением артикля. Все артикли имеют сему генерализации, но проявляют ее по-разному, поскольку помимо обобщения в силу вступает также значение количественности, реализующееся в вариациях «собирательность» и «дистрибутивность».

Денотатом генерализованного субъекта является лицо, предмет, явление окружающего мира, обозначающее потенциально возможных членов своего множества. Значение генерализованного субъекта – это значение нейтрализации, но не отстраненности, так как адресант также включен в общность возможных субъектов речи. Функционирование генерализованного субъекта обусловлено формированием «несущественности обозначения субъекта действия с точки зрения его референтно-идентифицирующей и референтно-количественной отнесенности». Внимание сосредоточено на проявлении самого действия, последнее определяет семантическую самодостаточность каузативной ситуации, предложения в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Информативно-модифицирующие каузативы являются интерперсональными глаголами и относятся к синтетическим каузативам, которые репрезентируют значение каузативности своим основным значением. Нами предпринята попытка исследования основных подходов к анализу функционирования интерперсональных глаголов в рамках каузативной структуры.

Информативно-модифицирующие глаголы функционируют в каузативной структуре, которая с этими глаголами в качестве предикатов имеет обобщенное значение побуждения субъектом объекта к изменению состояния. Это обобщенное значение реализуется в ряде вариантов, обозначенных в работе как каузативная ситуация, базовыми компонентами которой являются: каузатор – объект каузации – способ каузации / средство каузации – цель каузации – результат каузации. Названные компоненты каузативной ситуации могут быть рассмотрены как семантические функции, которые демонстрируют специфику актуализации в различных типах каузативных ситуаций.

В настоящей работе каузатор рассматривается как доминантный компонент каузативной ситуации, задающий особенности семантической организации каузативной структуры. Каузатор обозначает субстанцию, которой приписывается определенная активность, состояние или характеристика. Каузатор актуализируется в поверхностной структуре либо подлежащим, либо некоторыми типами косвенного дополнения. На глубинном уровне каузатор это тот(то), от кого(чего) исходит действие, состояние, восприятие, отношение (в широком смысле) или признак. Основой выделения типа каузативной ситуации является информативное содержание каузатора.

В реальной действительности интенциональное действие всегда актуализируется каузатором посредством другого, более конкретного, действия (способа). При языковом выражении ситуации такого рода ее инструментальная составляющая может либо вообще не находить специального выражения, либо актуализироваться в самом общем виде, либо представляться с какой-либо одной инструментальной стороны, предметной – как «орудие» или не предметной – как «способ». Не предметная инструментальность рассматривается как доминирующая в каузативных ситуациях с информативно-модифицирующими глаголами.

Анализ эмпирического материала продемонстрировал довольно высокую частотность репрезентации инструментального значения в виде актанта-способа каузации, который представлен предложными сочетаниями, придаточными изъяснительными, прямой речью, косвенной речью. В остальных случаях, когда инструментальное значение не представлено эксплицитно, оно инкорпорировано в семантике либо самого каузатива, либо в семантике актанта-каузатора, что убедительно доказывает лексикографическое толкование данного разряда глаголов. Относительно инкорпорации актантов подчеркнем, что сущность данного явления состоит в фиксировании и закреплении синтаксических актантов в семантическом потенциале глагола.

Каузативная ситуация с одушевленным именем в качестве каузатора в позиции подлежащего демонстрирует синкретизм значений каузатора (лица) и ряда других значений, таких как: итеративность действия, однократность действия, постоянный узуальный участник действия, оценка, характеристика, идентификация, социальная роль, интенциональность, бенефициатив, способ каузации (состояние, особенности поведения, свойства; положение дел; продукт речевой деятельности; психическое воздействие; познание; речевые действия), каузальность.

Каузативная ситуация с неодушевленным именем в качестве каузатора в позиции подлежащего, имплицитующим / не имплицитующим личностный смысл представляет синкретизм значений каузатора и таких значений как: способ каузации (речевые действия, продукт речевого действия, психическое воздействие, неречевая коммуникация, твердые физические предметы, неотчуждаемые орудия, положение дел, познание), каузальность.

Актантная структура каузативной ситуации с одушевленным именем в качестве каузатора в позиции подлежащего включает актант-каузатор и актант-способ каузации / актант-средство каузации в той или иной разновидности. Актант-способ каузации инкорпорирован в семантике глаголов исследуемого информативно-модифицирующего разряда.

В случае функционирования глаголов других разрядов можно говорить об инкорпорации не только актанта-способ каузации, но и актанта-средство каузации (предмет инструментальной семантики; не-предмет инструментальной семантики; вещество, металл, химическое соединение; инструмент и вещество; место; смесь, место; соматизмы, части тела; часть тела и предмет инструментальной семантики). Актант-каузатор рассматривается как содержательно и структурно обяза-

тельный, актант способ каузации / актант-средство каузации – содержательно обязательный, структурно факультативный, инкорпорированный в семантике предиката.

Актантная структура каузативной ситуации с неодушевленным именем в качестве каузатора в позиции подлежащего, имплицитным / не имплицитным личностный смысл, представляет содержательную облигаторность, структурную факультативность актанта-каузатора и содержательную и структурную облигаторность актанта-способ каузации / актанта-средство каузации.

Каузативная ситуация существует и функционирует в каузативной структуре, которая сама по себе имеет определенное грамматическое значение, а содержательная сторона не связана обязательной связью с определенной грамматической структурой. Смысл представляет собой содержание, не связанное лишь с одним средством формального выражения, так как к сфере смысла относятся семантические категории и элементы речевой семантики. Смысл опирается не только на языковые формы, но на другие разновидности «носителей».

Особую значимость в этой связи приобретают вопросы, связанные с языковой интерпретацией семантического содержания. Лексикографическое толкование, демонстрирующее семантический потенциал слова, лексические значения слова, лексико-грамматические разряды, грамматические категории слова, синтаксические (формальные) конструкции, контекстуальные элементы, речевая ситуация, другими словами, окружающая среда, все это при взаимодействии с системой обуславливает формирование семантической структуры предложения.

Предлагаемый подход позволяет выявить категориальные особенности компонентов каузативной ситуации, определить соотношение эксплицитного и имплицитного значений, выделить актуальные грамматические и лексические значения для каузативной конструкции, а, в конечном счете, показать роль языковых значений разного уровня абстракции при порождении речи.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

БНРС – Большой немецко-русский словарь.

Мейль, Арндт – Мейль К., Арндт М. Немецкие глаголы.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. Большой энциклопедический словарь. Языкознание.

ТФГ – Теория функциональной грамматики.

Эл. р. – Электронный ресурс.

AHCD – The American Heritage College Dictionary.

Agricola – Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch.

ALDCE – The Advanced Learner's Dictionary of Current English.

Bulitta – Wörterbuch der Synonyme und Antonyme.

CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary.

CDAE – Cambridge Dictionary of American English.

Duden – Bd. 8. Die sinn- und sachverwandten Wörter. Wörterbuch der treffenden Ausdrücke.

GE – Duden. Oxford. Großwörterbuch Englisch. Deutsch-Englisch. Englisch-Deutsch.

Ip – www.wortschatz.uni-leipzig.de

LG – Langenscheidt Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Das neue einsprachige Wörterbuch für Deutschlernende.

ODT – The Oxford Dictionary and Thesaurus.

PDSA – The Pan Dictionary of Synonyms and Antonyms.

Wahrig – Deutsches Wörterbuch.

wiki – <http://de.wikipedia.org/wiki/Kausativ>

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абросимова, Т.А.* Способ выражения каузативности во французском языке. Дисс... канд. филол. наук [Текст] / Т.А. Абросимова. – Л., 1954.
- Абдиев, Т.К.* Конструкции с каузативными глаголами в киргизском языке [Текст] / Т.К. Абдиев. Дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 1996.
- Адмони, В.Г.* Введение в синтаксис современного немецкого языка [Текст] / В. Г. Адмони. – М., 1955.
- Адмони, В.Г.* Синтаксис современного немецкого языка [Текст] / В.Г. Адмони. – Л., 1973.
- Адмони, В.Г.* Строй немецкого языка [Текст] / В.Г. Адмони. – М., 1986.
- Адмони, В. Г.* Грамматический строй как система построений и общая теория грамматики [Текст] / В.Г. Адмони. Отв. ред. В.М. Павлов, АН СССР Ленингр. отд.-ие. – Л., 1988.
- Алексанова, С.А.* Синкретизм как системное явление в сфере обстоятельственной детерминации предложения. – Электронный ресурс / С.А. Алексанова. – Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/>
- Алисова, Т.Б.* К вопросу о так называемых «стативных» предикатах [Текст] / Т.Б. Алисова // Всесоюз. научн. конф. по теоретическим вопросам языкознания (11-16 ноября 1974 г.) Тез. докл. секционных заседаний. – М., 1974. – С. 55-60.
- Аллагулова, Г.Р.* Предикаты знания в русском, английском и французском языках (их семантика и функционирование). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Г.Р. Аллагулова. – Уфа, 2004.
- Амирова, Т.А., Ольховиков, Б.А., Рождественский, Ю.В.* Очерки по истории лингвистики [Текст] / Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский. – М, 1975.
- Антропова, Л.И.* Формы существования языка: социокультурно-коммуникативный подход. Дисс. ... докт. филол. наук [Текст] / Л.И. Антропова. – Челябинск, 2005.
- Апресян, Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М., 1974.
- Апресян, Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Избранные труды [Текст] / Ю.Д. Апресян. Т. 1. – М., 1995.
- Апресян, Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды [Текст] / Ю.Д. Апресян. Т. 2. – М., 1995.
- Арват, Н.Н.* Семантическая структура простого предложения в современном русском языке [Текст] / Н.Н. Арват. – Киев, 1984.
- Арно, А., Лансло, К.* Грамматика Пор-Рояля. – Л., 1991.

Арутюнов, А.Р. Лексические и синтаксические классы глаголов в немецком языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / А.Р. Арутюнов. – М., 1966.

Арутюнова, Н.Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – М., 1973, № 1. – С. 117-124.

Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М., 1976.

Арутюнова, Н.Д. Лингвистические проблемы референции [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. 1982.

Ахманова, О.С. Вопрос о значении в современном советском языкознании [Текст] / О.С. Ахманова // *Общее языкознание*. Хрестоматия. Сост. Б. И. Косовский. Под. ред проф. А.С. Супруна. – Минск, 1976.

Бабенко, Л.Г., Матвеева, Т.В. Повторная глагольная номинация в поэтическом тексте [Текст] / Л.Г. Бабенко, Т.В. Матвеева // Проблемы глагольной семантики. – Свердловск, 1984. – С. 118-127.

Бабенко, Л.Г. Глаголы эмоциональной деятельности в однородном синтаксическом ряду [Текст] / Л.Г. Бабенко // Номинативные единицы языка и их функционирование. – Кемерово, 1987. С 18-24.

Бабенко, Л.Г. Эмотивная лексика в структуре предложения [Текст] / Л.Г. Бабенко // Классы слов в синтагматическом аспекте. – Свердловск, 1988. – С. 145-156.

Бабенко, Л.Г. Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения [Текст] / Л.Г. Бабенко // Денотативное пространство русского глагола: Мат-лы IX Кузнецовских чтений. Екатеринбург. Тез. докл. под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург, 1998.

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М., 1955.

Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] / А.Н. Баранов. – М., 2001.

Бахмутова, Н.И. О типологии регулярных переносных значений глагола [Текст] / Н.И. Бахмутова // Русский глагол в сопоставительном освещении. – Волгоград, 1984. – С. 106-116.

Бахмутова, Н.И. Системность переносных значений глаголов в русском языке [Текст] / Н. И. Бахмутова // Системные отношения на разных уровнях языка. – Новосибирск, 1988. – С. 42-49.

Белошапкина, В.А. Современный русский язык: Синтаксис. [Текст] / В. А. Белошапкина. – М., 1977.

Беляева, Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках [Текст] / Е.И. Беляева. – Воронеж. 1985.

Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М., 2002.

Блумфильд, Л. Язык [Текст] / Л. Блумфильд. – М., 1968.

Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения [Текст] / В.В. Богданов. – Л., 1977.

Богданов, В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте [Текст] / В.В. Богданов. – СПб., 2007.

Боброва, Л.Г. Некоторые случаи безобъектного употребления глаголов [Текст] / Л.Г. Боброва // Вопросы структуры и функционирования русского языка. – Томск, 1979. – С. 71-79.

Богуславский, И.М. Сфера действия лексических единиц [Текст] / И.М. Богуславский. – М., 1996.

Бондарко, А.В. Вид и время русского глагола [Текст] / А.В. Бондарко. – Л., 1971.

Бондарко, А.В. Грамматические категории и контекст [Текст] / А.В. Бондарко. – Л., 1971.

Бондарко, А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений [Текст] / А.В. Бондарко // Функциональный анализ грамматических категорий. – Л., 1973. – С. 5-31.

Бондарко, А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике [Текст] / А.В. Бондарко // Универсалии и типологические исследования. Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1974. – С. 54-79.

Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий [Текст] / А.В. Бондарко. – Л., 1976.

Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии [Текст] / А.В. Бондарко. – Л., 1983.

Бондарко, А.В. Функциональная грамматика [Текст] / А.В. Бондарко. Отв. ред. В.Н. Ярцева. – Л., 1984.

Бондарко, А.В. О стратификации семантики [Текст] / А.В. Бондарко // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. РАН. – СПб, 1998. – С. 51-63.

Бондарко, А.В. Теоретические проблемы русской грамматики [Текст] / А.В. Бондарко. – СПб., 2004.

Бондарь, И.П. Глаголы речи в старославянском, русском и болгарском языках. Автореф. дисс... канд. филол. наук [Текст] / И.П. Бондарь. – Саратов, 1969.

Боровикова, Н.А. Функциональная эквивалентность глаголов лексико-семантических групп [Текст] / Н.А. Боровикова // Проблемы глагольной семантики. – Свердловск, 1984. – С. 102-107.

Боровикова, Н.А. Регулярное семантическое варьирование глаголов [Текст] / Н.А. Боровикова // Классы глаголов в функциональном аспекте. – Свердловск, 1986. – С. 113-123.

Булыгина, Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке [Текст] / Т.В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 7-85.

Булыгина, Т.В. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания [Текст] / Т.В. Булыгина // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. – М., 1983. – С. 20-39.

Булынина, М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического компонента: на материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта. Дисс. ... докт. филол. наук. [Текст] / М.М. Булынина. – Воронеж. 2004.

Васильев, Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи [Текст] / Л.М. Васильев // Уч. зап. Башкирского ун-та. Вып. 43, № 16 (20), 1971. – С. 38-310.

Васильев, Л.М. Семантика русского глагола: глаголы речи, звучания и поведения [Текст] / Л.М. Васильев. Уч. пос. – Уфа, 1981.

Васильев, Л.М. Семантика русского глагола. Глаголы психической деятельности. [Текст] / Л.М. Васильев. – М., 1981.

Варшавская, А.И. Смысловые отношения в структуре языка: (На материале современного английского языка) [Текст] / А.И. Варшавская. – Л., 1984.

Веливченко, В.Ф. Языковые средства реализации каузативно-следственных отношений в тексте. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / В.Ф. Веливченко. – Киев, 1990.

Вепрева, И.Т., Гоголина, Н.А., Жданова, О.П. Типы внутренней организации глагольных ЛСГ [Текст] / И.Т. Вепрева, Н.А. Гоголина, О.П. Жданова // Проблемы глагольной семантики. – Свердловск, 1984. – С. 4-16.

Вечер, Н.Н. Смысловая структура некоторых глаголов несвободного движения в русском языке [Текст] / Н.Н. Вечер // Глагол в лексической системе русского языка. – Л., 1981. – С. 63-68.

Викмане, В.Ю. Семантико-синтаксическая и функциональная характеристика предложений с глаголами событийной семантики. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / В.Ю. Викмане. – М., 1989.

Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов. 2-е изд. – М., 1972.

Витгенштейн, Л. Избранные работы [Текст] / Л. Витгенштейн. – М., 2005.

Волощук, Т.М. Иерархия факторов, обуславливающих элиминацию объекта в предложениях с глаголами чувств [Текст] / Т.М. Волощук // Семантико-функциональное поле в лексике и грамматике. – Л., 1990. – С. 31-36.

Воротников, Ю.Л. В поисках «смыслового каркаса» языка [Текст] / Ю.Л. Воротников // Актуальные проблемы лингвистики. Коллективная монография. – М., 2006. – С. 188-205.

Всеволодова, М.В., Яценко, Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке [Текст] / М.В. Всеволодова, Т.А. Яценко. – М., 2008.

Гайсина, Р.М. К семантической типологии глаголов русского языка [Текст] / Р.М. Гайсина // Семантические классы русских глаголов. – Свердловск, 1982. – С. 15-21.

Гайсина, Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке [Текст] / Р.М. Гайсина. – Саратов, 1981.

Галнайтите, Э.А. Типология каузативных глаголов как способа действия [Текст] / Э.А. Галнайтите // Аспектуальность и средства ее выражения. – Тарту, 1980. – С.100-114.

Ганжа, Р.С. Изучение глагольной семантики [Текст] / Р.С. Ганжа // Рус. яз. в школе. 1970. № 4. – С. 33-39.

Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст] / Г. Гийом. – М., 1992.

Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст] / Г. Гийом. Сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Рока Валена. Пер. с фр. П.А. Скрелина. Общая ред., посл. и ком. Л.М. Скрелиной. Изд. третье. – М., 2007.

Гоголина, Н.А. ЛСГ глаголов межличностных отношений. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Н.А. Гоголина. – Л., 1986.

Гордон, Е.Я. Каузативные глаголы в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.Я. Гордон. – Душанбе, 1981.

Гречко, В.К. Конструкции с полнозначными каузативными глаголами в научном стиле (на материале немецкой научно-технической литературы) [Текст] / В.К. Гречко // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л., 1985. – С. 194-197.

Гречко, В.К. Функционально-семантическая характеристика элементарного предложения в немецких научно-технических текстах. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук [Текст] / В.К. Гречко. – Л., 1986.

Гришаева, А.И. Синтаксис глаголов поведения в современном немецком языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / А.И. Гришаева. – М., 1987.

Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт. – М., 1984.

Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт. Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М., 2000.

Гутова, Н.В. Семантический синкретизм вкусовых и осязательных прилагательных в языке и художественном тексте. Дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Н.В. Гутова. – Новгород, 2005.

Данг, Нгок Ле Структурно-семантические каузативные предложения (на материале вьетнамского языка) [Текст] / Нгок Ле Данг. – Тбилиси, 1987.

Двинская, В.Т. Явление синкретизма как выражение асимметрии языковых единиц разных уровней [Текст] / В.Т. Двинская // Значения и функции языковых единиц разных уровней в синхронии и диахронии. Межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 1989. – С. 19-28.

Дементьева, Н.А. Сопоставительно-семантический анализ глаголов звучания в немецком и русском языках. Дисс. канд. филол. наук [Текст] / Н.А. Дементьева. – М., 1982.

Долинина, И.Б. Валентностные категории английского глагола. Дисс. ... докт. филол. наук [Текст] / И.Б. Долинина. – Л., 1982.

Долинина, И.Б. Функциональная грамматика и содержательная классификация грамматических категорий [Текст] / И.Б. Долинина // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985. – С. 132-142.

Долинина, И.Б. Синтаксически значимые категории английского глагола [Текст] / И.Б. Долинина. – Л., 1989.

Долинина, И.Б. Типы каузативных глаголов и характер значений рефлексивных глаголов [Текст] / И.Б. Долинина // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Ю.А. Пупынин, М.А. Шелякин, А.В. Бондарко и др. – СПб., 1991. – С. 36-345

Дудина, Н.Г. Семантика конструкций с глаголами каузации эмоционального состояния в современном немецком языке. Автореф. дисс... канд. филол. наук [Текст] / Н.Г. Дудина. – Киев. 1988.

Душина, Н.П. Каузативные глаголы: Семантика и грамматика. На материале поэзии Серебрянного века. Дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Н.П. Душина. – Тамбов, 2004.

Егорченкова, Е.Я. О границах между лексико-семантическими вариантами [Текст] / Е.Я. Егорченкова // Вопросы грамматического варьирования. – Иркутск, 1984. – С. 84-90.

Егорченкова, Е.Я. Семантические сдвиги в глаголах убеждения в синтаксических конструкциях в современном немецком языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.Я. Егорченкова. – М., 1986.

Елизарова, Г.В. О статусе значения «оценка ситуации от лица социума при отстраненности субъекта речи» как понятийной категории [Текст] / Г.В. Елизарова // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л., 1989. – С. 21-28.

Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен. – М. 1958.

Есперсен, О. Философия грамматики. www.franklang.ru

Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисловие Б.А. Ильиша. Изд. 3-е, стереотипное. – М., 2006. (Лингвистическое наследие XX века).

Жданова, О.П. Семантическая структура глаголов поведения [Текст] / О.П. Жданова // Семантические классы русских глаголов. – Свердловск, 1982. – С. 66-70.

Жданова, О.П. Функционирование глаголов поведения в составе однородного синтаксического ряда [Текст] / О. П. Жданова // Классы глаголов в функциональном аспекте. – Свердловск, 1986. – С. 37-44.

Жирмунский, В.М. Об аналитических конструкциях [Текст] / В. М. Жирмунский // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.-Л., 1965. – С. 5-58.

Зализняк, Анна А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Анна А. Зализняк. – М., 1985.

Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи [Текст] / В.А. Звегинцев. – М., 1976.

Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г.А. Золотова. – М., 1973.

Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст] / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982.

Золотарева, Н.В. Семантическое пространство глаголов речевой деятельности в русском и английском языках. Дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Н.В. Золотарева. – Екатеринбург, 1990.

Ибрагимова, В.Л. К синтагматической характеристике глаголов движения в современном русском языке [Текст] / В.Л. Ибрагимова // Семантика и структура предложения. – Уфа, 1978. – С. 27-34.

Ильичева, Н.В. Предложения с генерализованным субъектом: формальный и функциональный аспекты. Автореф. дисс... канд. филол. наук [Текст] / Н.В. Ильичева. – Воронеж, 2007.

Камшилова, О.Н. Семантико-синтаксическая организация предложения с модусными предикатами. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / О.Н. Камшилова. – Л., 1984.

Карловска, А.К. Русские каузативы движения и перемещения (смысловой анализ). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. [Текст] / А.К. Карловска. – М., 1990

Карунц, Р.Г. Семантическая структура глаголов звучания в современном русском языке. Автореф. дисс ... канд. филол. наук [Текст] / Р.Г. Карунц. – М., 1975.

Карцевский, С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака [Текст] / С.О. Карцевский // Введение в языковедение: Хрестоматия: Учебное пособие для вузов / Сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. – М., 2001.

Касевич, В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология [Текст] / В.Б. Касевич. – М., 1988.

Касевич, В.Б. Труды по языкознанию. В 2 т.: Т. 1. [Текст] / В.Б. Касевич. Под ред. Ю.А. Клейнера. – СПб., 2006. (Ars Philologica).

Кацнельсон, С.Д. О грамматической категории [Текст] / С.Д. Кацнельсон // Вестник ЛГУ, 1948. № 2. – С. 114-134.

Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – М., – Л., 1965.

Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л., 1972.

Кацнельсон, С.Д. Речемыслительные процессы [Текст] / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания, 1984. № 4.

Кацнельсон, С.Д. Теоретико-грамматическая концепция А.А. Потебни [Текст] / С.Д. Кацнельсон // Грамматические концепции в языкознании XIX века. – Л., 1985.

Кацнельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л., 1986.

Кацнельсон, С.Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – М., 2001. (Классики отечественной филологии).

Кибардина, С.М. Основы теории валентности: Лекции. Пособие по сравнительной типологии немецкого и русского языков [Текст] / С.М. Кибардина. – Вологда, 1979.

Кибардина, С.М. Категории субъекта и объекта и теория валентности (на материале немецкого языка) [Текст] / С.М. Кибардина // Категория субъекта и объекта в языках различных типов. – Л., 1982. – С. 23-44.

Кибардина, С.М. Валентные свойства немецких глаголов [Текст] / С.М. Кибардина. – Л., 1985.

Кибардина, С.М. Распространители в структуре предложения (К вопросу о реализации валентности глагола) [Текст] / С.М. Кибардина // Единицы языка в коммуникативном и номинативном аспектах. Межвуз. сб. научн. трудов. – Л., 1986. – С. 94-100.

Кибардина, С.М. Валентность немецкого глагола. Дисс. ... докт. филол. наук [Текст] / С.М. Кибардина. – Л., 1988.

Кибардина, С.М., Смирнова, Т.Н. Некоторые особенности реализации валентности глаголов в диалогическом тексте [Текст] / С.М. Кибардина, Т.Н. Смирнова // Значение и функции языковых единиц разных уровней в синхронии и диахронии. Межв. сб. науч. тр. – Вологда, 1989. – С. 69-75.

Кибардина, С.М. Грамматические категории глагола и его валентность [Текст] / С.М. Кибардина // Категории грамматики в их системных связях – тезисы докладов конференции 13-14 июня. – Вологда, 1991. – С. 44-45.

Кильдибекова, Т.А. Функционально-семантическая категория каузативности в русском языке [Текст] / Т.А. Кильдибекова // Исследования по семантике. Вып. 10. – Уфа, 1984. – С. 8-19.

Климонов, В., Спасов, Л. Каузативные и инхоативные структуры в русском языке: о русских соответствиях македонских глаголов с суффиксом –ос–а / –с–а [Текст] / В. Климонов, Л. Спасов // Филологические заметки. Филологические студии. Filološke pripombe. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4. В 2 частях. Часть 2. / Отв. ред. Т.И. Ерофеева, Я. Мойсиева-Гушева, Ж. Кнап. – Пермь; – Скопье; – Любляна, 2006. – С. 48-55.

Князева, Т.А. Семантическая структура предложений с глаголами каузации волевого действия в современном немецком языке [Текст] / Т.А. Князева // Проблемы семантики простого предложения. – Иркутск, 1985. – С. 22-30.

Князева, Т.А. Семантика глаголов принуждения при альтернации абстрактного и личного имени в позиции левого предикатного актанта [Текст] / Т.А. Князева // Лексическая семантика и синтагматика. Межвуз. сб. науч. тр. – М., 1987. – С. 36-43.

Князева, Т.А. Семантико-синтаксическая организация конструкций с глаголами невербальной каузации деятельности в современном немецком языке. Автореф. ... канд. филол. наук [Текст] / Т.А. Князева. – Иркутск, 1997.

Кобринa, Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке [Текст] / Н.А. Кобринa // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л., 1989. – С. 40-49.

Колшанский, Г.В. Контекстная семантика [Текст] / Г.В. Колшанский. – М., 2007.

Комаров, А.П. О лингвистическом статусе каузальной связи (К вопросу о системности средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке) [Текст] / А.П. Комаров. – Алма-Ата, 1970.

Корди, Е.Е. Побудительные значения конструкций с каузативными и модальными глаголами (на материале французского языка) [Текст] / Е.Е. Корди // Типология конструкций с предикатными актантами. Отв. ред. В.С. Храковский. – Л., 1985. – С. 187-194.

Корди, Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке [Текст] / Е.Е. Корди. – Л., 1988.

Кретов, А.А. Семантические процессы внутри ЛСГ глаголов зрительного восприятия [Текст] / А.А. Кретов // Исследования по семантике. – Уфа. Башкирск. Ун-т, 1982. – С. 74-79.

Кретов, А.А. Функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия в современной русской прозе [Текст] / А.А. Кретов // Проблемы глагольной семантики. – Свердловск, Уральск. Ун-т, 1984. – С. 78-85.

Криницкайте, С.А. Проблемы переходности в исследованиях по индоевропейским языкам [Текст] / С.А. Криницкайте // Проблемы внутренней и внешней лингвистики. – М., 1978.

Кронгауз, М.А. Семантика [Текст] / М.А. Кронгауз. – М., 2001.

Кропотова, Л.В. Семантико-синтаксическая характеристика глаголов с общим значением изменения в немецком языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Л.В. Кропотова. – Киров, 2004.

Кубрякова, Е.С. Модели порождения речи и главные отличительные особенности речепорождающего процесса [Текст] / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М., 1991.

Кузнецова, Т.В. Семантическая структура глаголов физического восприятия: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Т.В. Кузнецова. – М., 1982.

Кузнецова, Э.В. О путях выделения компонентов значения при описании ЛСГ [Текст] / Э.В. Кузнецова. // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. – Пермь, 1972. – С. 259-263.

Кузнецова, Э.В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов (к вопросу о природе лексико-семантических групп). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук [Текст] / Э.В. Кузнецова. – М., 1974.

Кузнецова, Э.В. Два типа глагольных значений [Текст] / Э.В. Кузнецова // Семантика и системность языковых единиц. – Новосибирск, 1985. – С. 27-37.

Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка. [Текст] / Э.В. Кузнецова. – М., 1989.

Кушнина, Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход. Дисс. ... докт. филол. наук [Текст] / Л.В. Кушнина. – Пермь, 2004.

Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст] / Дж. Лайонз. Пер. с англ., под ред., с предисл. В. А. Звегинцева. – М., 1978.

Левицкий, Ю.А. От высказывания – к предложению. От предложения – к высказыванию [Текст] / Ю.А. Левицкий. – Пермь, 1995.

Малинович, Ю.М. Класс предложений-запрещений с доминантой угрозы (на материале немецкого языка) [Текст] / Ю.М. Малинович // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988.

Маслиева, О.В. Становление категории причины (на материале истории языка) [Текст] / О.В. Маслиева. – Л., 1980.

Мачавариани, Г. Категория каузатива в картвельских языках [Текст] / Г. Мачавариани // Иберийско-кавказское языкознание. – Тбилиси, 1988. – С. 106-107.

Мельникова, Е.А. Синтаксические конструкции с глаголами речи в современном английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.А. Мельникова. – СПб., 1992.

Мельничук, Г.Н. Семасиологический и ономазиологический аспекты глаголов вертикального движения в современном немецком языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Г.Н. Мельничук. – Киев, 1992.

Менчер, Э.М. К вопросу о происхождении каузативных глаголов [Текст] / Э.М. Менчер // Уч. зап. Томск. гос. пед. инст. № 59, – Томск, 1966. – С. 62-68.

Мещанинов, И.И. Понятийные категории в языке [Текст] / И.И. Мещанинов // Тр. Военного института иностранных языков. – М., 1945. № 1. – С. 5-17.

Мещанинов, И.И. Понятийные категории и грамматические понятия [Текст] / И.И. Мещанинов // Вестник Московского университета, 1946, № 1. – С. 7-24.

Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи [Текст] / И.И. Мещанинов. – Л., 1954, 1978.

Мещанинов, И.И. Типологические сопоставления и типология систем [Текст] / И.И. Мещанинов // НДВШ. Филол. науки. – М., 1958. № 3.

Мещанинов, И.И. Проблемы развития языка [Текст] / И.И. Мещанинов. – Л., 1975.

Мещанинов, И.И. Глагол [Текст] / И.И. Мещанинов. – Л., 1982.

Мещанинов, И.И. Понятийные категории в языке [Текст] / И. И. Мещанинов // История советского языкознания: Некоторые аспекты общей

теории языка: Хрестоматия / Сост. Ф. М. Березин. Учеб. пособие для филол. спец. Вузов. 2-е изд., испр. и доп. – М., 1988. – С. 66-73.

Мейе, А. Основные особенности германской группы языков [Текст] / А. Мейе. Перевод с пятого французского издания Н.А. Сигал. Под ред., с пред. и прим. проф. В.М. Жирмунского. Изд. вт., стер. – М., 2003. (История языков народов Европы).

Минина, Н.М. Система значений глаголов современного немецкого языка [Текст] / Н.М. Минина. – М., 1970.

Миссюра, Н.А. Каузативные глаголы и каузативные конструкции. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Н.А. Миссюра. – М., 1952.

Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. [Текст]. – М., 1987.

Москальская, О.И. Проблемы системного описания синтаксиса [Текст] / О.И. Москальская. – М., 1981.

Мышкина, Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста [Текст] / Н.Л. Мышкина. – Красноярск, 1991.

Мышкина, Н.Л. Принципы построения синергетической теории языка [Текст] / Н.Л. Мышкина // Вопросы теории индоевропейских языков. Межрегиональный сборник научных трудов. – Пермь, 2007. – С. 3-6.

Назаров, С.И. Семантика и функционирование английских каузативных глаголов, обозначающих изменение состояния предмета. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / С.И. Назаров. – Л., 1987.

Недялков, В.П. К методике изучения синтагматических подклассов глаголов (на материале немецких каузативных глаголов типа *befehlen* и *zwingen*) [Текст] / В.П. Недялков // Ученые записки. В. 32 Вопросы германской филологии. – Горький, 1967. – С. 165-179.

Недялков, В.П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив [Текст] / В. П. Недялков. – Л., 1971.

Недялков, В.П., Сильницкий, Г.Г. Типология каузативных конструкций [Текст] / В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. – Л., 1969. – С. 5-19.

Недялкова, Т.М. Лексическая группа глаголов речи в современном немецком языке. Автореф. дисс... канд. филол. наук [Текст] / Т.М. Недялкова. – М., 1961.

Нефедова, Л.Б. Статические и динамические аспекты глагольной семантики в современном английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Л. Б. Нефедова. – М., 1982.

Новоселова, Т.И. Экспрессивные переносные значения глаголов физического воздействия в русском языке [Текст] / Т.И. Новоселова // Экспрессивность на разных уровнях языка. – Новосибирск, 1984. – С. 91-99.

Носенко, Е.А. Семантическое поле эмоционального отношения в испанском и русском языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.А. Носенко. – М., 2005.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка [Текст] / Отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М., 1972.

Остин, Дж. Л. Слово как действие [Текст] / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. В. 17. Теория речевых актов. – М., 1986.

Ошева, С.В. Семантика императивной каузативной ситуации [Текст] / С.В. Ошева // Лингвистические чтения. Иностранные языки. Материалы конференции (апрель 1993 г.). – Пермь, 1993. – С. 26-27.

Ошева, С.В. К вопросу о соотношении значения и смысла [Текст] / С. В. Ошева // Проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. – Пермь, 2002а. – С. 60-64.

Ошева, С.В. Каузативная ситуация: семантическая перспектива [Текст] / С.В. Ошева // Проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. – Пермь, 2002б. – С. 61-65.

Ошева, С. В. Глагол и валентностные категории [Текст] / С. В. Ошева // Проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. – Пермь, 2002в. – С. 65-68.

Ошева, С.В. Понятийные категории и их функционирование в рамках языковой системы [Текст] / С.В. Ошева // Актуальные вопросы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. – Пермь, 2004, Вып. 3(9). – С. 41-45.

Павлов, В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования [Текст] / В.М. Павлов. – Л., 1985.

Падучева, Е.В. Принцип композиционности в неформальной семантике [Текст] / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания, № 5, 1999. – С. 3-23.

Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е.В. Падучева. – М., 2004.

Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка [Текст] / Е.В. Падучева. Изд. 3. – М., 1974, 2009.

Пауль, Г. Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль. – М., 1960.

Пелашенко, И.И. К вопросу о семантико-синтаксической характеристике конструкций с глаголами речи (на материале немецкого языка) [Текст] / И.И. Пелашенко // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л., 1985. – С. 209-211.

Петров, В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы [Текст] / В.В. Петров // Язык и логическая теория. – М., 1987.

Плотникова, А.М. Русские глаголы с включенной актантажной рамкой: лексико-семантическое и денотативное пространство. Дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / А.М. Плотникова. – Екатеринбург, 1997.

Потапенко, А.С. Семантико-синтаксические прагматические свойства базисных эпистемических глаголов испанского и английского языков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / А.С. Потапенко. – Пятигорск, 2003.

Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А. Потебня. Т. I-II. – М.: Учпедгиз, 1958.

Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А. Потебня. Гл. IV. Вып. II. – М., 1977.

Почепцов, Г.Г. Синтагматика английского языка [Текст] / Г.Г. Почепцов. – Киев, 1976.

Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании [Текст]. – СПб., 2000.

Пушина, Н.И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм английского глагола [Текст] / Н.И. Пушина. – Ижевск, 2000.

Пятчина, С.В. Семантико-синтаксические свойства предикатного актанта при глаголах чувственного восприятия в современном немецком языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / С.В. Пятчина. – М., 1990.

Распопов, И.П. Очерки по теории синтаксиса [Текст] / И.П. Распопов. – Воронеж, 1973.

Рассел, Б. Описание [Текст] / Б. Рассел // Новое в зарубежной лингвистике. XIII. – М., 1960.

Рахманкулова, И.–Э.С. Модели предложения и семантика глаголов в диахронии [Текст] / И.–Э.С. Рахманкулова // Вопросы языкознания. 1999, № 5.

Реферовская, Е.А. Лингвистическая концепция Гюстава Гийома [Текст] / Е.А. Реферовская // Вопросы языкознания. 1967, № 3.

Реформатский, А.А. Лингвистика и поэтика [Текст] / А.А. Реформатский. – М., 1987.

Розина, Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол [Текст] / Р.И. Розина. – М., 2005.

Романов, А.А. Семантика предикатных конструкций со значением просьбы [Текст] / А.А. Романов // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л., 1985. – С. 200-203.

Руделев, В.Г. Теория нейтрализации. Некоторые результаты. Перспективы развития. (Вместо предисловия) [Текст] / В.Г. Руделев // Теория нейтрализации. – Тамбов, 1980. – С. 3-10.

Руделев, В.Г. Динамическая теория частей речи русского языка [Текст] / В.Г. Руделев // Вестник Тамбовского ун-та. Журнал ТГУ им. Г.Р. Державина. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 1996 а. Вып. 1. – С. 83-89.

Руделев, В.Г. Тамбовская лингвистическая школа [Текст] / В.Г. Руделев // Вестник гуманитарной науки. № 5 (31). – М., 1996б. – С. 41-44.

Савичуте, Г.С. Предикаты цели и предикаты каузации [Текст] / Г.С. Савичуте // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 39. № 6, 1980. – С. 539-548.

Самохина, Т.С. Глаголы со значением пермиссивности в английском, немецком и французском языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Т.С. Самохина. – М., 1982.

Селиванова, М.Ю. Синтаксические конструкции с каузативными глаголами и их смысловое предназначение. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / М.Ю. Селиванова. – Н. Новгород, 2005.

Сентнеберг, И.В. Лексическая семантика английского глагола [Текст] / И.В. Сентнеберг. – М., 1984.

Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление [Текст] / Б.А.Серебренников. – М., 1988.

Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. В. 17. Теория речевых актов. – М., 1986.

Сильницкий, Г.Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов [Текст] / Г.Г. Сильницкий // Проблемы структурной лингвистики, 1972. – М., 1973.

Сильницкий, Г.Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов. Автореф. ... докт. филол. наук [Текст] / Г.Г. Сильницкий. – Л., 1974.

Сильницкий, Г.Г. Семантические классы глаголов английского языка [Текст] / Г.Г. Сильницкий. – Смоленск, 1986.

Сильницкий, Г.Г. Семантические классы глаголов с предикатными актантами [Текст] / Г.Г. Сильницкий // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л., 1985. – С. 40-42.

Сильницкий, Г.Г. Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика [Текст] / Г.Г. Сильницкий. Том I. – Смоленск, 2006.

Сильницкий, Г.Г. Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика [Текст] / Г.Г. Сильницкий. Том II. – Смоленск, 2006.

Скрелина, Л.М. Об одном направлении во французской лингвистике: Школа Гийома [Текст] / Л.М. Скрелина // НДВШ. Филол. науки. 1971. № 2.

Скрелина, Л.М. Система языка и речевой деятельности: Методы исследования [Текст] / Л.М. Скрелина. – Л., 1981.

Скрелина, Л. М. Грамматическая синонимия [Текст] / Л.М. Скрелина. – Л., 1987.

Смирнова, А.А. Функционально-семантические группы субстантивированных прилагательных и причастий со значением лица в современном немецком языке [Текст] / А.А. Смирнова // Лингвистические исследования. 1989. Функционирование грамматических категорий: Сб. научн. тр. Отв. ред. А.М. Мухин. – М., 1989. – С. 154-160.

Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр // Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С.В. Чистяковой. Под общ. Ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 1999.

Стуруа, Н. Корреляция каузатива, переходности и порядка слов в баскском [Текст] / Н. Стуруа // Материалы международного симпозиума (посвященного 100-летию со дня рождения А.С. Чикобава). – Тбилиси, 1998. – С. 84-85.

Супрун, А.В. Грамматика и семантика простого предложения. На материале испанского языка [Текст] / А.В. Супрун. Отв. ред. член-корр. АН СССР Г.В. Степанов. Изд. 2-е., испр. – М., 2008.

Сусов, И.П. Семантическая структура предложения [Текст] / И.П. Сусов. – Тула, 1973.

Сымулов, М.Г. Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках (на материале английского и чувашского языков). Автореф. ... канд. филол. наук [Текст] / М.Г. Сымулов. – Чебоксары, 2005.

Сымулов, М.Г. Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках (на материале английского и чувашского языков). Дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / М.Г. Сымулов. – Чебоксары, 2006.

Таненцапф, М.С. Исследование каузативных глаголов в немецком языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / М.С. Таненцапф. – М., 1964.

Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса [Текст] / Л. Теньер. – М., 1988.

Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис [Текст]. – Л., 1987.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность [Текст]. – Л., 1990.

Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость [Текст]. – СПб., 1991.

Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив [Текст]. – Л., 1969.

Уорф, Б.Л. Грамматические категории [Текст] / Б.Л. Уорф // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 44-60.

Филиппов, А.В. К вопросу о каузативных и некаузативных глаголах [Текст] / А.В. Филиппов // РЯШ, 1978, № 1. – С. 90-93.

Филлмор, Ч. Дело о падеже [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10, – М., 1981.

Фоменко, Ю.В. Глаголы психического воздействия в русском языке [Текст] / Ю.В. Фоменко // Научн. труды Новосибирск. пед. и-та. Вып. 119. – Новосибирск, 1975. – С. 3-23.

Хабирова, Н.М. Способы выражения побудительных интенций в татарском и английском языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Н.М. Хабирова. – Казань, 2004.

Храковский, В.С. Очерки по общему и арабскому синтаксису [Текст] / В.С. Храковский. – М., 1973.

Храковский, В.С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики [Текст] / В.С. Храковский // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985.

Храковский, В.С., Володин, А. П. Семантика и типология императива. Русский императив [Текст] / В.С. Храковский, А.П. Володин. Отв. ред. В.Б. Касевич. – Л., 1986.

Храковский, В.С. Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб., 1999.

Холодович, А.А. Проблемы грамматической теории [Текст] / А.А. Холодович. – Л., 1979.

Худяков, А.А. Понятийные категории как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pomorsu.ru/ScientificLife/Library/Sbornic2/article1.htm>

Цветкова, Г.В. Абстрактные глаголы английского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Г.В. Цветкова. – Калинин, 1979.

Чарекова, Е.П. Семантико-синтаксические характеристики конструкций с трехактантными глаголами в современном английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.П. Чарекова. – Л., 1986.

Чейф, У.Л. Значение и структура языка [Текст] / У.Л. Чейф. Пер. с англ. Г.С. Щура. – М., 1975.

Чистякова, Е.Л. Функционально-семантический анализ группы глаголов с семантикой созидания и придания формы. Автореф. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.Л. Чистякова. – СПб, 2005.

Чудинов, А.П. Регулярное семантическое варьирование в русской глагольной лексике. Дисс. ... докт. филол. наук [Текст] / А.П. Чудинов. Урал. пед. ун-т. – Свердловск, 1990.

Чудинов, А.П. О семантике и классификации каузативных глаголов [Текст] / А.П. Чудинов // Семантические классы русских глаголов. Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1982.

Чудинов, А.П. О некоторых закономерностях совмещения каузативного и некаузативного значений в пределах одной лексемы [Текст] / А.П. Чудинов // Исследования по семантике. Башк. гос. ун-т. – Уфа, 1982.

Шарандин, А.Л. Грамматические категории и лексико-грамматические классы русского глагола. Дисс.... канд. филол. наук [Текст] / А.Л. Шарандин. – Тамбов, 1981.

Шведова, Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М., 1973.

Швецова, М.Г. Прагматические функции предложений с глаголами речевой деятельности в немецком языке. Автореф. дисс... канд. филол. наук [Текст] / М.Г. Швецова. – М., 1992.

Шишкина, И.П. Глаголы с инкорпорированными актантами в современном немецком языке [Текст] / И.П. Шишкина // Взаимодействие грамматических категорий в языке и речи. – Вологда, 1996. – С. 74-75.

Шишкова, Л.В., Смирнова, Т.Ю. Синтаксис современного немецкого языка [Текст] / Л.В. Шишкова, Т.Ю. Смирнова. – М., 2003.

Ширшикова, Е.В. Прагматические особенности концептосферы инструментальности (на материале современного немецкого языка). Автореф. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.В. Ширшикова. – Барнаул, 2005.

Шубик, С.А. Категория залога и поле залоговости в немецком языке [Текст] / С.А. Шубик. – Л., 1989.

Шустова, С.В. Каузативная ситуация [Текст] / С.В. Шустова // Фундаментальные исследования. 2006, № 3. – С. 97-101.

Шустова, С.В. Семантико-синтаксическая характеристика каузативной ситуации [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 24. 2008б, № 3. – С. 170-174.

Шустова, С.В. Семантическое пространство каузативных глаголов [Текст] // Современные направления в лингвистике и преподавании языков. Мат-ы межд. научн.-практ. конф. / Под ред. Т.В. Дубровской, Е.В. Китаевой. Т. II. – М., 2008в. – С. 41-45.

Шустова, С.В. Типы и функции понятийных категорий [Текст] / С.В. Шустова // Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji. Scientific Publication of the Faculty of Foreign Languages and Literatures, University of Tehran. No. 47, Special Issue, Russian 2009. – P. 59-70.

Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л.В. Щерба. – М., 2007.

Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике [Текст] / Г.С. Щур. – М., 1974.

Эфтерпи, Л. Структурно-семантические и прагматические свойства глаголов понимания и уточнения в немецком языке. Автореф. дисс ... канд. филол. наук [Текст] / Л. Эфтерпи. – Пятигорск, 1992.

Якобсон, Р.О. Избранные работы [Текст] / Р.О. Якобсон. – М., 1985.

Якобсон, Р.О. О лингвистических аспектах перевода [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-78.htm>

Ямшанова, В.А. Категория инструментальности в немецком языке [Текст] / В.А. Ямшанова. – Л., 1991.

Admoni, W. Der deutsche Sprachbau [Текст] / W. Admoni. – М., 1972, 1986.

Bartsch, R. Adverbialsemantik [Текст] / R. Bartsch. – Äthen, 1972.

Ballmer, Th., Brennenstuhl, W. Deutsche Verben: Eine sprachanalytische Untersuchung des deutschen Verbwortschatzes [Текст] / Th. Ballmer, W. Brennenstuhl. – Tübingen, 1986.

Brinkmann, H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung [Текст] / H. Brinkmann. Pädagogischer Verlag Schwann, – Düsseldorf, 1962.

Brunot, F. La pensee et la lingua [Текст] / F. Brunot // Introduction. PP. VIII-XXIV. – Paris, 1926.

Chafe, W. Meaning and the structure of language [Текст] / W. Chafe. – Chicago, London. 1971.

Dokulil, M., Danes, Fr. K t.zv. vyznamove a mluvnicke stavbe vety [Текст] / M. Dokulil, Fr. Danes // O vedeckem poznani soudobych jazyku. – Praha, 1958.

Duden. Die Grammatik [Текст]. Dudenverlag. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. 1995.

Erben, J. Deutsche Grammatik. Ein Abriss [Текст] / J. Erben. 12. Auflage. – München, 1980.

Fillmore, Ch. The case for case [Текст] / Ch. Fillmore // Universals in linguistic theory. Ed. By E. Bach and R. Harms. N.Y. – London-Toronto. 1968. – P. 1-88.

Gansel, Ch. Zum Zusammenhang von lexikalischer Semantik, semantischen Kasus und semantischem Staztyp bei dreiwertigen deutschen Tätigkeitsverben [Текст] / Ch. Gansel // In Würdigung von K.-E. Sommerfeldt aus Anlass seines 60. Geburtstags. – Güstrow, 1987.

Grewendorf, G. Sprechakttheorie [Текст] / G. Grewendorf // Lexikon der germanistischen Linguistik. – Tübingen. 1980. – S. 287-293.

Guillaume, G. Foundations for a Science of Language [Текст] / G. Guillaume. – Amsterdam / Philadelphia, 1984.

Helbig, G. Zur semantischen Charakteristik der Argumente des Prädikats [Текст] / G. Helbig // Probleme der Bedeutung und Kombinierbarkeit im Deutschen. – Leipzig, 1977.

Hewson, J. Article and Noun in English [Текст] / J. Hewson. – The Hague – Paris. 1972.

Hirtle, W. H. Time. Aspect and the Verb [Текст] / W. H. Hirtle. – Quebec. 1975.

Hüllen, W. Verbs of Causativity in the English Interlanguage of German Learners [Текст] / W. Hüllen // The Contrastive Grammar of English and German. Edited by Walter F.W. Johnes and Edwin A. Hopkins. Karoma Publisher. Inc. 1982. Ann Arbor. – Michigan. (1) – P. 170-177.

Mathesius, V. Obsohový rozbor soucasné anglickiny na zaklade obecne lingvistickem [Текст] / V. Mathesius. – Praha, 1961.

Meibauer, J., Demske U., Geilfuß-Wolfgang J., Pafel J., Ramers K.H., Rothweiler M., Steinbach M. Einführung in die germanistische Linguistik [Текст] / J. Meibauer, U. Demske, J. Geilfuß-Wolfgang, J. Pafel, K. H. Ramers, M. Rothweiler, M. Steinbach. 2., aktualisierte Auflage, J.B. Stuttgart. – 2007.

Moskalskaja, O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache [Текст] / O. I. Moskalskaja. – M., 1983.

Nilsen, D. The Instrumental Case In English [Текст] / D. Nilsen. – The Hague-Paris. 1979.

Pasch, R. Zum Status der Valenz [Текст] / R. Pasch // Beiträge zur semantischen Analyse. Linguistische Studien. – Berlin, 1977. – S. 148-156.

Pleines, J. Handlung – Kausalität – Intention. Probleme der Beschreibung semantischer Relationen. [Текст] / J. Pleines. – Tübingen, 1971.

Pleines, J. Handlung – Kausalität – Intention [Текст] / J. Pleines. – Tübingen, 1976.

Schendels, E.I. Deutsche Grammatik [Текст] / E.I. Schendels. – Moskau, 1982.

Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik: Eine Einführung in die funktionale Spachlehre [Текст] / W. Schmidt. – Berlin, 1965.

Shibatani, M. A grammar of causative constuctions: A conspectus [Текст] / M. Shibatani // Syntax and Semantics. Vol. 6. – N.Y., 1976. – P.1-40.

Sgall, P., Hajicova, E., Panevova, I. The meaning of the sentence in its semantic and pragmatik aspects [Текст] / P. Sgall, E. Hajicova, I. Panenova. – Prague, 1986.

Wierzbicka, A. Semantic primitives [Текст] / А. Wierzbicka. – Frankfurt, 1972.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Баранов, А.Н., Добровольский Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов с английскими эквивалентами. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006.

Большой англо-русский словарь: В 2-х т. Под рук. И.Р. Гальперина. – М., 1972.

Большой немецко-русский словарь. Сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг, Р.А. Черфас. Под рук. докт. филол. наук, О.И. Москальской. Издание второе, стереотипное. Т. 1, Т. II. – М., 1980. А-К. 760 С., L-Z.

Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. Ярцева В.Н. М.: Научное изд-во « Большая российская энциклопедия». 1998. .

Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов. – М., 1960.

Мейль, К., Арндт, М. Немецкие глаголы. Справочное руководство. – СПб., 1997.

Современный толковый словарь русского языка. Более 90000 слов и фразеологических выражений. Вед. ред. С.М. Снарская. СПб., 2001. 960 с.

Философская энциклопедия. Под ред. Ф. В. Константинова. – М., Т. 5, 1970.

Agricola, E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. VEB Bibl. Institut. – Leipzig, 1968.

Bulitta, E. u. H. Wörterbuch der Synonyme und Antonyme. Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, – Frankfurt am Main, 1990.

Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Dritte, aktualisierte und erweiterte Auflage. Alfred Kröner, Verlag Stuttgart, 2002.

Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge University Press 2005. 3-rd printing. 2006.

Cambridge Dictionary of American English. Cambridge University Press 2000.

Duden. Bd. 8. Die sinn- und sachverwandten Wörter. Wörterbuch der treffenden Ausdrücke. 2., neu bearb., erw. u. aktualisierte Aufl. 1986.

Duden. Oxford. Großwörterbuch Englisch. Deutsch-Englisch. Englisch-Deutsch. 3., überarbeitete und aktualisierte Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion und Oxford University Press. Dudenverlag. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. 2005.

Hornby, A. S., Gatenbay, E. V., Wakefield, H. London. Oxford University Press. 1958.

Langenscheidt's Power Dictionary. Englisch-Deutsch. Deutsch-Englisch. Völlige Neuentwicklung. – Berlin, München, Wien, Zürich, New-York, 1997.

Langenscheidt Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Das neue einsprachige Wörterbuch für Deutschlerner. – Berlin, München, Wien, Zürich, New-York, 1993.

New English Russian-Dictionary. Новый большой англо-русский словарь. Под общ. рук. академ. Ю.Д. Апресяна и докт. филол. наук. Э.М. Медниковой. Изд. 3-е, стереотипное. – М., 1998. Т.1, Т. 2, Т.3.

The American Heritage College Dictionary. The third edition, Houghton Mifflin Company. – Boston-New York. Copyright 1997.

The Advanced Learner's Dictionary of Current English. By Hornby A. S., Gatenby, E. V., Wakefield H. London. Oxford University Press. 1958.

The Pan Dictionary of Synonyms and Antonyms. –London and Sydney. Ed. By L. Urdang and M. Manser, 1980.

The Oxford Dictionary and Thesaurus. Ed.: E. Tulloch. 1996.

Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch. Neu herausgegeben von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. Mit einem "Lexikon der deutschen Sprachlehre". Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, – Gütersloh, München, 2000.

Webster's New International Dictionary. – Springfield, Mass. U.S.A., 1973.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

www.franklang.ru/473/

wiki – <http://de.wikipedia.org/wiki/Kausativ>

www.wortschatz.uni-leipzig.de

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Böll, H. Ende der Bescheidenheit. Schriften und Reden. 1969-1972. – München, 1985.

Böll, H. Ansichten eines Clowns. – Köln. 1997.

Böll, H. Der Engel schwieg. 5. Auflage. – Köln. 1997.

Kafka, F. Beschreibung eines Kampfes. Novellen, Skizzen, Aphorismen aus dem Nachlass. – Frankfurt am Mein. 1989.

Süskind, P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. – Zürich, 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Часть I. Категории в системе языка. Понятийные категории: исторический аспект	7
--	----------

1.1. Каузативные глаголы интерперсональной семантики в сфере функционально-семантической категории каузативности	7
1.2. Категория каузативности: история вопроса	13
1.3. Соотношение понятийных и семантических категорий	22
1.4. Типы и функции понятийных категорий	30

Часть II. Структура и семантика предложения с каузативными глаголами	37
---	-----------

2.1. Системно-функциональный подход к исследованию фактов языка	37
2.2. Структурно-семантическая организация предложения: спорные вопросы	43
2.3. Валентностный потенциал глагола и его реализация в структурно-семантической организации предложения	53
2.4. Терминологическая подсистема теории семантической валентности	59
2.5. Актанты и сирконстанты: к постановке проблемы	62

Часть III. Функционально-семантическая категория каузативности	67
---	-----------

3.1. Каузативная ситуация	67
3.2. Базовые компоненты каузативной ситуации. Каузатор и объект каузации как обязательные компоненты каузативной ситуации	77
3.3. Принципы выделения лексико-грамматического разряда каузативных глаголов	83
3.4. К вопросу о классификации глаголов	89
3.5. Средства выражения значения каузативности	108
3.6. Маркеры каузативного значения в разноструктурных языках	123

3.7. Валентностный и прагматический потенциал каузативов.....	127
3.7.1. Валентностный потенциал каузативных глаголов	127
3.7.2. Инкорпорированные актанты в семантике глагола.....	134
3.7.3. Синкретизм в контексте функционирования каузативов .	142
3.7.4. Перформативная и дескриптивная функция каузативных глаголов	149
3.7.5. Семантико-денотативная вариативность категории инструментальности в каузативной ситуации	158
3.8. Семантическая характеристика каузативной ситуации	165
3.8.1. Каузативная ситуация с одушевленным именем в качестве каузатора в позиции подлежащего	166
3.8.2. Каузативная ситуация с неодушевленным именем в качестве каузатора в позиции подлежащего, имплицитным личностный смысл.....	167
3.8.3. Каузативная ситуация с неодушевленным именем в качестве каузатора в позиции подлежащего, не имплицитным личностный смысл.....	169
3.8.4. Каузативная ситуация с генерализованным каузатором в позиции подлежащего.....	170
Заключение.....	178
Список принятых обозначений и сокращений.....	181
Список использованной литературы	182

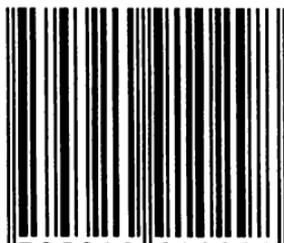
ЛЕКСИЧЕСКИЙ КАУЗАТИВ

С.В. Шустова

Монография

Компьютерная верстка: *Л.Н. Аликина.*

ISBN 978-5-91091-029-8

9 785910 910298

Подписано в печать 16.01.2010. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,86.
Тираж 300 экз. Заказ № 02.

Отпечатано в АНО «Координационный центр
непрерывного гуманитарного образования»
614022, г. Пермь, ул. Карпинского, 68, тел.: 8 (342) 223 00 34
Лицензия ИД № 04783